

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ АРМИИ И ФЛОТА

Офицерское собрание армии и флота ▲
в г. Санкт-Петербурге.
Фасад по Литейному проспекту
1898 г.

Большой концертный зал ▲
2003 г.

Вестибюль и парадная лестница ▲
2003 г.

Розовая гостиная
2003 г.

▲ Окружной Дом офицеров
Ленинградского военного округа
2003 г.

**Читайте
в номере**

В марте 1898 года в Санкт-Петербурге в присутствии императора Николая II состоялось торжественное открытие Офицерского собрания русской армии и флота (ныне Дом офицеров Ленинградского военного округа).

Монуменальное здание на углу улицы Кирочной и Литейного проспекта привлекает своей архитектурой. Проект здания выполнен в так называемом русском стиле, весьма популярном в отечественной архитектуре 1860—1890-х годов и отличавшимся четкостью линий фасада, строгостью, красотой отделки. Подробнее об Офицерском собрании русской армии и флота читайте в номере в статье кандидата военных наук, доцента полковника в отставке М.Я. Тарасова.

▲ Голубая гостиная
2003 г.

Публикацию подготовил
И.А. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ
(Москва)

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Учебные пособия» агентства «Роспечать». Индекс журнала для подписчиков Российской Федерации — 70137, для зарубежных подписчиков — 79726. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра «ВИЖ» по каталогу в первом полугодии 2004 г. 24 р. 98 к. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала».

Адрес электронной почты:
E-mail: vzh@vipmail.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут оформить подписку на «ВИЖ» с личным получением по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Генерального штаба ВС РФ, тел.: (095) 157-80-47, 195-61-76.

Электронная версия «Военно-исторического журнала» в Интернете: [Voенno-istoricheskii zhurnal](http://home.castview.com/epubs.shtml) <http://home.castview.com/epubs.shtml>

Ежемесячное издание Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

март
№ 3
2004 год

ИЗДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**К 60-летию
Победы**

Развитие средств связи тактического и оперативного звена управления в годы Великой Отечественной войны

Индийская армия помогала Закавказскому фронту

Кому служили латышские стрелки?

"Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом"

К Международному женскому дню 8 марта

Женщина — воин, женщина — жертва

*Военно-исторические
рафитеты Отечества*

РУССКОЕ ВООРУЖЕНИЕ С XIV ДО ПОЛОВИНЫ XVII СТОЛЕТИЯ
Воевода в двух панцирях и в ерихонке
(на втором плане древний замок Нейгаузен в Лифляндии)

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

60 лет назад — 26 марта 1944 года — войска 1-го Украинского фронта вышли в район г. Бельцы на р. Прут на линию государственной границы СССР с Румынией

"...ИЩА СЕБЕ ЧЕСТИ,

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
РАРИТЕТЫ
ОТЕЧЕСТВА

Из коллекций Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург)

В 2004 году исполняется 200 лет со дня рождения Александра Васильевича Висковатова, одного из самых квалифицированных специалистов в области военного обмундирования и снаряжения, истории воинских частей, автора "Исторического описания одежды и вооружения российских войск". Этот фундаментальный труд, ставший библиографической редкостью практически сразу же после издания, охватывает период с 862 по 1841 год и содержит более 4000 иллюстраций, включая и те, которые представлены вниманию наших читателей сегодня. Редакция при поддержке члена редакционного совета нашего журнала — начальника Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи кандидата исторических наук полковника В.М. Крылова планирует в очередных номерах продолжить их публикацию в серии "Военно-исторические раритеты Отечества". Подробнее об этом уникальном издании, его авторе А.В. Висковатове и продолжателе этого благородного начинания Л.А. Верховцеве вы узнаете из публикуемой в этом номере статьи Е.К. Смирновой "Создатели раритетов Отечества".

▲ Ратник в зеркале и в шеломе (на втором плане часть Московского Кремля XVII столетия)

Читайте
в номере

▲ Колпаки

▲ Ратник в юшмане и в мисюрке

Военный финансово-экономический университет Министерства обороны Российской Федерации

Начальник университета генерал-полковник В.В. Воробьев

Торжественное открытие Музея финансово-экономической службы ВС РФ заместителями министра обороны Л.К. Куделиной и генерал-полковником Н.А. Панковым

АЛЬМА-МАТЕР ВОЕННЫХ ФИНАНСИСТОВ

▲ На вечере, посвященном командарму Гражданской войны, первому наркому финансов СССР Г.Я.Сокольникову выступили его дочь — Г.Г.Тартыкова-Сокольникова (слева) и председатель совета ветеранов университета генерал-майор в отставке С.М.Ермаков (в центре). Справа — ведущий вечера полковник В.А.Лопатин

▲ Встреча с ветеранами в день 50-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

ВОЕННЫЙ финансово-экономический университет Министерства обороны Российской Федерации является крупным учебно-методическим и научным центром подготовки офицерских кадров финансово-экономической службы по всем направлениям ее деятельности.

Сегодня он осуществляет подготовку руководящего состава финансово-экономической службы с высшим военным образованием по специальностям: управление финансами Вооруженных Сил РФ, уп-

равление экономикой Вооруженных Сил РФ, управление банковским обслуживанием Вооруженных Сил РФ, а также переподготовку и повышение квалификации офицеров по финансово-экономическим специальностям, проведение научных исследований.

Выпускники университета успешно работают в президентских и правительственных структурах, в Счетной палате, Министерстве финансов, Центральном банке Российской Федерации и его полевых учреждениях, руководят финансово-

экономической деятельностью во всех видах Вооруженных Сил, в округах, на флотах, в главных и центральных управлениях Министерства обороны Российской Федерации, занимают руководящие посты в финансово-экономических службах ряда силовых ведомств России и стран СНГ.

При поддержке заместителя министра обороны Российской Федерации по финансово-экономической работе Л.К. Куделиной в университете впервые в истории Вооруженных Сил создан Музей финансово-экономической службы Вооруженных Сил РФ.

Благодаря усилиям руководства, личного состава кафедр, других структурных подразделений университета и его Ярославского филиала, специалистов финансово-экономических органов по всем уровням управления впервые удалось сформировать уникальные, не имеющие аналогов в отечественной истории экспозиции, которые в полной мере раскрывают сложную и многогранную деятельность военного финансиста, показывают его роль и место в общей системе военно-экономического обеспечения обороноспособности государства, характеризуют структуру финансовых органов на различных этапах исторического развития.

Публикацию подготовил майор Ю.Л. НИКОЛАЕВ

(Москва)

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
оборон
Российской
Федерации

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

март 2004 3 (527)

Издание Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

ВОЕННАЯ РЕФОРМА: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ В.М. КОРОВИН, В.А. СВИРИДОВ — «Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом»	2	MILITARY REFORM: THE PAST AND THE PRESENT V.M. KOROVIN, V.A. SVIRIDOV — "On having put on uniform of the regiment, anyone used to become a full and equal member of it" THE
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ Ю.И. МАЛАШЕНКО — Развитие средств связи тактического и оперативного звена управления в годы Великой Отечественной войны	6	GREAT PATRIOTIC WAR: THE HISTORY OF ARMAMENT AND EQUIPMENT Yu.I. MALASHENKO — Development of communication means of control at the tactical and operational level during the Great Patriotic War
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА М.Ю. КРЫСИН — Индийская армия помогала Закавказскому фронту	9	WORLD WAR II M.Yu. KRYSSIN — The Indian army supported the Transcaucasian front
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ А.А. БУДКО, Г.А. ГРИБОВСКАЯ — Женщина — воин, женщина — жертва	11	THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE HISTORY OF MILITARY MEDICINE A.A. BUDKO, G.A. GRIBOVSKAYA — Woman is a soldier, woman — a victim
ПРОТИВ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ В.Я. ГРОСУЛ, В.Т. ИМИНОВ — Фельдмаршал М.И. Кутузов. Кто следующий?	13	AGAINST THE LIE AND FALSIFICATION V.Ya. GROSUL, V.T. IMINOV — The Field-Marshal Kutuzov M.I. Who is the next?
БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ Е.А. СИКОРСКИЙ — Смоленский район обороны	18	THE SECURITY OF RUSSIA: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW E.A. SIKORSKIY — The defense area at Smolensk
НЕИЗВЕСТНОЕ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦСЛУЖБ А.А. ЗДАНОВИЧ — «Латышское дело»	22	THE UNKNOWN FROM THE LIFE OF SPECIAL SERVICES A.A. ZDANOVITCH — "The Lettish prosecution"
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ «Благодарен судьбе за то, что она дала мне расстроенную дивизию...» (Публикация И.С. ДАНИЛЕНКО, И.А. АНФЕРТЬЕВА)	25	WORLD WAR I: FROM THE UNPUBLISHED MANUSCRIPTS "I am thankful to my lucky stars because they gave me a disordered division" (Publication of I.S. DANILENKO, I.A. ANFERTIEV)
ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ Б.А. ЭНГЕЛЬГАРДТ — Воспоминания камер-пажа (Публикация В.А. АВДЕЕВА)	33	FROM THE UNPUBLISHED MANUSCRIPTS B.A. ENGELGARDT — The memoirs of the court-page (Publication of V.A. AVDEEV)
НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ Е.В. ДОБЫЧИНА — О происах Токио в Корею на рубеже XIX—XX вв.	37	ON THE RUSSIAN EMPIRE BOUNDARIES E.V. DOBYCHINA — About underhand plotting of Tokyo in Korea in XIX — XX centuries
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО Ю.В. БРАТЮЩЕНКО — «Отдельные работники, включая председателя правления, несут дисциплинарную и уголовную ответственность...»	43	THE MILITARY CONSTRUCTION Yu.V. BRATYUSHENKO — "Individual workers, including the chairman of the management board, bear the disciplinary and criminal responsibility"
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ М.Я. ТАРАСОВ — «Офицерские собрания... сплотили общество офицеров, укрепили корпоративный их дух»	48	THE MILITARY PATRIOTIC EDUCATION M.Ya. TARASOV — "Officers' meetings ... united society of officers and strengthened their corporative spirit"
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В.Г. СМИРНОВ — «В эту войну наше общество помогло всем семьям погибших»	51	WORLD WAR I V.G. SMIRNOV — "During this war our society helped the families of all the dead"
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Е.К. СМИРНОВА — Создатели раритетов Отечества	53	THE MILITARY HISTORICAL HERITAGE E.K. SMIRNOVA — Creators of the rarities of the fatherland
ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ В.Ю. КУЗМИН — Земская медицина на военной службе	57	WORLD WAR I: THE HISTORY OF THE MILITARY MEDICINE V.Yu. KUZMIN — The medicine of Zemstvo is in military service
МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ		★ ★ THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE
ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ Е.Р. ОЛЬХОВСКИЙ — «Сын» временщика	59	THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES E.R. OLHOVSKIY — "The son" of the favourite
ЗАБЫТОЕ ИМЯ С.В. ЛЕБЕДЕВ — Генерал, публицист, политик	61	THE FORGOTTEN NAME S.V. LEBEDEV — The general, publicist, politician
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ «...Близок час, когда дерзкий враг запросит у нас пощады» (Публикация И.В. ОБРАЗЦОВА)	66	THE MILITARY PATRIOTIC EDUCATION "... It's not far, when the impudent enemy will cry for mercy" (Publication of I.V. OBRAZTSOV)
К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Чайнворд «Русско-японская война 1904—1905 гг.»	68	TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE" A.S. ZHDANOVSKIY — The chine-words "The Russian-Japanese war of 1904—1905"
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ С.С. НОВИКОВ — Забытые герои русской истории	74	CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY S.S. NOVIKOV — The forgotten heroes of the Russian history
НАШИ ЛАУРЕАТЫ — 17; ХРОНОГРАФ — 34; НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 52, 67, 79; КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 58, 60, 78; В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ — 79; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 79, 80	77	OUR LAUREATES — 17; THE CHRONOGRAPH — 34; SCIENTIFIC NEWS AND INFORMATION — 52, 67, 79; THE BOOKSHELF OF MILITARY HISTORIAN — 58, 60, 79; NEXT ISSUES — 79; THE EDITORIAL MAIL OF "VOYENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 79, 80
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В.В. ИЗОНОВ — Эволюция теории и практики морских десантных операций Советских Вооруженных сил	78	THE MILITARY PATRIOTIC EDUCATION V.V. IZONOV — Evolution of the theory and practice of the naval landing operations of the Soviet Armed Forces
НАШИ ЛАУРЕАТЫ — 17; ХРОНОГРАФ — 34; НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 52, 67, 79; КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА — 58, 60, 78; В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ — 79; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 79, 80	78	OUR LAUREATES — 17; THE CHRONOGRAPH — 34; SCIENTIFIC NEWS AND INFORMATION — 52, 67, 79; THE BOOKSHELF OF MILITARY HISTORIAN — 58, 60, 79; NEXT ISSUES — 79; THE EDITORIAL MAIL OF "VOYENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 79, 80

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

3 (527)
2004 March

The Journal of Military History

Edition of General Staff
of the Russian Federation Armed Forces
Founded in August, 1939

Established by the Ministry of Defence of Russian Federation

Главный редактор
И. А. АНФЕРТЬЕВ.

Редакционная
коллегия:

Ю. Н. БАЛУЕВСКИЙ,
В. П. ВОЛОДИН,
И. О. ГАРКУША,
В. А. ЖИЛИН,
С. А. ИЛЬЕНКОВ,
В. И. ИСАКОВ,
А. В. КИРИЛИН,
В. П. КОЗЛОВ,
А. А. КОЛЬТЮКОВ,
В. А. КРАВЧЕНКО,
И. В. КУЗИНА
(ответственный
секретарь),
И. П. МАКАР,
А. А. НОГОВИЦЫН,
В. И. ОСТАНКОВ,
А. В. ОСТРОВСКИЙ,
Н. И. РЕЗНИК,
А. С. РУКШИН,
А. С. СКВОРЦОВ,
Н. Е. СОЛОВЦОВ,
В. И. ТЕРЕЩЕНКО,
С. И. ЧУВАШИН.

Редакционный
совет:

К. М. АНДЕРСОН,
И. И. БАСИК,
А. А. БУДКО,
Е. Ю. ГУСЬКОВА,
И. С. ДАНИЛЕНКО,
А. А. ЗДАНОВИЧ,
С. Н. КОВАЛЕВ,
Е. Н. КОРЧАГИН,
Г. Ф. КРИВОШЕЕВ,
В. М. КРЫЛОВ,
В. Н. КУЗЕЛЕНКОВ,
Г. А. КУМАНЕВ,
Е. И. МАЛАШЕНКО,
А. К. НИКОНОВ,
Р. Б. РЫБАКОВ,
М. Р. РЫЖЕНКОВ,
А. Н. САХАРОВ,
А. Р. СОКОЛОВ,
А. О. ЧУБАРЬЯН,
А. А. ЧУРИЛИН.

«НАДЕВ ФОРМУ ПОЛКА,

Одним из важнейших элементов, необходимых для успешного функционирования любой армии, является система аттестации офицерского состава, обеспечивающая правильный подбор и расстановку командных кадров, целенаправленное их обучение и воспитание и в конечном итоге способствующая повышению боеготовности и боеспособности Вооруженных сил. Читателям предлагается исследование опыта оценки деятельности офицеров, эффективно и постоянно проводившейся в российской армии в конце XIX—начале XX вв. в ходе осуществлявшейся военной реформы.

ВОЕННАЯ справочная литература начала XX века аттестационную работу трактовала как «отзывы начальства о качествах подчиненного, изложенные с соблюдением установленных для того правил и формальностей», а ее цель видела в том, чтобы «охарактеризовать личность военнослужащего в смысле пригодности его для службы как в мирное, так и в военное время», дать как можно более полную оценку «умственных, нравственных и служебных качеств испытуемого»¹. Но еще за двести лет до этого Петр Великий соответствующим указом предписывал производство унтер-офицеров в офицеры, а также капитанов в штаб-офицеры предварять обязательной баллотировкой (выбором кандидатов) в чине, в которой участвовали бы все офицеры части. Письменная же аттестация, причем первоначально исключительно с изложением отрицательных свойств аттестуемого, стало проводиться с 1742 года. Императорским указом определялось: «Ежели который по старшинству к произведению явится не достоин, то... командирам представить — именно зачем оного состоящего к произведению по старшинству произвести невозможно»². Несколько позже (с 1756 г.) аттестация включала подробный перечень качеств офицеров, характеризовавших не только их недостатки, но и достоинства, вплоть до внешнего вида. Например, требовалось, чтобы избранные для производства не имели «гнусную фигуру», ибо этим они «протчим того полку офицерам презрение наноят»³.

Сводом военных постановлений 1838 года (часть II, кн. 1) право аттестования присваивалось единолично начальнику, пользовавшемуся правами не ниже командира полка. При этом на каждого офицера заполнялся специальный формуляр, в котором командир был обязан указать «с точностью и определенностью», за что именно не аттестован тот или иной его подчиненный. Нес-

праведливая аттестация грозила старшему начальнику суровым наказанием или даже увольнением со службы. В то же время неаттестование могло привести к отказу неугоднему лицу в повышении в чине, лишении его права на отпуск или того хуже — преданию суду на предмет отстранения от военной службы. В Своде военных постановлений 1859 года появляется уже прямое указание о праве начальников представлять к увольнению со службы без суда лиц, «неспособных к отправлению должностей». С 1869 года формуляры заменили аттестационными списками, в которых были представлены сведения из послужного списка офицера и аттестация, составленная лично командиром части и имевшая четыре степени оценки офицера: выдающийся, хороший, удовлетворительный и неудовлетворительный⁴.

НЕУТЕШИТЕЛЬНЫЕ итоги русско-японской войны 1904—1905 гг. привели к реформированию системы аттестации офицеров в российской армии. В 1906 году приказом по военному ведомству (№ 216) была учреждена Высшая аттестационная комиссия, на которую возлагалось решение вопросов по руководству аттестацией офицерского состава армии. В том же году приказом по военному ведомству (№ 701) было введено в действие «Временное положение об аттестации капитанов (ротмистров, есаулов), штаб-офицеров и генералов строевых частей и о выборе кандидатов на некоторые должности», в соответствии с которым «определение служебных достоинств военнослужащих основывалось: а) на аттестациях, составляемых единолично непосредственными начальниками и на обсуждении этих аттестаций в особых аттестационных совещаниях и б) на окончательном заключении высших начальников». Аттестация определяла: достоин ли аттестуемый выдвижения на высшую должность (вне очереди, в порядке общего старшинства); он только пригоден для оставления на занимае-

ВСЯКИЙ СТАНОВИЛСЯ ПОЛНОПРАВНЫМ ЕГО ЧЛЕНОМ»

Аттестация офицерских кадров в русской армии

мой должности или желателен для назначения на определенную административную должность, подлежит предостережению о неполном служебном соответствии, увольнению от службы. В целях обеспечения правильности окончательных решений аттестации обсуждались в особых совещаниях: полковых (из штаб-офицеров полка и командиров рот батальона) — для рассмотрения аттестаций на младших офицеров; дивизионных (из начальника дивизии, двух бригадных командиров, четырех полковых командиров и иногда старших членов судов общества офицеров) — на капитанов (ротмистров, есаулов) и штаб-офицеров, не командовавших отдельными частями; корпусных (из командира корпуса, начальников дивизий, отдельных бригад, артиллерии корпуса и начальника штаба корпуса) — на командиров отдельных частей и бригад в составе дивизий, а также лиц, пользовавшихся их правами; окружные (из командующего войсками округа, его помощников, командиров корпусов и начальника окружного штаба) — на начальников дивизий и равных им лиц. Аттестации на командиров корпусов и соответствующих им должностных лиц обсуждались в Высшей аттестационной комиссии.

Основной задачей совещаний являлось всестороннее словесное обсуждение аттестаций, подготовленных непосредственными начальниками офицеров, и составление письменных заключений об аттестуемых, причем эти заключения должны были быть «определенными и мотивированными». Аттестации и заключения совещаний разглашению не подлежали и представлялись на утверждение старших начальников, которые имели право утвердить решения совещаний или же принять самостоятельные решения, подробно их мотивируя. Высшая аттестационная комиссия свои заключения «повергала на высочайшее усмотрение». Окончательные решения сообщались аттестуемым по команде в секретных предписаниях на имя их непосредственных начальников. Одной из особенностей «Временного положения...» являлось то, что «тот год, в который аттестуемый получил предупреждение о неполном служебном соответствии, исключался из срока выслуги для производства в следующие чины (циркуляр Главного штаба 1908 года № 21, приказ по военному ведомству 1910 года № 153).

Ответственность за неправильную аттестацию возлагалась не только на составителя, но и на старших начальников, высказывавших по аттестации свое мнение. При этом как аттестационные комиссии, так и старшие начальники были обязаны делать особые постановления о стоящих ниже начальниках, недобросовестно оценивших своих подчиненных и представивших явно неверные и

пристрастные аттестации, в которых должны были определять меры по их наказанию.

Офицеры, получившие аттестации с окончательным решением об увольнении со службы, должны были в 7-дневный срок подать прошение об отставке. Не представившие в указанный срок прошения увольнялись без такового.

ПЕРВОНАЧАЛЬНО действие «Временного положения...» ограничивалось 1 января 1909 года, так как предполагалось, что по истечении этого срока Главным штабом будет разработан и представлен в Военный совет проект постоянного положения об аттестации, однако в связи с тем, что положение так и не было разработано, приказом по военному ведомству 1908 года (№ 82) срок действия «Временного положения...» был продлен еще на два года. Причем постепенно оно распространилось на всех чинов военного ведомства (офицеров Главного и окружных штабов, главного и окружных управлений, окружных юристов, окружных и крепостных интендантов, офицеров военных академий, а также военных и юнкерских училищ, младших офицеров пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск и т.д.).

Ввиду отсутствия постоянного положения об аттестации допускалось использование в воинских частях как единоличной, так и коллегиальной системы оценки деятельности офицеров. Например, в воспоминаниях российского офицера Б. Панаева рассказывается о проведении в начале XX века ежегодной аттестации в одном из полков российской армии³. По его свидетельству, оно осуществлялось в несколько этапов.

Первый этап начинался в ноябре. В помещение офицерского собрания вносилось полковое знамя, что придавало церемонии особую торжественность. Командир полка, обращаясь к офицерам с речью, напоминал им их права и обязанности при составлении аттестаций. По окончании речи каждому офицеру раздавались тетради с отрывными аттестационными бланками. Задача офицеров заключалась в том, чтобы дать оценку каждому из сослуживцев. Примечательны содержание бланка и критерии, характеризовавшие офицера.

1. Отношение к военной службе: любит службу, относится безразлично, относится пренебрежительно.

2. Отношение к обязанностям службы: с уважением, добросовестно, недобросовестно.

3. Отношение к начальникам: исполнительен, неисполнительен, заискивает.

4. Отношение к товарищам: всеми уважаем; хуже, плохое.

5. Отношение к подчиненным офицерам: тактичное, нетактичное.

6. Отношение к подчиненным нижним чинам: умелое, неумелое, сердечное, пренебрежительное.

7. Отношение к своему слову: безукоризненное, легкомысленное; не держит слова.

8. Подготовка к командованию: подготовлен отлично, подготовлен, подготовлен недостаточно.

9. Отношение к военным наукам: интересуется ими, безучастен к ним.

10. Отношение к аттестационному делу: добросовестное, небрежное.

11. Отношение к форме одежды: серьезное, легкомысленное.

12. Положительные качества: благороден, безупречно честен, трудолюбив, правдив, тактичен, вежлив, умен, не пьет, в карты не играет, к военной службе способен, здоровьем крепок.

13. Отрицательные качества: неблагороден, нечестен, лжив, ленив, нетактичен, невежлив, глуп, много пьет, много играет в карты, к военной службе не способен, здоровьем слаб.

14. Отношение к доброму имени полка: работает для полка; безучастен, вредит.

15. Желателен для полка или нет: желателен, безразличен, нежелателен.

Второй этап. В начале декабря офицеры сдавали заполненные бланки. Под руководством командира выбиралась аттестационная комиссия из трех действительных ее членов и одного запасного, который заменял одного действительного при составлении характеристики на того. Выборы аттестационной комиссии проводились тайным голосованием, после чего на столах раскладывались открытые конверты с фамилиями офицеров полка, в которые голосующие по старшинству вкладывали заполненные аттестационные бланки для последующего изучения комиссией.

Третий этап заключал работу членов комиссии с аттестационными бланками в отдельной комнате, куда больше никто не допускался. Помещение в период работы комиссии строго охранялось. По окончании работы председатель комиссии докладывал о результатах командиру полка, который назначал день выдачи аттестаций.

Четвертый этап начинался со дня выдачи аттестаций командиром полка. Офицеры, получив аттестационные листы, просматривали их и при необходимости давали соответствующие пояснения. К примеру, поручик Иванов, получив в первой графе 19 пометок «относится безразлично», так комментировал их: «Нахожу мнение 19 офицеров, что я отношусь к службе безразлично, неправильным. Мою любовь к ней доказывает то, что в военное училище я поступил, окончив отлично Московский университет; имея перед собой во много раз лучше обеспеченную материально гражданскую службу, предпочел ей армейский строй. Поводом к ошибочному мнению послужили мои споры с некоторыми товарищами относительно подготовки нашего офицерского состава»⁶.

Пятый этап. Офицеры, являясь в собрание, лично представляли командиру полка свои аттестационные листы. Командир полка делал на каждой характеристике заключение, высказывал свое мнение, соглашаясь или объясняя неправильность взглядов большинства офицеров. После чего вкладывал их в полковой аттестационный пакет, печатывал личной печатью и передавал его на хранение.

Вся эта работа подчинялась строгим правилам.

1. Неисполнение обязанностей по аттестации или небрежное отношение к ней считались нечестными.

2. С момента получения от командира полка тетради с аттестационными бланками офицер не имел права ни с кем советоваться и руководствоваться при их заполнении исключительно своими личными взглядами.

3. Офицер не имел права никому показывать заполненные бланки или оглашать их содержание.

4. Члены аттестационной комиссии не имели права никому показывать или оглашать содержание аттестационных документов.

5. Командир полка не имел права демонстрировать аттестационные листы своих подчиненных никому, кроме своих прямых начальников.

Процедура, конечно, была сложной и громоздкой, но на то время считалась прогрессивной и претендовала на значительную объективность. Ведь оценка деятельности каждого офицера выставлялась волею большинства, что в целом нейтрализовало субъективизм, исключало пристрастность аттестовавших. Командир, рассматривая кандидатуры на выдвижение или учебу, не мог не считаться с общественным мнением, заключенным в аттестациях. Отражая динамику службы офицера, его успехи, неудачи, ошибки, листы показывали эволюцию профессионального роста офицера. Наконец, они содержались в тайне, следовательно, самая горькая правда не травмировала психику офицера, не подрезала его крылья, оставляя ему возможность прилагать максимум усилий для самоутверждения.

ТАКИМ образом, преобладание коллективных начал в проведении аттестации уменьшало надежду нерадивого офицера на покровительство командира в продвижении по службе. Ведь чтобы добиться известных высот, карьеристу недостаточно было расположить к себе начальника, требовалось еще заслужить авторитет у товарищей. Чем-то иным, кроме добросовестного исполнения служебных обязанностей, благородного поведения и реальных успехов в работе, офицеру, как правило, собственную значимость было трудно доказать. Подобные установки, естественно, ориентировали офицеров на истинные ценности: добросовестное исполнение воинского долга, утверждение офицерской чести и достоинства, упорчение войскового товарищества. Безусловно, реальная жизнь и непредвиденные ситуации порой опровергали подобные установки, да и аттестационная работа как одна из составляющих вдумчивой, последовательной кадровой политики, многогранного длительного воспитательного процесса, конечно же, не могла исключить все негативные явления. Но это уже тема для иного исследования.

В практике аттестации офицеров военно-учебных заведений, особенно преподавательского состава, существовали некоторые отличия, выделявшие и особые требования к этой категории офицерского состава. Например, офицеры, преподававшие военные науки, должны были иметь прочные знания не только в главных предметах, но и во вспомогательных⁷.

Такие же требования предъявлялись к офицерам кадетских корпусов. Аттестационные листы, к примеру, на некоторых офицеров Михайловского Воронежского кадетского корпуса за 1912 год свидетельствуют о том, что для подготовки будущих офицеров привлекались лучшие из лучших.

При аттестовании офицеров российской армии наряду с оценкой их деловых, моральных, нравственных и психологических качеств большое вни-

мание уделялось неписанным правилам, даже так называемым мелким, по соблюдению которых можно было определить человека воспитанного не только в военном, но и в общепринятом смысле. Умные начальники при каждом удобном случае стремились учить подчиненных четко, ясному языку, необходимому в служебных отношениях и в обществе. Глубокое знание литературного языка, истории, иностранных языков считалось обязательным. Умением поддержать в обществе разговор на серьезную тему отличался всякий офицер, заботившийся о своей репутации культурного человека. При этом обращение старшего по званию и должности, носившее оскорбительный характер, особенно в присутствии товарищей, подчиненных или в обществе, рассматривалось как бестактность начальника, как подрыв авторитета офицера, что не могло не найти отражения в его аттестации.

В то же время между офицерами, особенно в офицерском собрании, практиковалось товарищеское обращение независимо от воинского звания и служебного положения. Во внеслужебное время, на отдыхе и во многих случаях даже в служебное время офицеры обращались друг к другу, как правило, по имени-отчеству. Особенно это широко было распространено в Военно-морском флоте.

При составлении аттестаций учитывалось соблюдение офицером истинных традиций русского офицерства, заключавшихся в святой преданности Отчизне, в бескорыстном исполнении воинского долга, знании своего дела, дисциплинированности, инициативе и твердости, в братской любви к подчиненным и заботе о них, в духе теснейшего товарищества между всеми, кто составлял офицерский корпус. Так как все эти правила поведения постоянно находились в поле зрения аттестационных комиссий (совещаний) и офицерских собраний, то в большинстве своем они оказывали положительное воздействие на жизнь и боевую службу офицера.

В своей деятельности как аттестационные комиссии (совещания), так и офицерские собрания большое внимание уделяли воспитанию офицеров на боевых традициях, на любви к своей части и к ее Боевому Знамени. В результате офицеры высоко цтили название своих полков и стремились поддержать их репутацию, умножить боевую славу. Имя полка незримо узами связывало воинов в одну семью. Граф А.А. Игнатьев, получивший военное образование в Пажеском корпусе и Академии Генерального штаба и прослуживший значительное время в армии дореволюционной России, по этому поводу высказывался так: «Полковые традиции предусматривали известное равенство между офицерами независимо от их титула. Надев форму полка, всякий становился полноправным его членом. При этом принятие офицеров в привилегированный полк зависело не от начальства и даже не от царя, а прежде всего от вынесенного общим офицерским собранием решения»⁸.

ЖИВЫМИ носителями традиций армии в офицерском собрании являлись ветераны. Воспитанные на уважении к светлой памяти героев и боевым подвигам части, они не только хранили традиции, но и творили их, выступая перед офицерами с воспоминаниями. Так, на общем офицерском собрании лейб-гвардии Кексгольмского полка приводился давний примечательный пример. Двигаясь в походной колонне по улицам

одного местечка, батальонный командир заметил древнего старца, который, сняв шапку, старался принять молодецкий вид. «Ты что, дед? — спросил батальонный командир. — Почему стоишь смиренно?». «А как же, — ответил старик, — ведь это же мой родной полк. В таком вот мундире я, батюшка мой, еще на Туретчину ходил». Батальонный повернул коня и помчался к полковому командиру. Генерал приказал развернуть все 16 знамен, и полк торжественным маршем, под музыку, с развернутыми знаменами прошел перед ветераном, а в журнал полка в тот же день было записано точное место и время встречи с ним. Это событие положило начало новой традиции лейб-гвардии Кексгольмского полка⁹.

Значительное внимание при аттестации уделялось отношению офицеров к военной форме одежды, по которому судили и об отношении к военной службе. Даже в условиях Первой мировой войны генерал А.А. Брусилов, например, находил время для разъяснения важности соблюдения правил ношения военной формы. Он писал в одном из своих приказов от 7 августа 1914 года: «Сознание принадлежности к известной части имеет слишком большое значение, а принадлежность эта выражается прежде всего в известных частях одежды. Считаю, что командир части, который не принял всех мер к тому, чтобы прибывающих к нему людей немедленно одеть в тот мундир, который он имеет честь сам носить, такой командир не понимает основ воинского воспитания»¹⁰.

Таким образом, оценивая систему аттестации офицерских кадров в российской армии конца XIX—начала XX вв. и связанную с ней военную реформу, можно сделать вывод о том, что аттестационная работа того времени, не лишенная изъянов и ошибок, требовавшая дальнейшего совершенствования, оставила после себя и бесценный положительный опыт, ослабленный в значительной мере последующими событиями. С началом Первой мировой войны из-за значительных потерь командного состава и возникшего некомплекта офицеров¹¹ вопросы аттестации офицерских кадров отошли на второй план, а затем эта процедура в значительной мере видоизменилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новицкий В.Ф. Военная энциклопедия. Спб., 1911. Т. 3. С. 247.

² Там же.

³ Там же. С. 248.

⁴ Свод военных постановлений 1869 года. 2-е изд. Кн. VII. Спб., 1896. Ст. 468.

⁵ Панаев Б. Офицерская аттестация. Спб., 1906. С. 2—15.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Свод военных постановлений 1869 года. 2-е изд. Кн. XV. Спб., 1896. Ст. 402, 403.

⁸ Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1950. Т. I. С. 78.

⁹ Кривицкий А. Традиции русского офицерства. М., 1945. С. 69, 70.

¹⁰ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1943. С. 263.

¹¹ Чернавин В.В. Гибель кадровых русских офицеров// Воен.-истор. журнал. 1999. № 5. С. 90, 91.

Полковник В.М. КОРОВИН,
кандидат технических наук;

полковник В.А. СВИРИДОВ,
кандидат педагогических наук
(г. Воронеж)

РАЗВИТИЕ СРЕДСТВ СВЯЗИ ТАКТИЧЕСКОГО И ОПЕРАТИВНОГО ЗВЕНА УПРАВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В предлагаемой вниманию читателей статье излагаются сведения, относящиеся к истории разработки различных средств электросвязи, применявшихся в Сухопутных войсках Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на то что с тех пор прошло более полувека и было немало публикаций по проблемам военной связи в годы войны, по-прежнему остается ряд слабо освещенных страниц истории. Поэтому публикация новой информации и представляет интерес как для широкой читательской аудитории, так и для специалистов, изучающих историю развития военной связи.

Автор подробно и обстоятельно рассказывает о номенклатуре отечественных средств военной связи 1941—1945 гг., поясняя, с какой целью создавалось и где применялось каждое из них, о содержании и достоинствах некоторых технических решений, принятых при создании этих средств, приводит их отдельные оперативные и технические характеристики. В статье затронуты вопросы разработки, создания и использования в войсках радиосредств и средств проводной связи, а также различного оборудования дивизионных, корпусных и армейских узлов связи.

ВЕЛИКАЯ Отечественная война убедительно доказала возросшую роль средств связи в обеспечении управления войсками. Без эффективных средств связи невозможно устойчивое и непрерывное управление объединениями и соединениями. Последующий опыт локальных войн и вооруженных конфликтов в XX веке только подтвердил это.

В предвоенные годы государство уделяло большое внимание оснащению Красной Армии новой техникой, в том числе и средствами связи. Была создана стройная система радиовооружения для различных видов Вооруженных сил, проведена унификация телефонных аппаратов, созданы телефонные коммутаторы, организовано производство полевых кабелей и источников питания.

Большое влияние на развитие средств связи оказала разработка теории глубокой операции, при проведении которой резко повышалась значимость военной связи. К связи стали предъявляться новые, более высокие требования. Она должна была обеспечить устойчивое управление войсками на большую

глубину, взаимодействие родов войск при окружении и уничтожении группировок противника. Бурное развитие авиации, танковых войск и средств противовоздушной обороны поставило перед связью задачи по обеспечению управления этими родами и видами Вооруженных сил.

К 60-летию Победы

Эти обстоятельства потребовали широкого оснащения Красной Армии радиосредствами. По существу, возникла проблема полной радиофикации Вооруженных сил. Новые задачи военной связи, вытекающие из теории военного искусства, могли быть успешно решены только с помощью широкого применения радиосредств и резкого повышения мобильности других родов связи.

Шагом вперед явилось практическое освоение коротковолнового диапазона. Это позволяло по сравнению со средне- и длинноволновыми радиостанциями увеличить в 6—60 раз количество рабочих частот, что с свою очередь обеспечивало устойчивую (без взаимных помех)

радиосвязь при увеличении радиосредств в войсках. Появилась возможность производить более компактные и удобные для работы в полевых условиях радиостанции¹.

Освоение коротковолнового диапазона оказалось особенно эффективным для обеспечения радиосвязи в авиации и танковых войсках, а также в тактических звеньях стрелковых войск и артиллерии. Так, для авиации и танковых войск разрабатывались малогабаритные радиостанции с достаточно большой дальностью действия, а для стрелковых войск и артиллерии создавались радиостанции малой мощности.

Были созданы и приняты на вооружение радиостанции: общевойсковые РАТ, РАФ, РАФ-КВ, РСБ, РБ, РБС, РРУ; авиационные РСБ-Збис, РСИ-4, РСР-М и танковые 9Р, 10Р и РСМК. Для воздушно-десантных войск была сконструирована радиостанция типа «Север»².

До начала войны в Красной Армии были последовательно разработаны четыре системы радиовооружения. Основными типами четвертой системы были радиостанции РБ образца 1938 года, КРСТБ образца 1940 года, РСБ образца 1936 года, РАФ образца 1937 года, РАТ образца 1935 года, модернизированные в начале войны и оставшиеся основными типами радиостанций Красной Армии до ее окончания. В техническом отношении эти радиостанции были гораздо совершеннее, передатчики имели усилители мощности на лампах с экранирующими сетками и возбудители с устройством повышения точности и устойчивости рабочих частот.

Танковая радиостанция КРСТБ (прообраз радиостанции 10РТ) имела и передатчик, и приемник на индивидуальных кварцах, обеспечивала бесперебойное вхождение в связь и ведение связи без подстройки. Накануне войны была разработана поме-

хозащищенная аппаратура «Алмаз» к радиостанции РАТ, которая обеспечивала буквопечатание аппарата Бодо по радио. Это позволило обеспечить достоверную передачу документальной информации.

В первые годы Великой Отечественной войны радиовооружение не только совершенствовалось и модернизировалось, но и разрабатывались новые коротковолновые (РБМ, «Север» и др.) и ультракоротковолновые (А-7) радиостанции.

Радиостанции РБ и РБМ по своей компактности, надежности, экономичности и простоте, а также по диапазону используемых частот превосходили все известные типы радиостанций аналогичного назначения иностранных армий. Радиостанция А-7Б была в 2 раза легче и экономичнее американских и, имея частотную модуляцию, обеспечивала более помехозащищенную радиосвязь, чем УКВ-радиостанции фашистской армии.

Проводилась модернизация и ранее созданных радиосредств для решения новых задач связи. Так, например, радиостанция 12РП, получив наименование 12РТ и 12РПБ, была переделана и приспособлена для установки на бронеобъектах. Дальность действия радиостанций 12РТ (на стоянке 5—20 км, в движении 3—14 км) в тот период отвечала основным требованиям управления танковыми частями и подразделениями. Это позволило обеспечить унификацию радиосредств, использовавшихся как в стрелковых, так и в танковых частях, и тем самым облегчить их текущий ремонт и промышленное производство.

БОЛЬШОЕ значение для обеспечения внутренней связи между членами экипажа имело танковое переговорное устройство, выпуск которого начался в 1943 году. Со второй половины 1942 года в танках командующих танковыми армиями и командиров танковых и механизированных соединений стали устанавливаться радиостанции РСБ-Ф, а к концу года было налажено массовое производство танковых радиостанций 9Р и 10Р, что позволило эффективно управлять танковыми соединениями и частями.

Основными направлениями совершенствования радиостанций являлись: повышение стабильности частоты, помехоус-

тойчивости и дальности действия³. Для улучшения снабжения Красной Армии радиосредствами в 1943 году была проведена унификация новых радиосредств и прекращен выпуск устаревших образцов. Если в первом периоде войны промышленность поставляла войскам свыше 20 типов радиостанций, то в 1943 году выпускалось лишь 6—7 типов, которые в ходе боевых действий показали наилучшие тактико-технические характеристики и оказались очень удобными в эксплуатации.

Для организации проводной связи имелись усовершенствованные индукторные телефонные аппараты типа УНА-И-31, УНА-Ф-31, специальные телефонные аппараты ТАМ и ТАТ-Ф, предназначавшиеся для связи крупных штабов по линиям дальней связи, а также телефонные коммутаторы КОФ-33, РЭ-12, Р-20 и Р-60. Из линейных проводных средств на вооружении состояли полевые телефонные кабели ПТФ-7 и ПТФ-7Х2, телеграфный кабель ПТГ-19 и шестовые линии связи.

В 1940 году войска получили опытный образец телеграфного аппарата 2БДА-40. Основным же в войсках был стартовый аппарат СТ-35. Использовались также и аппараты Морзе. Разработанный линейно-батарейный коммутатор ЛБК-19/14 во много раз увеличил эффективность оборудования и облегчил эксплуатацию телеграфных станций, позволяя включать 19 однопроводных или 9 однопроводных и 5 двухпроводных линий.

Возросший обмен информацией с помощью телеграфных аппаратов СТ-35 потребовал увеличения их пропускной способности, что могло быть обеспечено путем перехода к дуплексному режиму телеграфирования на проводных линиях связи. Разработанный для этого дуплексный прибор ДП-43 позволял увеличить телеграфный обмен в 2 раза. Кроме того, в 1943 году в войска поступили и другие приборы автоматики: трансмиттер ТРБ и реперфоратор РПФ-Б. Все это существенно повысило мобильность узлов связи и увеличило их пропускную способность.

Основными направлениями совершенствования телеграфной аппаратуры в годы войны были: уменьшение времени ее развертывания и вхождения в связь, повышение среднего те-

леграфного обмена и увеличения дальности действия. Эти характеристики были улучшены за счет модернизации существующих телеграфных аппаратов, создания новых аппаратов и вспомогательных устройств.

Большим шагом вперед стала разработка многоканальной высокочастотной аппаратуры телефонирования ОВЧТ (после модернизации многоканальная МВЧТ), которая впервые была применена в звене Ставка — фронт и на Ленинградском фронте.

РАЗВИТИЕ телефонной аппаратуры шло по линии улучшения ее конструкции, увеличения дальности передачи и повышения надежности телефонной связи. Вместо индукторных и фонических телефонных аппаратов различных модификаций в 1943 году был создан единый унифицированный полевой телефонный аппарат ТАИ-43 с индукторным вызовом, который успешно применяется и в настоящее время. Он обеспечивал надежную связь (без включения усилителей) по телефонно-кабельным линиям на расстояние до 25 км, а по постоянным воздушным стальным цепям с проводами диаметром 4 мм — до 200 км (выпускавшиеся до него аппараты с индукторным и фоническим вызовом обеспечивали связь по телефонным кабелям только на расстоянии до 15 км, а по воздушным линиям лишь до 100 км). Новый аппарат отличался и своей конструкцией. Он имел дополнительный головной телефон, который позволял телефонисту, находившемуся на контрольном телефонном посту, следить за работой линии и принимать вызовы, не пользуясь микротелефонной трубкой. Кроме того, появилась возможность приема речи одновременно двумя лицами.

С развитием наступательных операций расстояния между штабами фронтов, армий и корпусов увеличивались, росли требования по дальности связи. Разработанный промежуточный низкочастотный телефонный усилитель ПНУ-3 при включении в стальные 3—4-мм цепи увеличивал дальность связи до 75—80 км, в 4-мм биметаллические цепи — до 150—200 км, в 4-мм медные — до 300—400 км. Для связи на большие расстояния на линиях устанавливались два—три усилителя. На узлах некоторых армий и корпусов успешно

применялись также телефонные усилители одностороннего и двустороннего действия (ТОУ и ТОУ-Д), которые являлись добавочными приборами к телефонным аппаратам.

Существенную роль в улучшении качества телефонной связи сыграли разработанные советскими инженерами и конструкторами и принятые на вооружение новые коммутаторы и телефонные станции. Так, в конце 1942 года был принят на вооружение полевой телефонный коммутатор ПК-30, предназначенный для работы на армейских, корпусных и дивизионных узлах связи. Широкое применение с 1943 года в звене дивизия — полк нашел полевой телефонный коммутатор ПК-10. Оба коммутатора обладали значительными преимуществами по сравнению с аналогичными устаревшими коммутирующими устройствами типа КОФ, Р-20 и Р-60. Они имели меньший вес, большую емкость, отличались простотой в обслуживании и малым потреблением электроэнергии.

С принятием на вооружение единого унифицированного телефонного аппарата ТАИ-43 возникла необходимость в создании полевого телефонного коммутатора малой емкости для полкового и батальонного звеньев. В 1944 году советские конструкторы разработали такое устройство. Новый коммутатор типа К-10 был рассчитан на 10 номеров и обеспечивал устойчивую связь на расстоянии до 20 км.

В 1944 году завершились работы по созданию полевой телефонной станции емкостью на 100 номеров типа ПРТС-100. Она выпускалась серийно и предназначалась для узлов связи фронтов и армий. В третьем периоде войны в штабы армий поступила центральная телефонная станция ТТСА 40/24.

СУЩЕСТВЕННЫМ изменениям в годы войны подверглась конструкция военно-полевых кабелей, применявшихся в телеграфных и телефонных линиях связи. Дело в том, что производство кабелей, принятых на вооружение в предвоенные годы, в связи с эвакуацией промышленных предприятий было прекращено. Поэтому после ввода в строй новых заводов в конце 1942 года начался выпуск кабелей упрощенной конструкции типа ЛПТК, ЛТФК, ОПТВ, ПТФ-3, ПТГ-6 и др. Они

обладали по сравнению с кабелями ПТФ-7х2 и ПТГ-19 более низкими электрическими и механическими характеристиками, снижавшими в определенной степени надежность проводных линий связи. Этот недостаток был устранен в третьем периоде войны. В августе 1944 года прошел испытания, был одобрен и запущен в производство тяжелый полевой кабель ППК-4. Части связи получили также новый речной одножильный кабель РГТВ-1. Все это позволяло улучшить качество как телефонной, так и телеграфной связи.

Над улучшением конструкции аппаратуры связи, совершенствованием оборудования узлов связи работали не только инженеры НИИ, но и воины-связисты — рационализаторы и изобретатели. Так, на 1-м Белорусском фронте ими был создан подвижный радиоузел штаба фронта с централизованным управлением передатчиками и диспетчерским руководством старшего радиста всей дежурной сменой. Высокооперативный в боевом обмене радиogramмами, радиоузел быстро разворачивался и свертывался и оправдал себя во многих операциях фронта. Радиоузлы этого типа использовались и на других фронтах¹.

Большое внимание уделялось повышению мобильности и сокращению времени развертывания, свертывания и перемещения узлов связи. Для этого в кузовах автомобилей или автобусов монтировались как отдельные аппаратные, так и полностью подвижные узлы связи в зависимости от наличия в частях связи специалистов, материальной базы и времени. Так, в 66-м отдельном полку связи Центрального фронта подвижный узел связи был смонтирован на 16 автомобилях и включал телефонную станцию, 2 аппаратные СТ-35, аппаратную Морзе, 2 аппаратные «Алмаз», телеграфный кросс, 4 отдельные приемные машины, аккумуляторно-генераторную станцию.

В армейском звене управления потребность в повышении мобильности узлов связи пунктов управления была еще большей, чем во фронтах. Учитывая, что промышленность не выпускала унифицированных стандартных узлов связи, войска оборудовали их своими силами, часто ведя поиск лучших вариантов размещения в них аппаратуры и оборудова-

ния. Аппаратные узлы связи монтировались в специальных кузовах, оборудованных на шасси автомобилей ЗИС-5, ГАЗ-АА, в автобусах и других транспортных средствах². Так, подвижный узел связи вспомогательного пункта управления 8-й гвардейской армии, оборудованный в августе—сентябре 1943 года, размещался в кузовах 5 автомобилей и имел в своем составе кросс, аппаратные БОДО, СТ-35 и Морзе, центральную телефонную и аккумуляторную станции.

Аналогично оборудовались узлы связи и в других армиях. К этому времени все радиостанции, применявшиеся во фронте и в армии, были смонтированы на автомобилях (броневых автомобилях) и по мере оборудования на них проводной части узлов связи становились более мобильными, что полностью отвечало потребностям управления войсками.

Анализ развития средств связи в годы войны показывает, что этот процесс зависит от хода развития оперативного искусства и тактики ведения боевых действий. Движущими силами этого развития стали: разнообразие физико-географических районов ведения боевых действий, увеличение маневренных возможностей войск, возросшие требования к оперативности и непрерывности управления войсками. Однако развитие средств связи было бы невозможно без научно-технического производственного потенциала, заложенного в предвоенные годы. В тяжелое время войны благодаря этому потенциалу удалось не только модернизировать, но и разработать принципиально новые средства связи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курочкин П.М. Сб. избр. статей. М.: Изд. ВАФ, 1967. С. 183.

² История военной связи. М.: Воениздат, 1989. Т. 3. Кн. 1. С. 39.

³ Зайцев В.П., Дворянов Е.Я. Основные направления развития техники связи в годы Великой Отечественной войны // Воен.-истор. журнал. 1986. № 2. С. 68—71.

⁴ Сергеев Ю. Средства связи в годы войны // Техника и вооружение. 1985. № 5. С.24—25.

⁵ История военной связи. М.: Воениздат, 1990. Т. 3. Кн. 2. С. 42.

**Полковник
Ю.И. МАЛАШЕНКО,
кандидат военных наук
(Москва)**

Индийская армия помогала Закавказскому фронту

СПРАШИВАЕТЕ—ОТВЕЧАЕМ

Осенью 1941 года артиллерийская батарея 645 сп 202 сд, в которой я воевал, сражалась под Старой Руссой. Тяжелая обстановка сложилась тогда для Красной Армии, и все мы очень надеялись на открытие второго фронта, т.е. на помощь англичан, американцев. И вдруг пошел слух: Великобритания открыла этот самый второй фронт, начала бить немцев у наших южных границ. Но вскоре политрук разъяснил, что проведена лишь частная англо-советская операция в Иране. С той поры так больше ничего об этом не слышал и не читал. А хотелось бы узнать более подробно о том событии.

АТАБАЙ АННАДУРДЫ ОГЛЫ
(г. Берекет, Туркменистан)

«НЕИЗВЕСТНОЙ страницей Великой Отечественной войны» назвал автор публикуемой статьи крошечный на фоне глобальных событий Второй мировой войны эпизод военно-экономического сотрудничества союзников. На самом деле белым пятном, особенно в отечественной историографии, в полной мере можно считать всю тему программы экономической помощи СССР странами антигитлеровской коалиции, прежде всего США и Великобританией. Для отечественного ученого работа над этой темой осложнялась еще и тем, что архивные материалы, связанные с экономическим сотрудничеством с союзниками, долгое время были засекречены (выплаты нашей страной за поставленные во время войны товары производились вплоть до недавнего времени), а научная кооперация с иностранными историками и зарубежные исследования в этой области стали доступны лишь с 90-х годов XX века.

В контексте немногочисленных современных публикаций на тему экономического сотрудничества стран-союзников во Второй мировой войне публикуемая статья имеет характер скорее исторической информации о малоизвестном факте, нежели научного исследования. Но несомненным ее достоинством, делающим статью интересной для широкого круга любителей военной истории, является активное использование автором в работе источников и литературы на иностранных языках, в своем большинстве незнакомых российскому читателю.

ЕЩЕ в 1939 году гитлеровская Германия, предложив «помощь» Ирану на выгодных для себя финансовых условиях, наводила страну своими агентами. Постепенно немцы прибрали к рукам все коммуникации, заняли ключевые посты в иранской промышленности, а высших должностных лиц вынудили не только отстаивать интересы германских монополий, но и работать на германскую разведку, сочетать бизнес и государственные дела с деятельностью «пятой колонны»¹. В июне 1941 года, когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, число подобных «госслужащих» и «управляющих» составило предположительно от 2000 до 3000 человек. Они представляли опасность не только для британских нефтяных скважин и заводов в южных районах Ирана и Ирака, но и для тылов Красной Армии на Кавказе.

Правительство Великобритании с тревогой следило за событиями на советско-германском фронте, всерьез рассматривая возможность вторжения гитлеровских войск в Иран в результате прорыва на Кавказе, через Каспийское море или через Турцию. Возникла угроза и для Индии, которую называли «жемчужиной британской короны». 9 июля 1941 года вице-король Индии лорд Линлитгоу призвал английское правительство оказать давление на шаха Ирана Реза Пехлеви, чтобы тот порвал все отношения с Германией².

В этих условиях Великобритания и Советский Союз пришли к выводу о необходимости ввести свои войска в Иран, чтобы не допустить его присоединения к гитлеровскому альянсу (Германия, Италия и Япония) и предупредить любые акты саботажа с этой стороны. Поскольку с Ираном граничила крупнейшая английская колония — Индия, правительство Черчилля именно из состава ее вооруженных сил выделило 2 соединения. 25 августа 1941 года 8-я и 10-я пехотные дивизии индийской армии вошли в юго-западные районы Ирана, а части Красной Армии с территории За-

кавказья и Средней Азии — в северо-восточные³.

Одна из бригад 8-й индийской пд заняла город Абадан, где находился нефтеочистительный завод, другая двинулась из Басры в район Мосула, третья — в район Ахваза, где находился небольшой гарнизон иранской армии. Еще один отдельный батальон был переброшен к нефтяным месторождениям Хафт Хель для защиты работавших там английских служащих и их семей. 10-я индийская пд была введена в Иран с северо-востока. Оставив 2-й батальон 7-го Гуркхского полка для охраны нефтяных месторождений в районе Нафт Шах, в 40 милях к югу от Ханакина, остальные силы двинулись на Керманшах и Тегеран. Через четыре дня сопротивление иранских войск, сохранивших верность шаху, было сломлено. Потери англо-индийских войск составили около 60 человек⁴. 16 сентября 1941 года прогермански настроенный шах Ирана Реза Пехлеви отрекся от престола в пользу своего сына, который выразил готовность сотрудничать со странами антигитлеровской коалиции⁵.

Так началось боевое сотрудничество советской и индийской армий. Их общей заботой было не допустить прорыва Закавказского фронта. На этот крайний случай англичане разработали план отражения германского наступления через Кавказ, а в октябре 1942 года перебросили в район Мосула дополнительные силы — 19-ю индийскую бригаду, вошедшую в состав 8 пд⁶.

ПЕРВОНАЧАЛЬНО поставки для Закавказского фронта Красной Армии (пушки, танки, боеприпасы, горючее) союзники осуществляли через собственную транспортную организацию (Коммерческая корпорация Соединенного Королевства), в которой работали иранские гражданские водители, и советскую приемную (Ирансовтранс). В интересах этого сотрудничества еще летом 1941 года британское правительство предложило построить дорогу для доставки из Индии в СССР различного оборудования и боеприпасов, а уже несколько месяцев спустя на будущем регулярном индо-советском маршруте снабжения через Белуджистан и Восточный Иран полным ходом велись необходимые инженерно-строительные работы.

Между тем немцы рвались от Ростова к Баку, угрожая жизненно важным нефтяным месторождениям Закавказья. Закавказский фронт, образованный в августе 1941 года на базе Закавказского военного округа, оказался практи-

чески отрезанным от остальной части страны — все снабжение осуществлялось через Каспийское море и Иран. Особенно требовались боеприпасы, в связи с чем штаб Закавказского фронта просил командование англо-индийских войск в Иране доставить их как можно быстрее. Запрос, отправленный командованием фронта, включал 5000 т 75-мм снарядов, которые должны были быть поставлены в течение месяца⁷.

Эта непростая задача была возложена на военно-транспортную службу союзников, а точнее на 203-ю и 204-ю роты Служебного корпуса королевской индийской армии (РИАСК; Royal Indian Army Service Corps, RIASC). Военным водителям пришлось работать в чрезвычайно сложных условиях. Участок дороги от Андимешка до Тебриза, где стояли советские войска, протяженностью в 730 миль, известный как Восточно-персидский маршрут, пролегал через четыре горных перевала высотой до 8000 футов, да и дороги здесь можно было лишь с трудом назвать дорогами — они были сплошь из грубой гальки и булыжника.

Первая колонна (в нее вошли индийские водители 204-й роты РИАСК) выехала из Андимешка 19 ноября 1942 года. Несмотря на все трудности, она успешно добралась до места назначения и, когда втянулась в Тебриз, ее, по словам очевидцев, приветствовал почетный караул во главе с русским офицером. 3 декабря 1942 года сюда отправилась новая колонна, которую вели водители 203-й роты. Индийцы покинули Андимешк в страшную жару. Одежды они были в тропическую форму — рубашку и шорты. Однако уже через 3 дня в Хамадане им пришлось дрожать от холода, ночуя в автомобилях прямо поверх боеприпасов. Днем опять невыносимая жара. Весь январь 1943 года дорогу то и дело заносило снегом так, что образовывались завалы, и нужно было ждать день или больше, пока бульдозеры не расчистят путь. Тем не менее ни одна колонна не опоздала больше, чем на 2 дня. Многие водители-индийцы погибли (грузовики часто срывались в пропасти с обледневшей дороги, некоторые замерзли в пути). Каждый рейс требовал огромного физического и нервного напряжения, так как дорога зачастую была перегружена транспортом. Но количество аварий не превышало одной на 150 тыс. миль.

Всего водители Служебного корпуса Королевской индийской армии совершили в Тебриз 428 рейсов (275 машин с боеприпасами, 52 — с битумом, 35 — с нефтью, 66 — с предметами снабжения), проделав в общей сложности путь в 18 млн миль⁸. Кроме того, из Индии доставлялись брезент, джутовые канаты, рогожные мешки, чай, перец, олово, вольфрам и шелк. Особые партии товаров из нескольких тысяч

тонн никеля и пряжи, изготовленной по особой технологии на джутовых фабриках, поступили из Калькутты в Советский Союз в рекордно короткие сроки — всего за 28 дней⁹.

В знак благодарности командование Красной Армии наградило индийских транспортников — субедара Нарайяна Рао Никкама и хавильдара¹⁰ Гаджendara Сингха¹¹ орденом Красной Звезды.

ПОСЛЕ войны дальнейшей судьбой награжденных заинтересовался известный российский индолог Л.В. Митрохин. С одним из них, Гаджэндаром Сингхом, вышедшим в отставку в звании субедара, ему удалось в мае 1975 года встретиться и побеседовать. Сингх родился в 1916 году в деревне Баралу, расположенной в долине Шор, у самой границы Индии с Непалом. После обучения в военном колледже он в 1936 году завербовался в королевский Служебный корпус королевской индийской армии рядовым сипаем. В 1942 году транспортная рота, в которой служил Гаджэндар, была направлена в Басру, а оттуда — в Ханакин (Ирак), где находился ее штаб. Однажды во время вынужденной разгрузки на одном из опасных горных участков в Иране автомобильная колонна была атакована отрядом вражеских диверсантов. В том бою Гаджэндар был тяжело ранен штыком. Его отправили в басрский госпиталь. Там доктора предложили ему вернуться в Индию для дальнейшего лечения, но Сингх отказался, пожелав вернуться в свою часть. Через 24 дня он снова приступил к службе.

Рота Гаджendara Сингха доставляла военные материалы для советских войск на Кавказе вплоть до середины 1943 года, а затем была переведена в Италию. Именно здесь в июле 1944 года Сингх узнал о своем награждении орденом Красной Звезды. «Хотя к тому времени я имел уже 6 боевых наград, в том числе за освобождение Италии и Франции, — рассказывал он Л.В. Митрохину, — я никогда не ощущал такой радости, какую почувствовал, узнав о награждении меня и субедара Никкима орденом Красной Звезды».

Позже благодаря знакомому индийскому журналисту А.С. Мурти Л.В. Митрохину удалось связаться и со вторым награжденным — Нарайяном Рао Никкамом из деревни Нирала Хатки (волость Канхалли, округ Бангалор, Южная Индия). В своем ответном письме отставной субедар с особой теплотой вспоминал торжественную церемонию в Тегеране, на которой советский посол вручал ему орден¹².

Не были забыты и те, кто обеспечивал безопасность в тылу, занимался поддержанием порядка и охраной транспортных коммуникаций в Иране. Так, орденом Александра Невского был награжден командир 2-го батальона 7-го Гуркхского стрелкового полка ан-

глийский подполковник У.Р.Б. Уильямс, батальон которого нес охрану района нефтяных месторождений Нафт Шах в 40 милях от Ханакина (Ирак)¹³. Кроме того, Президиум Верховного Совета СССР принял решение вручить высшие военные награды Советского Союза «отличившимся солдатам индийской, американской и британской армий, которые сражались в Северной Африке и Италии». В числе других упоминались и «трое офицеров индийской армии, которые храбро сражались против гитлеровцев». 19 апреля 1944 года индийская газета «Джана Шакти» опубликовала материал об этих индийцах, награжденных советскими орденами. Среди них были названы уже упомянутый подполковник У.Р.Б. Уильямс, а также капитан Рам Сингх, награжденный орденом Кутузова III степени, и субедар Притха Сингх Курунг, награжденный орденом Отечественной войны I степени¹⁴.

Конечно, помощь англо-индийского командования могла быть больше, но ее объем определяло правительство Великобритании. Что же касается индийских солдат и офицеров, то они верили, что делают нужное дело. Многие из них искренне сочувствовали неудачам Красной Армии и радовались ее победам, в Индии даже сочинялись песни, посвященные героям Сталинградской битвы, ради которой ее сыны тоже совершали ратные подвиги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Beaumont, Joan*. Great Britain and the Rights of Neutral Countries: The Case of Iran, 1941. // *Journal of Contemporary History*. London, Beverly Hills. Vol. 16 (1981). P. 213—228.

² *Elliot J.G.* A roll of Honour. The Story of the Indian army 1939—1945. London: Cassel, 1965. P. 78.

³ История Второй мировой войны 1939—1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1973—1982. Т. 4. С. 186.

⁴ *Elliot J.G.* Op. cit. P. 78, 79.

⁵ History of the 7th Duke of Edinburgh's Own Gurkha Rifles./ Prod. under the dir. Of a Regimental commando from the story comp. By J.N. Mackay. Edinburgh, London: Blackwood. 1962. P. 40—245.

⁶ *Qureshi, Mohammed Ibrahim*. The First Punjabis. History of the 1st Punjab Regiment 1759—1956. Aldershot: Gale and Polden, 1956. P. 282, 283.

⁷ *Elliot J.G.* Op. cit. P. 80, 81.

⁸ *Moharir V.J.* History of the Army Service Corps (1939—1946). New Delhi: Sterling, 1979. P. 106, 107.

⁹ *Митрохин Л.В.* Индия. Вступая в XXI век. М.: Политиздат, 1987. С. 327, 328.

¹⁰ Первое звание примерно соответствует званию лейтенанта без высшего военного образования; второе — сержант.

¹¹ *Moharir V.J.* Op. cit. P. 106, 107.

¹² *Митрохин Л.В.* Указ. соч. С. 327—330.

¹³ History of the 7th Duke of Edinburgh's Own Gurkha Rifles. P. 350, 356.

¹⁴ *Митрохин Л.В.* Указ. соч. С. 330, 331.

М.Ю. КРЫСИН,
кандидат исторических наук
(г. Пенза)

АНГЛИЙСКАЯ КОЛОНИЯ МАЛЬТА ДОЛЖНА БЫЛА БЫТЬ ЗАХВАЧЕНА ИЛИ УНИЧТОЖЕНА

КНАЧАЛУ Второй мировой войны Мальта являлась британским владением, власть над которым была сосредоточена в руках английского губернатора¹. После того как фашистская Италия 10 июня 1940 года вступила в союз с гитлеровской Германией, это островное государство оказалось в центре боевых действий, развернувшихся на Средиземном море и на территориях приморских стран. В силу своего географического положения, а также многовековых исторических и культурных традиций оно имело более тесные связи с Италией, чем с далекой Англией. Часть мальтийского общества симпатизировала итало-немецкой «оси», заявляя о том публично, в результате чего ее представители впоследствии были интернированы в концентрационные лагеря в британскую Африку. Среди высланных оказались такие известные в то время деятели, как Нерику Миззи, Герберт Ганадо и другие потенциальные лидеры движения за отделение от Британской империи любой ценой, даже если придется войти в состав соседней Италии. Однако большинство населения было на стороне союзников².

На первом этапе боевых действий на Средиземном море в противоборстве в основном участвовали авиация и флоты Англии и Италии. В дальнейшем на стороне союзников вели борьбу военноморские силы США, Греции и Югославии. При этом главными задачами флотов и авиации являлись военные действия на морских коммуникациях, а также десантные операции и перевозка войск. Их решение было подчинено достижению главных целей воюющих стран.

В середине 1940 года Средиземноморский флот Италии состоял из 4 линейных кораблей, 22 крейсеров, 123 эсминцев и миноносцев, 115 подводных лодок. Для обеспечения его действий предназначалось свыше 1500 самолетов. Флоту и авиации в этот период надлежало обеспечивать доставку из Италии в Ливию различных грузов армейского предназначения, охранять побережье, подступы к портам и базам, а также срывать английские

перевозки на Мальту. Действовавший на том же морском театре английский флот состоял из 5 линейных кораблей, 2 авианосцев, 13 крейсеров, 40 эсминцев и миноносцев и 18 подводных лодок, поддержку которых осуществляли более чем 200 самолетов. Он обеспечивал проход конвоев на Мальту с запада от Гибралтара и с востока из Александрии, поддерживал действия сухопутных войск в Северной Африке, препятствовал вражеским перевозкам из Италии в Ливию³. В ходе выполнения этих задач в ноябре 1940 года английский флот нанес мощный удар по военно-морской базе Таранто, в результате чего итальянский флот понес тяжелые потери. В конце марта следующего года последний потерпел новое поражение в сражении у мыса Матапан (Тенарон), расположенного южнее г. Пилоса на Пелопоннесе, потеряв 3 крейсера и 2 эсминца, а один его линкор получил серьезные повреждения. Интенсивно действовали и ВВС воюющих сторон. Уже 11 июня 1940 года итальянские бомбардировщики совершили налет на Мальту, первыми жертвами которого стали шесть местных стрелков из королевской артиллерии.

Так, война ступила на Мальтийский архипелаг, став основной причиной массового оттока городского населения в деревни, превращения катакомб и заброшенных железнодорожных туннелей в бомбоубежища, строительства среди скал новых временных пристанищ, спасших жизни многим тысячам мальтийцев. Совершенствовались и возводились соответствующие военные объекты: укреплялись уже существовавшие фортификации, создавались подземные укрытия, оборудовались позиции противовоздушных батарей.

Нервозность и спешка объяснялись тем, что в военно-оборонительном отношении Мальта, несмотря на все признаки нависшей угрозы, оказалась недостаточно подготовленной к полномасштабной войне. А ведь из-за своего географического положения она не могла не оказаться в планах Германии и Италии по захвату Северной Африки и не стать для последних базой для

переброски в Африку войск и снаряжения. Поскольку, как английская колония, Мальта должна была быть захвачена или уничтожена, Гитлер в помощь итальянской авиации направил на Сицилию одну из своих дивизий люфтваффе, в которую входили 140 бомбардировщиков, 22 истребителя и 12 разведывательных самолетов⁴. Мальтийские ВВС располагали всего четырьмя старыми истребителями типа «Глостер Гладиатор», один из которых сразу же был сбит⁵. Через несколько недель после начала боевых действий к ним добавилось несколько самолетов типа «Хуррикэйн». Итальянцы имели на Сицилии 200 самолетов.

После того как войска стран «оси» оккупировали значительную часть Северной Африки, а также Грецию и о. Крит, снабжение Мальты сильно затруднилось. В дальнейшем ситуация обострилась, и положение защитников архипелага осложнилось.

22 ИЮНЯ 1941 года фашистская Германия напала на СССР. Большая часть немецкой авиации с Сицилии была перебросена на восточный фронт. У. Черчилль отмечал в этой связи: «Вступление русских в войну действительно отвлекло немецкую авиацию от налетов на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения. Оно значительно облегчило наше положение на Средиземном море»⁶. По его выражению, «Германская авиация исчезла с Сицилии»⁷. Поэтому воздушные налеты противника на Мальту сократились. Заметное ослабление воздушной угрозы позволило усилить поставки вооружений и продовольствия на архипелаг и активизировать боевые действия его защитников. Подводные лодки и самолеты, дислоцированные на мальтийских островах, атаковали корабли стран «оси», наземные объекты на Сицилии и Сардинии и даже г. Триполи в Ливии. Вместе с тем из-за прекращения поставок с Сицилии в Северную Африку в интересах немецких войск корпус Роммеля оказался в весьма затруднительном положении.

Отечественный историк Н.Н. Яковлев в этой связи писал: «Пе-

рехватывая дешифрованные немецкие телеграммы с оповещением о выходе очередного конвоя с вооружением, снаряжением, продовольствием, английские адмиралы готовили ему достойную встречу. Если в августе 1941 г[ода] в результате ударов английских авиации и флота немцы теряли 35 проц. всех грузов, направлявшихся Роммелю, то в октябре потери превысили 60 проц., а с начала 1942 г[ода] на дно шло свыше 80 проц. Это создавало неслыханные трудности для Роммеля, который никак не мог понять причин таких потерь. Английская разведка умелой дезинформацией сумела убедить штаб Роммеля, что виноваты, де, итальянцы, через которых шла утечка информации о морских перевозках»⁸.

26 июля 1941 года итальянские торпедные катера предприняли прямую атаку против Большой гавани Мальты. Это было дерзкое и опасное нападение, которое, однако, не имело успеха из-за наличия у мальтийцев радарных станций, благодаря которым им заранее стало известно о готовящейся атаке, а 12 сентября английский флот разгромил курсировавшие у побережья Мальты вражеские суда. В дальнейшем английские ВМС, базировавшиеся в Валлетте, полностью перекрыли для кораблей стран фашистской коалиции пролив между Сицилией и Мальтийским архипелагом⁹.

Тем временем немецкая военно-воздушная дивизия люфтваффе вернулась с восточного фронта на Сицилию, и бомбардировки Мальты возобновились. Усиление немецкой авиации на Сицилии английское командование расценило как прямую угрозу Мальте. «Это событие имело огромное значение, — подчеркивают английские историки. — Мальте грозила участь Крита, и остров приобрел большую роль в стратегических планах англичан и немцев»¹⁰. В первые месяцы 1942 года на аэродромах архипелага и в воздушных боях над ним было уничтожено около 150 английских самолетов¹¹.

Аэропорты архипелага находились под постоянным огнем, и работа по ремонту разрушенных взлетных полос продолжалась круглые сутки. Несмотря на огромные разрушения и нехватку провианта, мальтийцы мужественно сопротивлялись. Одну треть бойцов противовоздушной обороны составляли выходцы из местного населения, многие из них прославились своей отвагой и боевым мастерством.

Немецко-итальянская авиация бомбила не только острова, но и конвои союзников, доставлявшие сюда из Англии крайне необходимое вооружение и продовольствие для голодающего населения, а порой и питьевую воду, которой Мальта была лишена. Тяжелые потери самолетов, судов, зданий и прежде всего человеческих жизней носили катастрофический характер. Несколько раз Мальта была на грани утраты боевого духа и капитуляции, однако каждый раз преодолевала возможное бедствие. За мужественное сопротивление врагу и проявленные при этом героизм и отвагу мальтийский народ 15 апреля 1942 года был удостоен королем Георгиевского креста — высшей гражданской награды Великобритании¹².

В КНИГЕ «Немецкий корпус "Африка"». Победа и поражение» ее автор, один из немецких исследователей, бывший генерал Х.Г. Эзебек, командовавший в войну танковой дивизией, о событиях, происходивших в Ливии в 1942 году, писал: «28 апреля к Роммелю прибыл генерал-фельдмаршал Кессельринг, главнокомандующий группы армий Юг. Он привез с собой важное сообщение из ставки Гитлера. В нем говорилось, что Мальта, так было решено, должна наконец пасть и после бомбардировок, которые будут продолжаться на протяжении нескольких недель, [будет] захвачена в конце мая. Авиация с двумя батальонами парашютистов будет участвовать в операции... Однако 6 мая дата операции «Мальта» была отложена и перенесена на период после окончания наступления на Мармарику*. Когда Кессельринг через 10 дней утверждал участие люфтваффе в боевых действиях, в особенности при наступлении на Тобрук, проект «Мальта» был отодвинут на линию горизонта, после чего очень скоро он исчез совсем»¹³.

В июле 1942 года ситуация на архипелаге стала критической. К этому времени было ясно, что имеющихся ресурсов и продовольствия могло хватить лишь на две недели. Союзники направили на Мальту очередной конвой с продовольствием и вооружением, однако до места назначения добрались только 5 сильно поврежденных кораблей. Последний из них, «Ойо», достиг Большой гавани 15 августа.

После пополнения ресурсов и

* Мармарику — песчаная равнина на северо-востоке Ливии, граничащая с Египтом.

прибытия на Мальту сотни истребителей «Спитфайер» ее военное положение принципиально изменилось. Хотя островное государство продолжало находиться на линии фронта, в июне 1943 года сюда прибыл король Великобритании Георг VI. В этот же период на острове в бастионах, возведенных еще в XVII веке (теперь там размещен Военный музей), заседали видные английские и американские генералы, готовившие планы разгрома корпуса Роммеля в Северной Африке и вторжения войск на Сицилию.

В июле 1943 года союзники, используя Мальту как плацдарм, высадили свои войска на Сицилии. Фронт ушел на север, и Мальта оказалась в тылу союзных армий. Ее снабжение всем необходимым стало регулярным. Начались восстановительные работы, поскольку большая часть населения к этому времени оказалась без крыши над головой. Все же с 1940 по 1943 год мальтийцы подвергались почти 3000 массированных воздушных налетов итальянской и немецкой авиации¹⁴, жертвы которых пока еще не подсчитаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The New Encyclopedia. Britannica. 1978. Vol. 11. P. 392.

² J.S. Abela. Malta. A panoramic history. Valletta, 1997. P. 185.

³ Вторая мировая война. Краткая история. М.: Воениздат, 1984. С. 81.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Из остальных трех мальтийских истребителей, прозванных «Вера», «Надежда» и «Любовь», уцелел лишь первый, и в настоящее время его можно видеть в Военном музее Валлетты — столицы Мальты.

⁶ Churchill W. The Second World War. Vol. 3. P. 351.

⁷ Там же. P. 491, 492.

⁸ Яковлев Н.И. Полвека назад. Судьба полководца: Жуков, Макартур, Роммель. М., 1995. С. 22.

⁹ В 1942 г. был период, когда корабли английского флота, действовавшие на коммуникациях противника между портами Италии и Ливии, были вынуждены оставить на некоторое время военную базу на Мальте.

¹⁰ Батлер Дж., Гуайер Дж. Большая стратегия, июнь 1941 — август 1942. М., 1967. С. 333.

¹¹ Вторая мировая война. Краткая история. С. 182.

¹² Там же.

¹³ Hanns-Gert von Eisebeck. Das Deutsche Afrika-Korps. Sies und Niederlage. Wiesbaden und Munchen, 1975. S. 84.

¹⁴ Мальта. Париж, Люксембург, Москва. 1997. С. 46.

В.И. ГУСАРОВ,
доктор географических наук
(Москва)

ЖЕНЩИНА – ВОИН, ЖЕНЩИНА – ЖЕРТВА

Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины

Мир еще не видел такого массового участия и героизма женщин в вооруженной борьбе, как в годы Великой Отечественной войны. Советские женщины овладели почти всеми воинскими специальностями. В ряды Красной Армии были призваны свыше 800 тыс. женщин¹. Они водили в бой самолеты и танки, были пулеметчицами и артиллеристами, автоматчицами и снайперами. На их хрупкие плечи в основном легли такие виды ратного труда, как медицинская служба, связь, противовоздушная оборона, охрана и регулирование движения на военно-автомобильных дорогах.

Снайпер Мария Кувшинова
Май 1944 г.

НА ОСНОВАНИИ постановлений Государственного Комитета Обороны от 25 марта, 13 и 23 апреля 1942 года началась массовая мобилизация женщин. Свыше 300 тыс. их были призваны в войска противовоздушной обороны, сотни тысяч — в военно-медицинские учреждения санитарной службы Красной Армии, войска связи, дорожные части и др. По линии Красного Креста 300 тыс. женщин получили специальности медицинских сестер, столько же — санитарок, свыше 500 тыс. — сандружинниц местной противовоздушной обороны². В партизанском движении и подполье сражались более 100 тыс. женщин. За заслуги в борьбе с фашистскими захватчиками свыше 150 тыс. женщин были награждены боевыми орденами и медалями.

Хочется особо отметить ратный труд женщин — медицинских работников. Уже в начале войны в медицинские учреждения пришли свыше 225 тыс. сандружинниц и активисток Российского общества Красного Креста. Только Ленинград за первые два года войны дал армии и гражданским медицинским учреждениям 8860 медицинских сестер и 14 638 сандружинниц. Десять тысяч девушек и женщин ушли на фронт, в дивизии народного ополчения и в партизанские отряды. Разные по возрасту и

национальности, они представляли большую силу по своей численности и по своей неутомимой деятельности. Так, среди фронтовых врачей женщины составляли 41 проц., среди военных хирургов — 43 проц., медицинских сестер — 10 проц., санитарных инструкторов и санитарок — 40 проц.³

К 60-летию Победы

Большие испытания выпали на долю тех женщин и девушек, которые служили непосредственно в частях и учреждениях войскового звена и боролись за жизнь воинов в сложных полевых условиях. В боевой обстановке, пренебрегая опасностью, под огнем противника врачи, фельдшера, медицинские сестры, санитарные инструкторы и санитарки перевязывали раненых, выносили их с поля боя вместе с оружием, делали неотложные операции, эвакуировали в тыл. Совершая вместе с войсками многокилометровые переходы, они показывали пример выносливости, мужества и героизма.

НЕДАРОМ труд военных медиков на поле боя был приравнен к ратному подвигу солдат и офицеров Красной Армии, о чем свидетельствует приказ народного комиссара обороны СССР № 281 от 23 августа 1941 года. В нем с бухгалтерской точностью высчитан

порядок представления к наградам военных санитаров и носильщиков. Так, за вынос с поля боя 15 раненых с винтовками или ручными пулеметами санитары и носильщики представлялись к медалям «За боевые заслуги» или «За отвагу», за вынос 25 раненых с их оружием — ордену Красной Звезды, 49 раненых — к ордену Красного Знамени, 80 раненых — к ордену Ленина⁴. Всего же за годы Второй мировой войны более 115 тыс. медицинских работников были награждены орденами и медалями. Высшей награды — Золотой Звезды Героя Советского Союза — были удостоены 43 военных медика, из них 17 женщин.

Вот один из примеров героизма женщин-медиков. Санитарный инструктор стрелковой роты Валерия Гнардовская, 20-летняя девушка родом из Ленинградской области, спасла жизнь свыше 300 бойцам и офицерам. В боях за город Долину Валерия вынесла с поля боя 47 раненых с их оружием. 23 сентября 1943 года на узком участке фронта в районе села Вербовое Запорожской области враг сосредоточил большое количество «тигров». Когда танки оказались в 50—60 метрах от района расположения раненых, Валерия, спасая их, схватила связку гранат и, поднявшись во весь рост, бросила ее под гусеницы вражеского танка. Атака врага была отбита, раненные спасены, но в этом бою

Валерия Гнаровская погибла смертью храбрых.

Среди 17 медицинских работников, награжденных орденом Славы трех степеней, заслуженное место занимает санитарный инструктор М.С. Нечепорчукова-Ноздрачева, которая в период Висло-Одерской и Берлинской операций оказала помощь и вынесла с поля боя 120 раненых с их оружием. Будучи сама раненной, оказывала помощь другим, уничтожила фашиста, пытавшегося добить раненых⁵.

Численное соотношение женщин и мужчин в Красной Армии было 1 к 20, причем женщин-военнослужащих в армии — 83 проц., волонтеров — 17 проц.; офицеров — 12 проц., сержантов и рядовых — 88 проц. По специальностям они распределялись так: зенитчицы, пулеметчицы, прожектористки — 50 проц., технический персонал — 17 проц., фельдшера-санитаринструкторы, санитары — 10 проц., прачки — 6 проц., работницы пищеблоков — 4,5 проц., врачи — 2,5 проц., связистки и радистки — 2,5 проц., работники в штабах — 2,3 проц., снайперы — 2 проц., танкисты и стрелки — 1 проц., политработники — 1 проц., фармацевты, лаборантки, рентгено техники — 1 проц., водители — 0,2 проц.⁶

В ОТЧЕТАХ военно-санитарного управления Ленинградского фронта, к сожалению, нет разделения среди личного состава на женщин и мужчин, но указано, что на 1 января 1942 года среди врачей частей 76 проц. составляли мужчины, а 24 проц. — женщины. Там же отмечено, что на 1 июля 1942 года в войсковом районе доля врачей-мужчин составила 56 проц., а женщин — 44 проц., а в заключении отчета сказано, что на долю женщин приходилось 55 проц. старшего и среднего медицинского состава. Ими главным образом были укомплектованы фронтовой и армейский районы. Образцы мужества и преданности Родине показывали дружинницы, санитаринструкторы, санитары⁷.

Наличие значительного числа женского контингента в рядах Красной Армии в годы Второй мировой войны вызывало необходимость оказания специализированной акушерской помощи. В условиях армейской жизни значительно выше был уровень травматизма среди женщин. Поэтому надо было открывать специализированные отделения как в действовавших госпиталях, так и отдельные госпитали.

Для организации профилактического осмотра и оказания медицинской помощи в сентябре 1942 года специальным распоряжением на-

Бывшие фронтовики — старшая медицинская сестра и врач городской больницы

Москва, 1981 г.

Санитарки и медсестры санитарного поезда

1943 г.

Санитарки и медицинские сестры во время работы

1943 г.

Старшина медицинской службы Е. Ковальчук выносит раненого с поля боя

Оказание помощи раненому в полевом госпитале

чальника Главного военно-санитарного управления (ГВСУ) были введены нештатные гинекологи армий, фронтов и округов, 26 октября того же года должности гинекологов включены в штат военно-санитарных отделов армий и военно-санитарных управлений фронтов⁸. Должность главного гинеколога Красной Армии на протяжении всего периода Великой Отечественной войны занимал видный ученый профессор И.Ф. Жордания. Дивизионный медицинский пункт служил первым этапом медицинской эвакуации, на котором осуществлялось лечебно-профилактическое обеспечение женщин-военнослужащих. Женские палаты на 5—10 коек развертывались в составе одного—двух армейских госпиталей. Кроме того, во фронтовых госпиталях развертывались гинекологические отделения на 20—30 коек для лечения женщин со сроками выздоровления 30—35 суток. Всего в составе каждой армейской и фронтовой госпитальной базы в 1943—1944 гг. имелось до 300 гинекологических коек⁹.

Организации лечебно-профилактического обеспечения женщин-военнослужащих уделялось боль-

шое внимание. Были изданы документы, приказы по армиям и фронтам, регламентирующие медицинское обеспечение женщин¹⁰.

В КОНЦЕ 1943 года на ряде фронтов состоялись научно-практические конференции гинекологов, на которых обсуждались вопросы, касавшиеся оказания медицинской помощи раненым и больным женщинам, лечения гинекологических больных, содержания санитарно-просветительной работы и др.¹¹ В составе госпитальных баз фронтов были выделены специальные женские госпитали. На Ленинградском фронте впервые в Красной Армии 1 октября 1943 года эвакуационный госпиталь № 1443 на тысячу коек был переформирован в женский. В нем были развернуты 10 отделений, позволявших оказывать специализированную медицинскую помощь. Работники госпиталя проанализировали военный травматизм у женщин. Так, среди раненых преобладали рядовой и сержантский состав — 75,3 проц., офицеры составляли 14,2 проц., партизанки — 4,3 проц., вольнонаемные служа-

щие — 6,2 проц. Из числа всех раненых — медицинских работников было 39,2 проц. (из них 21,4 проц. — санитарных инструкторов и санитаров, 15,7 проц. — медицинских сестер и фельдшеров, 2,1 проц. — врачей). Ранения минеров составляли 13,8 проц., связисток — 24,7 проц., поваров — 7,4 проц., рядовых стрелков — 4,3 проц., снайперов — 1,8 проц., зенитчиц — 1,2 проц., разведчиц — 1,5 проц., регулировщиц — 1,3 проц., прибористов — 1,2 проц., других специальностей — 3,6 проц.¹²

Преобладали осколочные ранения — 83,7 проц., пулевые составляли 16,3 проц. Наибольшее число ранений приходилось на область нижних конечностей — 45 проц., меньшее на верхние — 22 проц. Общая летальность была равна 0,3 проц.¹³

Довольно широкое распространение получили во время войны заболевания кожи. Частота заболеваний кожных покровов у женщин, по данным И.Ф. Жордания, в 10 раз превосходила аналогичные показатели довоенного времени. Наиболее вероятными причинами кожных заболеваний являлись трудности в соблюдении правил личной гигиены при стесненных бытовых условиях, инфекции от расчесов, загрязнение кожи при несении службы на дорогах¹⁴.

Как показал опыт, отрицательное влияние условий военного времени на женский организм могло быть уменьшено систематическим проведением ряда профилактических мероприятий, таких, как ежемесячные медицинские осмотры, обеспечение возможности выполнения ежедневного гигиенического туалета и т.д.

Однако женщины становились жертвами войны не только будучи ранеными, больными, убитыми, но и когда попадали в плен, угонялись на принудительные

Женская палата госпиталя 1945 г.

работы в Германию. Там их ожидали голод, пытки, болезни, страдания от холода в нетопленых помещениях, изнурительная работа, когда продолжительность рабочего дня определялась лишь способностью держаться на ногах. Санитарные условия лагерей, в которых в основном и содержались женщины, были ужасающими¹⁵.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ лагеря представляли собой огромную индустрию смерти для военнопленных, в том числе и женщин, с помощью специально разработанного зверского режима. Но особый садизм гитлеровцев проявился в том, что они с холодной жестокостью и беспощадной педантичностью проводили заранее спланированные медицинские опыты на живых людях. В результате этих опытов в страшнейших мучениях погибли тысячи человек, а те, что уцелели, на всю жизнь остались калеками.

С точки зрения положения и должностей лиц, принимавших участие в совершении этих преступлений, а равно и степени жестокости, с которой они были проведены, попрания законов и обычаев войны и основных принципов международного права, данная категория преступлений фашизма занимает особое место среди злодеяний гитлеровцев в период Второй мировой войны. Так, в женском концентрационном лагере Равенсбрюк проводившиеся эксперименты были самыми изощренными и охватывали широкий круг «проблем». Гитлеровцы под наркозом наносили узникам глубокие раны, инфицировали их бактериями столбняка, стрептококка и др. Чтобы усилить инфекцию, сыпали на раны древесные опилки и толченое стекло. На операционных столах ломали молотком кости здоровым узникам, вырезали целые группы мышц, костей и нервов, затем производили пересадку кусочков кости с целью изучения процессов регенерации.

Наряду с этими «опытами» в Равенсбрюке, Освенциме и других концентрационных лагерях проводились массовые эксперименты по стерилизации путем облучения рентгеновскими лучами, хирургического вмешательства, а также при помощи различных медикаментов¹⁶.

ОГРОМНАЯ задача легла на медицинскую службу Красной Армии в годы Второй мировой войны и после ее окончания в отношении обслуживания женщин, освобожденных из плена или неволи. Среди репатрианток кроме истощения, массовой заболеваемости наблюдалась

высокая гинекологическая патология. Так, главный гинеколог Красной Армии полковник медицинской службы И.Ф. Жордания обследовал более 30 лагерей и сборных пунктов для репатриантов, 25 госпиталей и лазаретов. Его данные свидетельствуют о том, что женщины в лагерях и сборных пунктах составляли 50—60 проц. от общего числа репатриантов, причем 80 проц. женщин было в возрасте от 17 до 30 лет. Как положительный факт главный гинеколог отметил, что во всех лагерях женщины проходили гинекологическое обследование. Вместе с тем бактериоскопическое исследование производилось лишь у 10—20 проц. обследовавшихся и только при подозрении на венерические заболевания. Кроме того, была выявлена беременность на разных стадиях развития, которая составляла в различных лагерях и сборных пунктах, а также лазаретах от 4 до 20 проц.¹⁷

Для оказания неотложной помощи при лагерных лазаретах были организованы родильные отделения. Акушерская помощь оказывалась в акушерских отделениях госпиталей, приданных лагерям. После родов роженицы с новорожденными задерживались в госпиталах не менее чем на 15 суток. Однако из-за отсутствия надлежащего транспорта задержка продлевалась до 4—6 недель. Это явилось причиной создания при женских госпиталях специальных отделений «матери и ребенка».

Трудности в обследовании женщин, освобожденных из плена или неволи, заключались в том, что во многих лагерях, где они были сконцентрированы, часть из них отправлялась на полевые работы, в трофейные команды и т.д. Это затрудняло всеобщее проведение медицинского контроля.

Перед отправкой на Родину железнодорожным транспортом женщины проходили полное медицинское обследование. Незначительная же часть репатрианток, а именно погонщицы и доильщицы гуртов скота, следовала пешком несколько месяцев. Поэтому этим женщинам выдавались индивидуальные санитарные паспорта с обязательной отметкой в них, на каких этапах необходимо проводить медицинское обследование.

Таким образом, впервые в истории военной медицины в 1942—1945 гг. была организационно оформлена и прошла практическую проверку стройная система оказания медицинской помощи и лечения женщин-военнослужащих, женщин-репатриантов, которая позволила сохранить жизнь, вернуть в строй, к трудовой деятельности тысячи женщин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда. 1975. 4 марта.

² Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 269, 270.

³ Мурманцева В.С. Женщины в солдатских шинелях. М.: Воениздат, 1971. С. 22; Грибовская Г.А. Женщины-военнослужащие (1941—1945) // Воен.-мед. журнал. 2003. № 2. С. 74.

⁴ Приказ народного комиссара обороны Союза ССР от 23 августа 1941 г. № 281. Фонды Военно-медицинского музея (ВММ) МО РФ.

⁵ Сатрапинский Ф.В. Военные медики — Герои Советского Союза. Л., 1975. С. 37; Кузьмин М.Х. Медики — Герои Советского Союза. М., 1965. С. 43.

⁶ Будко А.А. Женщины Красной Армии в санитарной службе во Второй мировой войне; Женщины-военнослужащие 1941—1945. Берлин-Карлсхорст, 2002. С. 28—31; Труды научных работ 14-й отдельной армии, доложенные на Всеармейской врачебной конференции 26.01.1945 г. С. 357—363.

⁷ Архив ВММ. Ф. 21. Оп. 5727. Д. 3. Л. 105—115, 120.

⁸ Драчко В.Ф. Становление и развитие организации оказания медицинской помощи женщинам-военнослужащим в годы Великой Отечественной войны // Воен.-мед. журнал. 1976. № 3. С. 91.

⁹ Жордания И.Ф. Гинекология военного времени // Воен.-мед. журнал. 1946. № 3. С. 16.

¹⁰ Указания по организации гинекологической лечебно-профилактической помощи женщинам, служащим в Красной Армии. М.: Медгиз, 1943.

¹¹ Труды конференции гинекологов 1-го Прибалтийского фронта 8—9 июля 1944 г. ВСУ 1-го Приб. фр., 1945.

¹² Введенский К.К. О работе эвакогоспиталя 1443 // Тр. Военно-медицинского музея. Л., 1965. Т. 17. С. 119, 120.

¹³ Барановский А.М., Будко А.А., Грибовская Г.А. Советские женщины во Второй мировой войне: Материалы II съезда конфедерации историков медицины (международной) 14—17 мая 2003 года. М.: Медицина, 2003. С. 250—253.

¹⁴ Жордания И.Ф. Указ. соч.

¹⁵ Будко А.А., Грибовская Г.А. Когда опустели фашистские лагеря Европы: Медицинское обслуживание репатриантов Второй мировой войны // Воен.-истор. журнал. 2001. № 3. С. 36—42.

¹⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими преступниками: Сб. материалов в 7 т. М., 1961. Т. 1. С. 887; Т. 4. С. 446—448; Т. 7. С. 372, 373.

¹⁷ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 44667. Д. 502. Л. 362—368.

*Полковник медицинской службы
А.А. БУДКО,
доктор медицинских наук,
профессор;*

*Г.А. ГРИБОВСКАЯ,
кандидат медицинских наук
(Санкт-Петербург)*

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ КОНКУРСА начальником Редакционно-издательского центра Генерального штаба ВС РФ

НАЧАЛЬНИКОМ Редакционно-издательского центра Генерального штаба ВС РФ полковником С.В. Кравченко подведены итоги творческого конкурса на лучшие материалы, опубликованные в «Военно-историческом журнале» в 2003 году.

За подготовку материалов, отличающихся глубоким теоретическим содержанием, убедительностью и ясностью изложения, практической значимостью, а также в связи с празднованием Дня российской печати первая поощрительная премия присуждена полковнику Герасимову Василию Леонидовичу (г. Москва) за статьи: «Развитие органов управления морской авиации» в рубрике «Первая мировая война: военное строительство» (№ 3); «Создание системы подготовки авиационных кадров флота в годы Первой мировой войны» в рубрике «Военное строительство» (№ 7); «Борьба за превосходство в воздухе в кампании 1916 года» в рубрике «Первая мировая война» (№ 8); «Смоленская твердыня» в рубрике «Памятные даты» и рецензии: «Военные министры России: кто они?» (на биографический сборник «Военные министры России»); «О ведомственных наградах советских органов госбезопасности» (на книгу А.М. Булкова «Ведомственные награды ВЧК — НКВД (1922—1940)». Ч. 1. «Ведомственные награды ВЧК — НКВД (1922—1932)»; «По страницам "Смоленского календаря"» (на альманах В.Е. Гречишников «Смоленский календарь»); «О героях-танкистах Красной Армии» (на книгу В.А. Жилина «Герои-танкисты 43-го...». Кн. III); «В час испытаний поклонись Отчизне» (на книгу В.А. Жилина «Герои-танкисты 43-го...». Кн. IV); «Новый военно-исторический труд о Сталинградской битве» (на книгу «Сталинградская битва. Хроника, факты, люди». В 2 кн.); «Война стала великим экзаменом для России на зрелость» (на книгу А.И. Уткина «Первая мировая война»); «Очерки истории Военного министерства» (на книгу «Двухсотлетие Военного министерства 1802—2002 гг.»).

Вторая поощрительная премия присуждена генерал-лейтенанту в отставке Хворостьянову Юрию Александровичу (г. Москва) за статью «Грузинский генералитет русской армии» в рубрике «По страницам редких изданий» (№ 1), серию публикаций в рубрике «Хронограф» (№ 1—12) и рецензии: «Битва, предопределившая исход войны» (на книгу Б.Г. Соловьева «Курская битва»); «...Не жаждал я предстать перед читателями в выгодном свете» (на книгу Д.Т. Язова «Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала»); «Наша конфузливость и самоуомаление перед иностранцами не имеют никаких оснований» (на книгу А.Е. Вандама (Едрихина) «Геополитика и геостратегия»).

Третья поощрительная премия присуждена подполковнику Лобанову Андрею Владимировичу (г. Москва) за серию опубликованных статей: «Танки и танковые дивизии вермахта на границах СССР 22 июня 1941 года» в рубрике «Великая Отечественная: в поисках правды» (№ 5); «Танковые войска вермахта накануне операции "Цитадель"» в рубрике «Великая Отечественная: из истории вооружения и техники» (№ 8).

Победители творческого конкурса получили подписку на «Военно-исторический журнал» на 2004 год.

Также подпиской на «Военно-исторический журнал» на 2004 год поощрены наши постоянные авторы: доктор исторических наук, профессор полковник в отставке Фролов М.И. (Санкт-Петербург) за статью «Г.К. Жуков: "Потеря Ленинграда... была бы серьезным осложнением стратегической обстановки"» в рубрике «Великая Отечественная война 1941—1945 гг.» (№ 6); доктор социологических наук, доцент полковник Образцов И.В. (Москва) за публикации в рубрике «Военно-патриотическое воспитание»: «Солдатом называется и первейший генерал, и последний рядовой» (№ 7), «Сила государства не в одной численности войска, но... в нравственных и умственных его качествах» (№ 8), «После праздника Николы и в солдаты покатым» (№ 11); кандидат юридических наук, кандидат философских наук Пчелинцева Л.М., кандидат юридических наук генерал-майор юстиции Пчелинцев С.В. (Москва) за статью «Квартирное довольствие офицеров» в рубрике «Военная реформа: прошлое и современность» (№ 9).

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Начальник Редакционно-издательского центра Генерального штаба ВС РФ приглашает к участию в конкурсе на лучшую публикацию в текущем 2004 году на страницах «Военно-исторического журнала». Авторам материалов, победившим в конкурсе, будут присуждены по одной первой, второй и третьей денежной премии. Лауреатов поощряют и годовой подпиской на журнал. Кроме того, выделяют три годовые подписки на «Военно-исторический журнал» для участников творческого конкурса. Наш журнал объявит его результаты к Дню российской печати — 13 января 2005 года.

Приглашаем авторов «Военно-исторического журнала» к участию в конкурсе!

Полковник Герасимов Василий Леонидович

Родился 30 сентября 1961 года в Смоленске. В Вооруженных силах с 1978 года. Окончил Тамбовское высшее военное авиационное инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского в 1981 году, Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н.Е. Жуковского в 1988 году, Военно-морскую академию имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова в 2000 году, факультет переподготовки и повышения квалификации Военной академии Генерального штаба ВС РФ в 2002 году.

Проходил службу в 76-м отдельном противолодочном авиационном полку ВВС Северного флота, в Управлении командующего авиацией ВМФ и Управлении боевой подготовки Военно-морского флота. Был заместителем главного редактора (редактором по отделу оперативного искусства и военно-морской теории) журнала «Морской сборник», заместителем главного редактора «Военно-исторического журнала», старшим преподавателем кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ. С сентября 2003 года — начальник научно-исследовательского отдела (координации и планирования научных исследований в области военной истории) Института военной истории МО РФ.

Воинское звание подполковник получил досрочно. Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и медалями.

Генерал-лейтенант в отставке Хворостьянов Юрий Александрович

Родился 15 февраля 1928 года во Владикавказе. Окончил Львовское военно-пехотное училище имени Н.А. Шорса в 1949 году, Военную академию имени М.В. Фрунзе в 1961 году, Военную академию Генерального штаба в 1970 году, Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба в 1978 году.

Проходил службу в войсках на командных и штабных должностях в Прикарпатском, Московском, Белорусском, Одесском, Забайкальском, Сибирском военных округах, Северной группе войск, в Германской Демократической Республике в должности представителя главнокомандующего Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского договора при главном штабе Национальной народной армии ГДР.

В 1971—1975 гг. — командир 2-й гвардейской Таманской мотострелковой дивизии имени М.И. Калинина; в 1977—1982 гг. — начальник штаба, первый заместитель командующего войсками Сибирского военного округа; в 1985—1989 гг. — заместитель начальника штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, другими отечественными и иностранными государственными наградами.

Подполковник Лобанов Андрей Владимирович

Родился 25 декабря 1962 года в Москве. Окончил Московское суворовское военное училище в 1980 году, Коломенское высшее артиллерийское командное училище в 1984 году.

Проходил службу на командных должностях в Краснознаменном Дальневосточном военном округе в 1984—1991 гг. С 1991 года — начальник группы 1888 военного представительства МО РФ (г. Москва). В 1993 году окончил факультет подготовки офицеров военных представительств в Военно-инженерной Краснознаменной космической академии имени А.Ф. Можайского, в 1995 году — курсы офицеров военных представительств на военном финансовом экономическом факультете Государственной финансовой академии.

Награжден медалями.

Фельдмаршал М.И.Кутузов. Кто следующий?

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ войне 1812 года посвящено громадное количество литературы и, естественно, в ней всегда почетное место занимал главнокомандующий русской армией генерал-фельдмаршал [19 (31) августа 1812 г.] Михаил Илларионович Кутузов. Нет в нашей стране человека, который бы не знал этого выдающегося полководца, а уж если говорить о профессиональных историках, то какой бы областью исторической науки они ни занимались, равнодушия к этой фигуре русской истории в их среде не было и не будет. Всякий новый документ о Кутузове, его деятельности принимается с интересом и порождает множество комментариев. Историография войны 1812 года продолжает пополняться все новыми и новыми работами, и только в последнее время появились труды В.Н. Базыгина, А.А. Васильева, В.Н. Земцова, Л.Л. Ивченко, В.Г. Сироткина, А.Г. Тартаковского, В.П. Тотфалушина, А.В. Шишова и ряда других ученых. Привлек внимание читателей круглый стол, организованный в 1995 году журналом «Родина» (№ 9), под названием «Спаситель Отечества. Кутузов — без хрестоматийного глянца». И, конечно, особое место в историографии занимает последняя книга известного саратовского историка Н.А. Троицкого «Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты», вышедшая в Москве в 2002 году.

Н.А. Троицкий — автор многочисленных исследований, в том числе и по войне 1812 года, ставил перед собой задачу показать, каким был русский полководец в жизни, а не только на поле брани. При всем том, что в этой книге приводятся факты, обычно не выносившиеся ранее на суд широкой читающей публики, она производит впечатление серьезного монографического исследования. Конечно, можно было бы усилить или ослабить некоторые акценты, больше внимания уделить отдельным этапам служебной деятельности полководца, например его участию в русско-турецкой войне 1806—1812 гг., но в целом моно-

графия Н.А. Троицкого — событие в историографии Отечественной войны 1812 года. Тщательно изучив биографию М.И. Кутузова, автор, не скрывая ряда, можно сказать, негативных черт его характера: склонности к интригам, женолюбия, качеств искусного царедворца, тем не менее пишет о Кутузове как о «выдающемся русском военном и государственном деятеле, снискавшем себе неувядаемую славу не только на военном, но и на гражданском и дипломатическом поприщах».

ИНОЙ характер носит публикация на эту тему под заглавием «А был ли Кутузов?» в газете «Аргументы и факты» (№ 38, сентябрь 2003 г.). Прежде всего удивляет отношение к теме самой газеты. Уже на первой странице она проанонсирована следующим образом: «Фельдмаршал Кутузов. А был ли спаситель?». Подход, сразу же порождающий сомнения. Безапелляционная рубрика: «Фельдмаршал, который проспал всю войну», а также комментарии и вопросы редакции, предваряющие две статьи, одна из которых носит «антикутузовский» характер, а другая, напротив, можно сказать, «прокутузовский». В газетном вступлении к первой из них говорится, что «гениальность Кутузова как полководца в последнее время подвергается все большим сомнениям», а во вступлении ко второй указывается на парадокс, суть которого, по мнению газеты, состоит в том, что Наполеон, якобы «не проиграв ни одного сражения... проиграл кампанию. А Кутузов, не выигравший ни одной битвы, выиграл войну». И ставится вопрос: что важнее?

И анонс на первой странице, и рубрика, и комментарии с вопросами выдают действительную позицию редакции до такой степени, что игра в объективность становится излишней. Однако обратимся к материалам статей. В одной из них, поданной в виде беседы корреспондента газеты с назвавшимся кандидатом исторических наук М. Горностаевым, существо заключено в следующих сло-

вах последнего: «Гениального полководца Кутузова не существовало, был лишь неплохой, но и не слишком талантливый военачальник, человек, не обремененный высокой моралью». Вот с этим заключением о М.И. Кутузове как военачальнике мы категорически не согласны. С одной стороны, необходимо отметить ряд умолчаний, а с другой — спорных положений. Умолчания носят принципиальный характер. В самом деле, как можно писать и говорить об Отечественной войне 1812 года и не упомянуть о блистательном Тарутинском маневре, о котором очень высоко отозвался сам Наполеон? Маневре, означавшем начало перелома в войне, когда М.И. Кутузов, прибыв в Тарутино, заявил: «Теперь ни шагу назад!». Во время этого флангового маневра французы за 9 дней потеряли из виду главные силы русской армии. Тарутинский маневр, идея которого полностью принадлежит Кутузову, был столь дальновидным по замыслу и совершенным по исполнению, столь судьбоносным по своему влиянию на последующий ход войны, что вошел как выдающееся достижение военного искусства во все учебники для будущих военачальников. В результате этого маневра стратегическая обстановка коренным образом изменилась в пользу русской армии, которая получила широкие возможности для всесторонней подготовки и развертывания контрнаступления. Уже только одно это могло бы дать М.И. Кутузову право называться гениальным полководцем.

Фельдмаршал понимал, что в открытом полевым сражении, особенно на первых этапах войны, когда в Россию вторглась самая могущественная армия того времени во главе с наиталантливейшим военачальником, русским войскам, состоявшим в основном из бывших крепостных крестьян, трудно будет одержать победу. Поэтому противника надо было перехитрить, и «толстый, старый, одноглазый» (это редакция газеты не преминула подчеркнуть) действительно перехит-

рил лучшего полководца Европы¹. И это не было случайностью, а ответствовало дарованию фельдмаршала, уже до этого не раз демонстрировавшего в многочисленных войнах свои выдающиеся ум и военную хитрость, которые ценили не только императрица Екатерина II, но и такие военные авторитеты, как П.А. Румянцев, А.В. Суворов, а также ряд других соратников Кутузова. В частности, непосредственный начальник его, главнокомандующий Молдавской (Дунайской) армией генерал-фельдмаршал А.А. Прозоровский, в декабре 1808 года писал о Кутузове Александру I, хотя не мог не знать, что русский самодержец недолюбливал последнего: «Признаю его в искусстве военном из лучших генералов государства императора»².

До Тарутинского маневра М.И. Кутузов втянул Наполеона в Москву и устроил ему там самую настоящую ловушку. Да, оставление Москвы без сражения у ее стен — наиболее драматический акт войны 1812 года, великая жертва великого города. Но это и свидетельство большой силы воли, мужества и мудрости русского полководца, считавшего, что с потерей Москвы не потеряна еще Россия. Главное — сохранить армию и сблизиться с войсками, идущими на подкрепление. «Самым уступлением Москвы, — сказал Кутузов, — приготовим мы неизбежную гибель неприятелю... Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор остается надежда счастливо завершить войну, но по уничтожении армии и Москва, и Россия потеряны»³. Поистине пророческие слова, в свете которых утверждение М. Горностаева о том, что «Кутузов до последнего дня не знал, что предпринять», не соответствует действительности.

С точки зрения военной целесообразности решение фельдмаршала не может вызывать особых сомнений. Им были тщательно продуманы и в последующем реализованы меры именно такого характера, чтобы изолировать армию противника в Москве и тем самым деморализовать, истощить ее, а затем «выдавить» из города. Твердо решил истребить войска захватчиков, М.И. Кутузов неуклонно направлял все усилия к достижению этой цели. Исполнявший обязанности генерал-квартирмейстера Главного штаба русской армии в войну 1812 года, т. е. являвшийся человеком, по должности близким стоявшим к главнокомандующе-

му и разделявшим с ним все трудности по управлению войсками, К.Ф. Толь (с 1826 г. генерал от инфантерии) так отзывался в 1825 году о деятельности полководца: «Он, с твердостью и постоянством, предводительствуя всеми нашими армиями, при свете обширного и опытного ума своего, придумывал общие планы действий, долженствовавших неминуемо привести неприятеля к гибели, и назначал время и место для исполнения сих планов... Соединяя в себе все пружины нашей воинской силы, он руководил ею так, чтобы она наносила неприятелю наиболее губительные удары»⁴. Так что и сдача Москвы, и Тарутинский марш-маневр были этапами на пути разгрома Наполеона, и об этом нужно прямо говорить, а не рассуждать о равенстве сил и возможности остановить интервентов у стен первопрестольной. Не было тогда таких сил, и второе сражение у Москвы не гарантировало русским победы.

СНЕДОМОЛВКАМИ говорит М. Горностаев и о Тарутинском бое 6 (18) октября 1812 года, который, по сути, знаменовал собой переход русской армии от обороны к активным наступательным действиям. И хотя он завершился лишь тактическим успехом — частичным поражением 26-тысячного французского авангарда маршала И. Мюрата, его значение для подъема боевого духа русских войск, укрепления их веры в окончательную победу над Наполеоном трудно переоценить. Точно так же трудно переоценить, но уже в стратегическом плане, и значение боев под Малоярославцем 12 (24) октября, о которых, кстати, М. Горностаев вообще не сказал ни слова. Эти бои, вошедшие в историю как сражение под Малоярославцем, явились кульминационным пунктом борьбы за стратегическую инициативу, поворотным моментом в ходе Отечественной войны 1812 года, предопределившим судьбу «Великой армии». Здесь, у стен древнего русского города, в упорной, ожесточенной борьбе у противника была окончательно вырвана стратегическая инициатива, отсюда началось его изгнание из пределов России. В итоге сражения Наполеон вынужден был отказаться от плана обходного движения через Калугу к Смоленску, т. е. через хлебные южные губернии Российской империи, и повернуть войска, как этого и добивался Кутузов, на Старую Смоленскую дорогу, начав отступление по разо-

ренной самими же французами местности. И если Горностаев признает частичную победу в Тарутинском бою, говоря, что окончательному разгрому Мюрата якобы помешал сам Кутузов, хотя действия последнего определялись полученными им сведениями о предстоящем уходе Наполеона из Москвы и неясностью последующих действий противника, то умолчание о Малоярославце может рассматриваться только как еще один серьезный изъян данной публикации.

Не упомянуть о Тарутинском маневре и Малоярославце — это примерно то же самое, что, говоря о Великой Отечественной войне, не сказать о Московской и Сталинградской битвах. О какой объективности может после этого идти речь? Но кроме умолчаний в ответах М. Горностаева на «острые» вопросы корреспондента мы видим и ряд спорных утверждений. Отнюдь не являются общепризнанными ни названное им количество войск сторон, принимавших участие в Бородинском сражении 26 августа (7 сентября) 1812 года (русских — 154,8 тыс. человек при 640 орудиях, французов — 134 тыс. и 587 пушек), ни число потерь при Бородино (55 тыс. русских и 34 тыс. французов)⁵, да и сама оценка этого сражения грешит односторонностью. Нельзя забывать, что самая сильная, свыше 10 лет не знавшая поражений армия Западной Европы не смогла сломить сопротивление русских войск. Французы и их союзники понесли большие потери, особенно в кавалерии, которые им восполнить было значительно труднее, чем русским: сказывалась значительная отдаленность от Франции. Неправомерно говорить и о том, что русские проиграли Бородинское сражение («наша армия оставила поле боя»)⁶, хотя, конечно, это была битва за Москву, но и за Россию в целом тоже. «Предположим, — писал замечательный военный историк русского зарубежья А.А. Керсновский, — что в Бородинском сражении Наполеону удалось уничтожить русскую армию. Государь остался бы и тогда непреклонен, Москва была бы сожжена, народное восстание вспыхнуло бы и в этом случае. Но никого не было бы в Турутинском лагере и некому было бы заступить завоевателю дороги при Малоярославце... Наполеон смог бы расположить свою армию на зимние квартиры где-нибудь в Калужской либо Орловской губернии (терпя, разумеется, большой ущерб от партизан) и

весной 1813 года возобновить военные действия, опираясь на неисчерпаемые ресурсы подвластной ему Европы»⁷.

Вообще-то Горностаеву не мешало бы сказать, с какой армией пришел Наполеон в Россию и с какой ушел, точнее бежал, ибо его отступление превратилось в бегство. А самое главное, нужно было отдать должное М.И. Кутузову как победителю французов, а не заключать беседу сомнительной фразой, что «лишь удачное сложение многих факторов позволило Кутузову именоваться победителем Наполеона».

И еще одно замечание — относительно высказывания М. Горностаева о том, что в Тарутинском лагере фельдмаршал ничего не делал, был деморализован и в основном спал (и эту версию, судя по рубрике, редакция газеты разделяет). Говоря это, Горностаев ссылается на какие-то «воспоминания современников» войны 1812 года. Интересно, на чьи? Уж не на генерала ли Л.Л. Беннигсена, начальника Главного штаба русской армии, который широко известен как недоброжелатель М.И. Кутузова, стремившийся посредством интриг и доносов (за что, собственно, и был отстранен от должности) сместить фельдмаршала и самому стать главнокомандующим? Чтобы показать несостоятельность утверждения М. Горностаева, мы приведем лишь одно из многих свидетельств участников войны с Наполеоном — известного военного историка генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского, бывшего в 1812 году одним из адъютантов Кутузова. В 1840 году он писал: «Пребывание в Тарутине было для Кутузова одною из блистательных эпох его достославной жизни. Со времен Пожарского никто не стоял так высоко в виду всей России... В Тарутине в неизменно короткое время Кутузов привел в самое стройное положение армию, утомленную тысячеверстным отступлением и кровавыми сражениями, вручил народу оружие, осадил Наполеона в Москве и... извлекал все выгоды из нового рода войны»⁸. Иначе говоря, за три недели пребывания в Тарутинском укрепленном лагере [с 21 сентября (3 октября) по 11 (23) октября 1812 г.] М.И. Кутузовым и его сподвижниками была проделана, и это невозможно отри-

цать, огромная работа: осуществлены важные подготовительные и организационные мероприятия, обеспечившие успешный переход русской армии в контрнаступление, и решена одна из крупнейших стратегических задач — достигнуто превосходство в силах над противником.

ВТОРАЯ статья в газете вроде бы призвана была представить иную точку зрения. Ее автор В.М. Безотосный, написавший и издавший в свое время ряд известных работ по войне 1812 года, вполне для этого подготовлен. Но его статья, во-первых, в два раза меньше по объему, а, во-вторых, также не может породить полемику. Из нее получается, что чуть ли не все историки имеют претензии к Кутузову за оставление Москвы и за плохую расстановку сил на Бородинском поле. Нет, да и не было никогда такого единодушия среди историков. Наоборот, большинство из них не осуждают Кутузова ни за Москву, ни за Бородино. Да и вообще, какие могут быть претензии у отечественных историков к победителю Наполеона? Автор пишет, что возвеличивание М.И. Кутузова началось в 1945 году, и здесь он вступает в противоречие с утверждением М. Горностаева, отметившего «канонизацию» Кутузова уже сразу после войны 1812 года, что, на наш взгляд, больше соответствует действительности. Но разве Кутузов этого не заслужил? В любой другой стране победитель лучшего полководца того времени и, следует добавить, лучшей армии был бы возвеличен и канонизирован.

В.М. Безотосный тоже почему-то не пишет ни о Тарутинском маневре, ни о Тарутинском бое, ни о сражении под Малоярославцем. И это вызывает удивление. Как историк такого класса мог умолчать о важнейших, поворотных событиях войны? Вместе с тем позиция Безотосного заметно отличается от позиции Горностаева. Он признает, что «Кутузов был умным, хитрым и опытным военачальником». И несмотря на такое признание, редакция «Аргументов и фактов» явно склоняется к оценке автора первой статьи-беседы, с чем мы решительно не можем согласиться. Роль Кутузова в войне 1812 года была более значительной, чем непосредственное участие в ее событиях. Он воевал против

польских конфедератов еще в 60-х годах XVIII века, участвовал в трех русско-турецких войнах, сражался с Наполеоном в 1805 году, будучи главнокомандующим русско-австрийской армией. Неужели по-средственный или, как пишет М. Горностаев, не слишком талантливый полководец мог быть назначен на такой важнейший пост? То есть Кутузов считался первым полководцем страны еще в то время. И неудачный Аустерлиц — это не только и даже не столько его вина. М.И. Кутузов был тонким дипломатом и государственным деятелем. Он последовательно являлся литовским, петербургским, киевским, вновь литовским военным губернатором, готовил военные кадры в Дворянской артиллерийской и инженерной школе, в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, и многие его ученики впоследствии прославились как защитники Отечества, в том числе и в войне 1812 года.

И, конечно, нельзя забывать, что еще в марте 1811 года Кутузов был назначен главнокомандующим Молдавской армией, которая уже 22 июня (4 июля) одержала блестящую победу под Рущуком, а затем, в октябре—ноябре, и под Слободзеей. В последнем случае Кутузов буквально выманил турецкую армию на левый берег Дуная, окружил ее и остатки взял в плен, за что был возведен в графское достоинство. В мае 1812 года он своевременно выманил на противобойствие Франции и стремление турецкого правительства затянуть переговоры, заключил в Бухаресте мир с Турцией и освободил для войны с Наполеоном более чем 50-тысячную Молдавскую армию. Этот мир, как известно, был назван Богодарованным. Если бы М.И. Кутузов ничего более не сделал, а только преподнес своей стране такой подарок накануне французского нашествия, то и этого было бы достаточно для того, чтобы войти в историю, в том числе и в историю Отечественной войны 1812 года. Не случайно в июле того же 1812 года, менее чем через год после получения титула графа, он награждается и титулом светлейшего князя. Трудно найти подобный пример в истории России и это, еще раз подчеркиваем, не случайно.

УЖЕ летом 1812 года М.И. Кутузов был самым популярным человеком в государст-

ве, надеждой и «верхов», и «низов». И это не преувеличение. В начале Отечественной войны в конкурентной борьбе он волею дворянства избирается начальником Петербургского ополчения, а также назначается командиром так называемого Нарвского корпуса, предназначенного для защиты Петербурга. Разве это не свидетельство тех надежд, которые возлагались на него обществом? И, конечно, оно не по книгам, а воочию знало его не только как «толстого, старого и одноглазого». Глаз он потерял в боях, получив одно за другим ранения в голову, каждое из которых по представлениям тогдашней медицины считалось смертельным. Но Кутузов выжил, выжил для того, чтобы возглавить вооруженные силы страны, народные массы в борьбе со страшной внешней опасностью.

Была ли тогда другая, более подходящая фигура? Да, в то время имелось немало молодых, стройных и «глазастых» командиров, но общественное мнение предпочло Кутузова, и Александр I вынужден был уступить⁹. Генералы от инфантерии М.Б. Барклай де Толли и П.И. Баграцион были превосходными полководцами. Первый командовал 1-й Западной армией и как военный министр являлся фактическим главнокомандующим, второй стоял во главе 2-й Западной армии. Но ни тот, ни другой не подходили на роль, по существу, вождя нации. Хотя бы даже потому, что между этими двумя незаурядными личностями были крайне напряженные отношения. Должен был быть кто-то третий, более опытный и уважаемый и, конечно, русский человек. Этого третьего, кроме М.И. Кутузова, не было. Не подходил ни Л.Л. Беннигсен, бывший ганноверский пехотинец, одногодок Кутузова, ни П.Х. Витгенштейн, преградивший путь французам к Петербургу и даже снискавший имя «защитника Петрова града», но оказавшийся не на высоте положения, когда возглавил русскую армию после смерти Кутузова. Не подходил и другой заслуженный генерал, командующий 3-й армией А.П. Тормасов, исполнявший некоторое время обязанности главнокомандующего, когда весной 1813 года М.И. Кутузов заболел. В русской армии было тогда много боевых, заслуженных военачальников, но для борьбы с Наполеоном общественное мнение отдало предпочтение Куту-

зову и не ошиблось. Выражая общие чувства, А.С. Пушкин писал:

*«Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас»*¹⁰.

«Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала Святой Елены!... Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!»¹¹. Эти слова также принадлежат великому русскому поэту. Неплохо было бы всем нам прислушаться к ним. М.И. Кутузов решил главные задачи, а детали, представляющие интерес для нас, историков, не должны заслонять основное.

И последнее, хотя и немаловажное. Газета «Аргументы и факты» выходит огромным по нынешним временам тиражом. Насколько нам известно, это самое массовое издание в России. Тираж газеты в 1000 раз больший, нежели тираж монографии Н.А. Троицкого или, к примеру, журнала «Отечественная история», в сотни раз — «Военно-исторического». Она воздействует на миллионы читателей. И когда речь заходит о национальных святынях, надо много раз подумать, прежде чем затевать кампанию дискредитации. По существу, газета приняла участие в походе, направленном на дегероизацию русской истории, походе, начатом лет 15 тому назад и прежде всего ставившим задачу развенчания советского периода истории Отечества. Это коснулось и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., во время которой проявился массовый героизм такого масштаба, с каким не может сравниться ни одна другая историческая эпоха. Затем была предпринята попытка дегероизации дореволюционной русской истории. Известны нападки на Александра Невского, Дмитрия Донского и других. Сейчас мы столкнулись с походом против Михаила Илларионовича Кутузова. Горькие испытания выпали на долю этого полководца после уступки Москвы, но уже в октябре 1812 года вновь ослепительным светом засияла его звезда и, мы уверены, никогда не померкнет. Нет для этого никаких оснований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наполеон, критически осмысливая русский поход, вынужден был признать: «Хитрая лиса — Кутузов — меня сильно подвел своим фланговым маршем». См.: *Жилин П.А.* Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: Жизнь и полководческая деятельность. 3-е изд., доп. М.: Воениздат, 1988. С. 187.

² М.И. Кутузов. Сборник документов. В 5 т. /Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Воениздат, 1950—1956. 1952. Т. 3. С. 90.

³ Там же. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 221.

⁴ Цит. по: *Жилин П.А.* Указ. соч. С. 352.

⁵ По последним данным, опубликованным в 1-м томе Военной Энциклопедии (М.: Воениздат, 1997. С. 551), к началу Бородинского сражения русская армия имела 120 тыс. человек, 624 орудия; французская — 130—135 тыс. человек и 587 орудий. В отношении потерь в статье сказано, что армия Наполеона потеряла свыше 50 тыс. человек убитыми и ранеными (по французским данным, около 30 тыс. чел.), в том числе 49 генералов; русская армия — свыше 44 тыс. человек (в том числе 29 генералов).

⁶ С наступлением темноты Наполеон отвел свои войска на исходные позиции. По свидетельству французского офицера Вентурини, участника Бородинского сражения, «с наступлением ночи каждая сторона заняла опять те места, с которых поутру начала битву». См.: *Липранди И.П.* Кому и в какой степени принадлежит честь «Бородинского дня»? М., 1867. С. 71.

⁷ См.: *Керсновский А.А.* История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1992—1994. 1992. Т. 1. С. 264, 265.

⁸ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1840. Ч. 3. С. 142.; Ч. 4. С. 378, 379.

⁹ В письмах к сестре Александр I сообщал: «Вообще Кутузов пользуется большой любовью у широких кругов населения здесь (в Петербурге. — Авт.) и в Москве». И далее: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание... Я должен был остановить свой выбор на том, на кого указывал общий голос». См.: Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 82, 87.

¹⁰ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 12. С. 102.

¹¹ Там же. С. 133.

В.Я. ГРОСУЛ,
доктор исторических наук,
профессор,
главный научный сотрудник
Института российской
истории РАН;

генерал-лейтенант
в отставке **В.Т. ИМИНОВ,**
кандидат исторических наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник
Института военной истории
МО РФ
(Москва)

СМОЛЕНСКИЙ РАЙОН ОБОРОНЫ

Организация партизанского движения в прифронтовой Западной области в марте—ноябре 1918 года

18 ФЕВРАЛЯ 1918 года сепаратные переговоры между Советской Россией и Германией прервались, и войска последней стремительно двинулись на восток. Помимо прочих территорий ими была оккупирована большая часть Белоруссии. В связи с этим ранним утром 20 февраля под охраной 350 красногвардейцев к перрону Смоленского вокзала подошел эшелон с персоналом партийных, советских и военных учреждений, срочно эвакуированных из Минска. Вместе с ним прибыло и руководство Северо-Западного комитета РСДРП(б) во главе с А.Ф. Мясникяном (Мясниковым). Таким образом, в силу сложившейся исторической обстановки Смоленск стал одним из важных центров по организации борьбы с германскими войсками, рвавшихся к Москве.

21 февраля декретом-воззванием «Социалистическое Отечество в опасности!» Совнарком призвал трудящихся страны направить все усилия и средства на революционную оборону. В тот же день решением исполкома Советов Западной области в Смоленске был создан штаб Западного фронта во главе с А.Ф. Мясникяном. Под его началом должны были действовать все военные и гражданские учреждения, а также гарнизоны Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний.

3 марта того же года в Брест-Литовске наконец-то состоялось подписание мирного договора, однако и после этого германские войска кое-где продолжали наступление. На московском направлении, правда, оно прекратилось в районе Орши. Однако наступившая тишина была очень хрупкой, и военные действия могли возобновиться в любую минуту.

11 апреля 1918 года по решению II съезда Советов Западной области Смоленская губерния стала ее основной частью. Кроме последней в состав области вошли не занятые германскими войсками уезды Минской, Ви-

тебской, Могилевской губерний и четыре северных уезда Черниговской. До 31 декабря 1918 года административным центром региона был Смоленск, где в этот день VI северо-западная конференция РКП(б) провозгла-

К 90-летию Первой мировой войны

сила создание Белорусской Советской Социалистической Республики.

В связи с угрозой возобновления германскими войсками военных действий Совнарком принял ряд экстренных мер. Прежде всего уже в день подписания мирного договора по решению СНК был образован Высший военный совет (ВВС) Республики. 9 марта его приказом был сформирован Западный (Московский) участок так называемой Завесы, созданной 3 марта Комитетом революционной обороны Петрограда. Помимо этого был создан военный совет данного участка, который назначил его военным руководителем В.Н. Егорьева, комиссарами — И.М. Арефьева и А.М. Пыжева, а начальником штаба — А.А. Свечина (несколько позже — А.В. Новикова).

ПОД НАЧАЛОМ штаба Западного участка находились отряды: Невельско-Великолукский, Витебский, Оршанский, Смоленский, Рославльский, Брянский и Курский общей численностью около 20 тыс. человек. Первые пять образовали Смоленский район обороны (военный руководитель — А.А. Свечин, комиссары — И.А. Алибегов и В.С. Селезнев).

Вся деятельность Западного участка была направлена на укрепление его обороноспособности, надежным гарантом которой могли стать только части Красной Армии. Увы, на их создание и боевую подготовку нужно было немало времени, а тревожная обстановка на демаркационной линии требовала экстренных мер. Выход из этой критической ситуации предложил

В.Н. Егорьев. По разработанному им плану в случае начала германской агрессии борьба с ней должна была вестись в два этапа. Первый: задержка противника на путях к Москве с целью выиграть время для формирования армии. Второй: оборона на линии ближайших ко второй столице России городов — Тула, Калуга, Вязьма, Ржев, Тверь.

Эффективность намеченных действий в первую очередь зависела от наличия достаточно многочисленной кавалерии, но в данном регионе ее не было, и поэтому «главную основу успеха пришлось строить на самом широком развитии партизанских действий» местного населения. По мнению В.Н. Егорьева, деятельность партизанских отрядов в совокупности с хорошо подготовленным всеобщим восстанием на оккупированной немцами территории могла бы настолько задержать продвижение немцев, что это дало бы возможность подготовить внутри страны мощный отпор врагу².

Надо сказать, что данная точка зрения не была принципиально новой. Так, еще 12 февраля Военная коллегия Наркомвоена решила «в случае наступления германцев вооружить поголовно все население Республики для оказания отпора и организовать отряды»³. Двумя неделями позже Петроградский отдел формирования и обучения Красной Армии разослал всем советам прифронтовой полосы циркулярную телеграмму с предложением «энергично формировать сильные партизанские отряды советских Р.К. и С. депутатов»⁴.

Как же реагировало население прифронтовой полосы на создавшуюся тревожную обстановку? Одним из ответов на данный вопрос может служить отчет инструктора НКВД о поездке в Смоленскую губернию во второй половине февраля 1918 года. В докладе отмечалось, что среди крестьян наблюдается «желание всем вооружиться» и все больше крепнет «чувство собственной самозащиты»⁵. Приведенный пример убеждает в том, что разрабо-

танный В.Н. Егорьевым план борьбы с вероятным вражеским вторжением учитывал факторы реальной действительности, и альтернативы ему не было. 3 апреля этот план был утвержден военным советом Западного участка Завесы и вскоре по решению ВВС Республики стал претворяться в жизнь.

Прежде всего, «чтобы названные контингенты — крестьяне и пролетарии — были действительно способны выполнять ожидающуюся от них работу», требовалось обучить их военному делу и методам борьбы с врагом. Во-вторых, надо было создать в прифронтовой полосе органы, вокруг которых партизаны могли бы объединиться и начать «малую войну» с оккупантами. Для выполнения этих задач в каждой волости Западной области создавался специальный комитет. На первом же своем заседании он должен был избрать особого комиссара с двумя товарищами (заместителями) и обязательно тех, «кои останутся на местах с приближением противника».

Обязанности комиссара были довольно обширными. В так называемый подготовительный период все его внимание сосредоточивалось на двух моментах: организации регулярного обучения крестьян военному делу и иным важным аспектам подготовки восстания на оккупированной территории. Для решения первой задачи в каждой деревне из числа местных жителей назначался инструктор. Предпочтение отдавалось фронтвикам и лицам, окончившим учебную команду в старой армии. Все имевшееся у населения оружие бралось на строгий учет, а «на предмет обучения выделялось 5—6 винтовок». Все бывшие солдаты регистрировались «с разделением их по родам войск». Если среди зарегистрировавшихся оказывался опытный пулеметчик, его поочередно командировали во все деревни волости для обучения будущих партизан обращению с пулеметом.

КОНТРОЛЬ за боевой подготовкой крестьян осуществлялся на разных уровнях. Систематически и всесторонне проверялась работа деревенских инструкторов военного дела. Не менее двух раз в месяц устраивались волостные смотры «обучающимся и обученным для производства общих учений с тактической целью и проверки быстроты сбора». Наконец, для ознакомления с положением дел

на местах всю волость регулярно объезжал комиссар, раз в две недели информировавший уездный совет о результатах своих инспекционных поездок. К слову, в обязанности комиссара входила и непосредственная подготовка крестьянского восстания после захвата врагом данной местности. С этой целью на ее территории им намечались 2—3 штаб-квартиры, тайно устраивались склады оружия, строго конспиративным путем подбирались и готовились кадры командиров, решительно пресекались любые попытки ведения прогерманской агитации и предпринимались «меры для расправы» в будущем с изменниками (в чем конкретно состояли эти меры, установить так и не удалось).

При наступлении немцев комиссару полагалось немедленно проинформировать об этом уездный совет, подать сигнал к восстанию и взять на себя руководство наиболее важными действиями партизан. Помимо этого он был обязан принудить «население силой к отказу противнику в поставке жизненных средств», а также начать творить «именем Республики суд и расправу с предателями, шпионами» и лицами, «благоприятствующими» оккупантам.

Подготовке на местах повстанческого движения пристальное внимание уделяли уездные советы. В штате каждого из них находился специальный инструктор, непосредственно ведавший этим делом. В частности, он заботился о секретном снабжении волостей оружием и боеприпасами, намечал партизанам боевые задачи, обеспечивал волостных комиссаров агитационной литературой, принимал меры для создания резервного склада продовольствия (по приблизительному расчету всех добровольцев уезда на 10 дней), по плану горсовета организовывал военное обучение «городских пролетариев», не менее двух раз в неделю информировал руководство Смоленского района обороны о ходе подготовки восстания. В случае начала агрессии данный «военспец» и несколько заранее намеченных членов уездного совета обязаны были сразу же возглавить борьбу повстанцев с оккупантами в своей местности.

«В высшем порядке» за подготовку восстания, формирование и боевую учебу будущих партизан в районе обороны отвечал его штаб. При нем имелась осо-

бая инспекция, занимавшаяся общим руководством всем этим многогранным процессом. Помимо решения вопросов чисто военного характера инспекция организовывала издание соответствующей агитационной литературы. К примеру: «Памятка крестьянину занятой немцами земли», «Очерки быта и утеснения селян в районах немецкого нашествия», «Рассказы о действиях партизан в 1812 году» и т.д. Кроме того, в деревни и села посылались агитаторы для устройства митингов и сходов, среди населения распространялись листовки и воззвания, призывавшие готовиться к борьбе с врагом. В случае его наступления члены инспекционной коллегии (она состояла из трех человек) должны были осуществлять надежную связь повстанцев данной местности с эвакуированным в ближайший тыл штабом всего района⁶.

АНАЛИЗ архивных материалов позволяет сделать вывод, что подготовка «повстанческого движения»⁷ в регионе проходила достаточно успешно. Одним из доказательств этого является сводка штаба Московского военного округа за апрель 1918 года, согласно которой только в одном Сычевском уезде в это время испытывалась острая «нужда в 15 тысячах винтовок для партизанских отрядов»⁸. Часть созданных на местах отрядов по решению исполкома советов солдатских депутатов направлялась в Смоленск, ставший «базой для борьбы с контрреволюцией за советскую власть»⁹. К примеру, на 10 мая 1918 года в городе находились 1066 партизан или, как их тогда называли, «особых добровольцев». Отсюда они направлялись на охрану демаркационной линии или на подавление контрреволюционных мятежей в прифронтовой полосе.

В начале июня военный руководитель Рославльской группы Угрюмов сообщал, что на Западном участке действуют пять партизанских отрядов, из них четыре имеют численность от 100 до 200 и один — 30 человек. «При всяком удобном случае, — отмечалось в донесении, — они выделяют из своей среды мелкие отряды, которые, войдя в тыл противнику, или сами, или совместно с крестьянами наносят возможный ущерб: портят мосты, нападают на обозы, поджигают склады, выясняют, где и какие части противника стоят»¹⁰.

Как выяснилось, формирова-

ние партизанских отрядов велось и в самом Смоленске. К примеру, 19 мая состоялось организационное собрание бывших моряков, проживавших как в городе, так «и вблизи расположенных к нему окрестностей». К середине июня численность данного отряда достигла ста человек. Под командованием Ф.И. Голендера они охраняли переправы через Днепр и несли караульную службу в зоне дорог, шедших от демаркационной линии. Помимо этого морякам неоднократно приходилось выезжать в различные уезды Западной области «для поддержания советской власти»¹¹. Документы свидетельствуют, что на ее территории велось и доукомплектование боевых дружин, прибывавших для укрепления дальних подступов к столице. Например, Первого и Второго Московских партизанских отрядов, Первого Петроградского, Молодеченского, Первого Ростовского и ряда других¹².

Как уже отмечалось, одним из элементов процесса подготовки народной войны против возможной германской агрессии было создание на местах «тайных схронов» с запасами оружия и боеприпасов для будущих повстанцев. Выявленные факты убеждают, что данное решение штаба Западного участка обороны не осталось только на бумаге. Так, в тайниках Краснинского уездного совета имелись три пулемета «максим» и 894 винтовки¹³, на военном складе Сычевского совета хранились 500 гранат, 6 пулеметов и три пуда динамита¹⁴. Определенными «резервами вооружения» располагали и многие волостные советы. Чаще всего это были винтовки (нередко — до нескольких десятков)¹⁵.

В НАЧАЛЕ мая 1918 года по приказу Высшего военного совета организация крестьянского восстания в прилегающих к демаркационной линии местностях была прекращена, и было «приступлено к созданию армии путем переформирования и добровольческой вербовки»¹⁶. Однако из-за острого продовольственного кризиса осуществить эти планы не удалось. Кроме этого, сплошь и рядом новобранцы по своим моральным и иным качествам «не удовлетворяли требуемому назначению». В итоге вся работа по созданию армейских частей свелась к нулю.

По этой причине 29 мая от ВВС Республики поступило рас-

поряжение о разделении всех отрядов Завесы на 3 категории: непригодных, малопригодных и пригодных (последние планировалось оставить в местах прежней дислокации). Увы, эта мера ожидаемого результата не принесла, так как продовольственный кризис заставлял солдат все чаще заниматься мародерством, что приводило к росту недовольства населения¹⁷. В итоге военный совет Западного участка Завесы в июне обратился к высшему военному руководству страны с настоятельным предложением вернуться к идее подготовки в прифронтовой полосе широкого партизанского движения. Как центр прореагировал на это предложение, осталось невыясненным, но косвенные данные убеждают в том, что оно было принято во внимание. Подтверждением этого может служить поступившая 18 августа в Наркомвоеночередная сводка о моральном состоянии войск и населения в Западной области. Согласно донесению их настрой благоприятствовал «организации крестьянского восстания в случае продвижения немцев»¹⁸.

ЛЕТОМ 1918 года РККА вела на Восточном фронте тяжелые бои с мятежным чехословацким корпусом. В выполнении понесенных ею потерь активное участие приняли и войска Завесы, с территории которой на восток посылались как красноармейские части, так и партизанские отряды. Например, в конце июля из Рославля были отправлены «отряды матросов Кутузова, Бружиса, Горджинцева и Миллионщикова»¹⁹. 11 августа Наркомвоен приказал снять с Завесы «все боеготовое» и оставить лишь кордон для несения пограничной службы. В сентябре немецкие дивизии начали отход на линию Барановичских позиций, и Завеса фактически перестала существовать. В ноябре она была окончательно расформирована, и остатки ее воинского контингента были частью отправлены на Восточный фронт, а частью переданы Московскому и Орловскому военным округам. В итоге естественным образом отпала необходимость в организации партизанских отрядов на случай вторжения в регион германских войск. Закрылась еще одна страница в истории борьбы Советской России за право на самостоятельную жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; *В.И. Петров*. Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 150.

² РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 59. Л. 84, 84 об.

³ Известия Смоленского Совета. 1918. 15 февраля. № 25(53).

⁴ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 134. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 3. Д. 362. Л. 78; Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 653. Оп. 12. Д. 48. Л. 135.

⁶ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 59. Л. 86, 87. Там же. Л. 88.

⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 49.

⁹ Известия Смоленского Совета. 1918. 22 февраля. № 31(59); Рабочий путь (Смоленск). 1922. 23 февраля. № 41.

¹⁰ РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 82; Ф. 488. Оп. 1. Д. 114. Л. 13; Д. 26. Л. 41; ГАСО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 332. Л. 25; Рабочий путь (Смоленск). 1922. 23 февраля. № 41.

¹¹ Известия Смоленского Совета. 1918. 18 мая. № 95; ГАСО. Ф. 134. Оп. 1. Д. 97. Л. 15; Д. 29. Л. 829; Д. 19. Л. 211; Ф. 1836. Оп. 1. Д. 9. Л. 51; Ф. 46. Оп. 2. Д. 36. Л. 17; Оп. 1. Д. 4а. Л. 20, 87; Ф. 1478. Оп. 1. Д. 13. Л. 5, 6; Д. 59. Л. 315, 316; Центр документации новейшей истории Смоленской области (ЦДНИСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 82; РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 158. Л. 178а.

¹² Известия Смоленского Совета. 1918. 25 апреля. № 80; ГАСО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Оп. 2. Д. 36. Л. 1; Ф. 1836. Оп. 1. Д. 9. Л. 54; Ф. 1478. Оп. 1. Д. 44. Л. 16; Ф. 161. Оп. 1. Д. 513. Л. 207; РГВА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 86. Л. 335; Д. 154. Л. 64; Ф. 25883. Оп. 1. Д. 267. Л. 219, 220; Ф. 11. Оп. 5. Д. 971. Л. 100.

¹³ РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 203. Л. 145.

¹⁴ Там же. Л. 49.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 372. Л. 300 об.; Д. 370. Л. 202 об.; Д. 386. Л. 356 об., 366 об.; Д. 371. Л. 65 об., 69 об., 78 об.

¹⁶ РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 59. Л. 84 об.; Д. 50. Л. 69.

¹⁷ Там же. Л. 69.

¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 47. Л. 68.

¹⁹ *В.Н. Егорьев*. Из жизни Западной Завесы: Этапы большого пути. М., 1962. С. 149; РГВА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 147. Л. 106.

Е.А. СИКОРСКИЙ,
доктор исторических наук,
профессор
(г. Смоленск)

«ЛАТЫШСКОЕ ДЕЛО»

Нюансы раскрытия «заговора послов»

Вполне определенно можно утверждать, что ни у нас в стране, ни за ее рубежами нет более полно описанных в научной и публицистической литературе чекистских операций, чем так называемое дело Локкарта и операция «Трест». По материалам последней даже снят известный телефильм. За исключением некоторых нюансов, до сих пор по ряду обстоятельств хранящихся в секрете, статьи, книги и телеверсия о «Тресте» соответствуют действительности. А вот с «делом Локкарта» или, как его еще называют, «заговором послов» с точки зрения соответствия его описаний реально происходившим летом и осенью 1918 года событиям далеко не все так благополучно, хотя именно оно наряду с покушением на В.И. Ленина явилось толчком к развязыванию красного террора, унесшего жизни многих сотен безвинных людей.

НАПОМНИМ кратко суть происходивших событий. Локкарт Роберт Гамильтон Брюс (1887—1970) — английский дипломат, журналист, в России находился с 1912 года. В 1918 году являлся главой английской миссии при Совнаркоме, в 1939—1940 гг. был одним из руководителей английской политической разведки, а в 1941—1945 гг. — директором Комитета по делам политической войны, ведавшего вопросами пропаганды и разведки. Летом 1918 года Р. Локкарт совместно с французским послом Ж. Нулансом и послом США Д. Фрэнсисом организовал в Петрограде заговор с целью свержения новой власти, в котором участвовали также морской аташе Ф. Кроми, лейтенант разведслужбы С. Рейли (Великобритания); генеральный консул Гренар, глава военной миссии Лавернь, капитан разведслужбы А. Вертимон (Франция); генеральный консул Д. Пуль и резидент К. Каламатиано (США). При содействии и денежной поддержке этих посольств в России возникли контрреволюционные организации, готовились мятежи, велась враждебная новой власти агитация в войсках Красной Армии. 31 августа — 1 сентября 1918 года ВЧК ликвидировала «заговор послов», в октябре его организатор Локкарт был выслан, Нуланс покинул страну, другие участники понесли серьезные наказания.

Однако сегодня при внимательном изучении советской исторической литературы, исследований

Брюс Р.Г. Локкарт
Малайя, 1917 г.

зарубежных ученых, архивных данных по «делу Локкарта» возникают вопросы, ответив на которые, мы сможем более объективно взглянуть на те события. К примеру, почему обзор, подготовленный главным разработчиком «дела Локкарта» зампредом Всероссийской чрезвычайной комиссии Я.Х. Петерсом, не был занесен в «Красную книгу ВЧК»? Изданная в 1922 году, она содержала описание всех крупных операций чекистов за четыре года, большое количество документов, протоколов допросов арестованных шпионов и белогвардейской подпольщиков, а вот материалов по Локкарту в ней не оказалось. Прокомментировать это мне не смог даже видный историк органов безопасно-

сти профессор А.С. Велидов, подготовивший второе издание ставшей раритетом книги¹. Видимо, выработанная годами внутренняя самоцензура не позволила ему покуситься на ранее утвержденные партийными инстанциями истины. А суть в том, что в широко известном у нас «заговоре послов» зримо прослеживается «латышский след», что ранее тщательно скрывалось.

Резонный вопрос — почему латышский? Во-первых, наиболее боеспособными в Красной Армии к лету 1918 года являлись латышские части. Они же составляли опору большевистского правительства в Москве, несли охрану Кремля. Откажи они в поддержке новой российской власти, и ее будущее оказалось бы под большим вопросом. Вот почему подпольные контрреволюционные организации, дипломатические и военные представители бывших союзников России по антигерманской коалиции и даже германское посольство в Москве делали все возможное для перетягивания латышей на свою сторону. Во-вторых, со стороны ВЧК дело курировал и лично задумывал ряд мероприятий латыш по национальности Яков Петерс. Его агенты, подведенные к главе английской миссии Р. Локкарту и военно-морскому аташе Великобритании капитану Ф. Кроми, также были латышами. В-третьих, и это ранее не отмечалось в литературе, серьезную помощь Петерсу, пусть и под нажимом, оказал один из бывших командиров латышских частей старой армии, состоявший членом нелегального «Союза защиты Родины и свободы», руководимого эсером Борисом Савинковым. Кстати, последнее обстоятельство скорее всего и было в числе причин искажения реальной картины «латышского дела» со стороны как советских, так и иностранных исследователей.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ историки многие годы исходили из утверждения, что существовали будто бы только красные латышские стрелки, которые искренне боролись за власть сове-

тов, и других помыслов у них не возникало. Формировался образ некоей «преторианской гвардии» новой российской власти. За рубежом, в свою очередь, не хотели афишировать контакты антантовских дипломатических сотрудников с российским контрреволюционным подпольем, в том числе и группами латышей, включенных в борьбу с большевистским режимом. А подобных групп было немало. Достаточно указать на офицеров бывших латышских полков (более сотни человек), организовавшихся в Петрограде для защиты Учредительного собрания², с которым они связывали надежды на свободную Латвию, где оставались их родные и близкие. Оккупацию Латвии немцами они приписывали большевикам, рассматривая их пособниками врага.

Во второй половине декабря 1917 года из Петрограда в Москву прибыли несколько десятков латышей-офицеров. Все они имели необходимые документы, удостоверяющие факт их демобилизации из старой армии по болезни, ранениям, предельному возрасту нахождения на военной службе и т.д. Никого из представителей новой власти они не интересовали и поэтому смогли быстро раствориться в огромной массе бывших фронтовиков, заполонивших город в этот период. На самом же деле латыши, сражавшиеся против немцев в составе сформированных А.Ф. Керенским ударных батальонов, не намеревались заниматься лечением или решением своих бытовых вопросов. Объединенные идеей свержения власти «германских агентов», т.е. большевиков, они составили костяк одной из наиболее дееспособных подпольных контрреволюционных организаций. Возглавил ее кадровый военный, бывший командир 1-го латышского стрелкового полка полковник Фридрих Андреевич Бреде (Бредис), исключительно авторитетный среди земляков. С первых дней войны он в действующей армии, несколько раз ранен в боях, Георгиевский кавалер³. Подчиненные повиновались ему беспрекословно.

Ближайшим помощником Бредиса на фронте и теперь в Москве являлся подполковник А.И. Эрдман — не менее колоритная фигура, чем сам руководитель организации. В 1905 году он примкнул к латышской анархистской группе, подвергался репрессиям со стороны царских властей, несколько лет провел в эмиграции в Австралии и Северной Америке. С началом Первой мировой войны вернулся в Россию и добровольно вступил в ряды армии. Все время

воевал в передовых частях. Слыл участником многих штыковых атак, пятнадцать раз ранен. В период правления Временного правительства организовывал заградительные отряды, а затем ударные батальоны, использовавшиеся в самых критических точках разваливавшегося фронта⁴.

Нуждавшийся в финансовой поддержке своей организации Бредис согласился на контакт с Б.В. Савинковым, имевшим связи с военными и дипломатическими представителями Франции, которые стали снабжать его крупными суммами для антибольшевистской работы. Однако при этом организация латышей фактически осталась самостоятельной, хотя Бредис принял непосредственное участие в создании «Союза защиты Родины и свободы», возглавив в его штабе отдел разведки и контрразведки, а также работу по антибольшевистской пропаганде в латышских частях⁵.

Случайным этот факт не назывешь. Латыши заняли многие ответственные должности в советских учреждениях, включая аппараты Совнаркома, ВЦИКа, военные штабы и даже Всероссийскую ЧК. Многие секреты стали для них доступны. Люди Бредиса сохранили с некоторыми «выдвиженцами» новой власти отношения на основе землячества и фронтовой дружбы, используя это в целях добывания необходимой подпольщикам и их иностранным спонсорам информации.

Что касается Эрдмана, то он, объявив себя идейным анархистом, недавно возвратившимся из США и желающим активно сотрудничать с РКП(б), под псевдонимом Бирзе встретился, а затем и втерся в доверие к своему земляку коменданту Москвы Я.Я. Пече и с его рекомендательным письмом вскоре появился у председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. Последний не мог не принять Бирзе, поскольку тот обладал важной информацией о том, что бывший подполковник царской армии, а теперь один из видных красных командиров Муравьев ищет связи с анархистами для борьбы против большевиков⁶. Увидев старания Бирзе на поприще борьбы с контрреволюцией в военной среде, Дзержинский направил его на работу в отделение военного контроля (орган военной контрразведки) Оперативного отдела Народного комиссариата по военным делам (Оперода Наркомвоенна)⁷, который подчинялся непосредственно Л.Д. Троцкому, а возглавлял его бывший анархист, а затем большевик прапорщик С.И. Аралов.

ТОЛКОВЫХ сотрудников в отделе у Семена Аралова было немного, и «старый революционер» пришелся там ко двору. На штатную должность первоначально его не определили, но, по словам самого Эрдмана, он фактически являлся «политическим вождем отдела»⁸. Работая под оперативным псевдонимом Бирзе, бывший подполковник стал организатором агентурной разведки в оккупированных германскими войсками областях Прибалтики, Белоруссии и Украины, а на советской территории либо самостоятельно, либо по поручениям начальника отдела проводил контрразведывательные мероприятия по немецкой линии⁹.

Пользуясь полной бесконтрольностью, товарищ Бирзе привлек к сотрудничеству в качестве негласного резидента латыша Фаббе, а в действительности своего друга и начальника Фридриха Бредиса. Таким образом, заведующий савинковской разведкой получил соответствующий мандат за подписью Аралова, возможность командировок по стране и использования телеграфных линий связи. Не приходится говорить, что все это значило для «Союза защиты Родины и свободы».

Как утверждал позднее Эрдман в своем письме Дзержинскому, работали они с Бредисом против немцев довольно добросовестно¹⁰. Странного здесь ничего нет. Интересы финансировавшегося антантовскими представителями савинковского «Союза» и большевистских спецслужб на определенном этапе совпадали, поскольку весной и летом 1918 года Германия продолжала оставаться реальным и еще довольно сильным противником Советской России, Англии и Франции в продолжавшейся мировой войне.

Не без влияния Бирзе отделение военного контроля Оперода комплектовалось почти исключительно из бывших унтер-офицеров и солдат латышских частей старой русской армии¹¹.

Военконтролю потребовалась своя агентура для противодействия вражеским устремлениям, поскольку немецкое посольство проявило повышенный интерес к красным латышским стрелкам, и прежде всего к частям, дислоцированным в Москве и привлеченным к охране кремлевской резиденции советского правительства¹². Одним из таких агентов у резидента Фаббе, вероятно, и являлся командир артиллерийского дивизиона капитан Э.П. Берзин, сыгравший позднее одну из ключевых ролей в раскрытии «заговора послов».

БИОГРАФИЮ Берзина можно без труда найти в энциклопедиях, справочниках и примечаниях в книгах по истории органов госбезопасности. Однако советских историков привлекали в основном факты из послереволюционной жизни Берзина, когда он трудился в ВЧК, руководил крупными промышленными объектами на Дальнем Востоке.

Нас же интересует другое. Как рассказывал сам Берзин, после окончания реального училища он уезжает в Германию и живет несколько лет в Берлине. По завершении образования в художественном училище и в связи с началом Первой мировой войны юноше пришлось возвратиться в Россию. Незамедлительно последовал призыв в армию, и «художник-маляр» оказался в школе прапорщиков. С 1915 года Берзин на фронте. Узнав о формировании национальных частей, настаивает на переводе по службе и зачисляется в 1-й латышский полк, командиром которого, как мы уже упомянули, являлся Бредис. С этого времени и началось их знакомство. Они много раз встречаются уже в Москве в 1918 году¹³. На квартире бывшего полковника, а теперь негласного резидента советской военной контрразведки обсуждаются вопросы выявления и ликвидации шпионских усилий дипломатических и иных представительств кайзеровской Германии в Петрограде и в новой большевистской столице. Немцы раньше союзников смекнули, что необходимые контакты с латышами для их нейтрализации, а если удастся, и привлечения на свою сторону. Они знали о колебаниях среди стрелков и не хотели допустить влияния левых эсеров, сторонников продолжения войны, на наиболее подготовленные в боевом отношении латышские части. В этом их интересы совпадали с ленинской линией на поддержание мирной передышки. Латыши в свою очередь зондировали возможность возвращения на родину, оккупированную германскими войсками, и получения гарантий безопасности¹⁴. Возможно, защитники русской революции намечались затем поднять восстание в тылу врага и тем самым облегчить положение молодой Советской республики. Предполагим, именно так оно и было, поскольку контакты с немцами имел лично командир Латышской стрелковой дивизии И.И. Вацетис, впоследствии главнокомандующий Красной Армией¹⁵. Именно он сыграл ключевую роль в подавлении июльского левоэсеровского восстания в Москве, и немцы, безусловно, име-

ли информацию на сей счет.

Выяснить существо конфиденциальных бесед Вацетиса, а возможно и других лиц, действовавших по его поручениям, с представителями германского посольства и были обязаны военная контрразведка и ВЧК. На роль осведомителя по данному делу идеально подходил именно Берзин. Как командир артиллерийского дивизиона, он непосредственно подчинялся Вацетису и каждый день встречался с последним. Кроме того, от природы наделенный некими артистическими способностями, он умел быстро завоевывать доверие собеседников¹⁶. Не будем забывать и другое немаловажное обстоятельство: обучаясь в Германии, Берзин в совершенстве владел немецким языком. Надо полагать, все это вместе взятое и побудило советско-савинковского контрразведчика Бредиса привлечь своего фронтowego знакомого к участию в операциях против немецкой разведки.

Зная о тесных связях савинковцев с французами и американцами, резонно утверждать, что Бредис свел с ними и Берзина. Забегая несколько вперед, отметим, что Сидней Рейли в своих записках привел следующие данные о Берзине: «Берзин был солдатом и джентльменом, заклятым врагом Германии и коммунизма...Берзин пришел ко мне с рекомендацией. Он уже работал в разведке союзников с французом Вертамоном [Вертимон] и американцем греческого происхождения Каламатиа-но»¹⁷. Кстати, переданный на связь Сиднею Рейли бывший полковник Александр Фриде¹⁸ был тоже латыш по национальности.

Союзники не только сами вели тайную работу по немецкой линии на территории России, но в целом ряде случаев пользовались поддержкой и информацией спецслужб Красной Армии. Эрдман (Бирзе) отмечал в своих воспоминаниях о ситуации весной и в начале лета 1918 года: «Тогда еще англичане и другие из Антанты захаживали туда (в отделение военного контроля Оперода НКвоена. — **А.З.**) слить сведения»¹⁹.

В СОВЕТСКОЙ историографии многие годы тема сотрудничества большевистских военных структур с бывшими союзниками России в годы Первой мировой войны осталась, по известным обстоятельствам, малоисследованной. Чего уж говорить о контактах в сфере тайной деятельности. Ради справедливости скажем: в сотрудничестве с «капиталистами» нельзя заподозрить только Всероссийскую ЧК. Чекисты позднее припомнили связи с англичанами и фран-

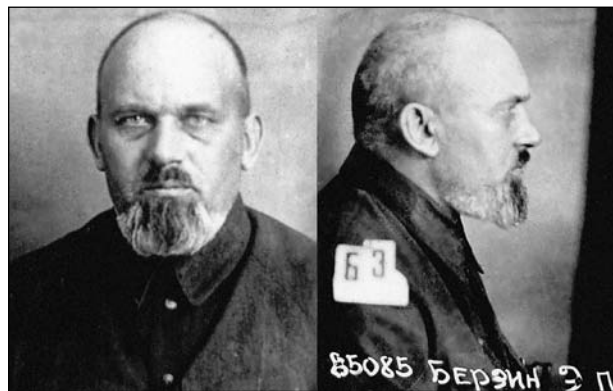
цузами своим партнерам по разведсообществу — отдельным работникам военного контроля Реввоенсовета и Регистрационной службы Всероссийского главного штаба (создан 8 мая 1918 г.). Оснований для беспокойства у подчиненных Феликса Дзержинского имелось более чем достаточно. К примеру, руководитель Регслужбы бывший полковник А.В. Станиславский за сотрудничество с французской разведкой удостоился ордена Почетного легиона. Читатель уже знает и о проникновении савинковцев Бредиса и Эрдмана в аппарат военной контрразведки Л.Д. Троцкого.

Но в первое время советские спецслужбы недостаточно внимания обращали на широко разветвленные агентурные сети союзников. Такое положение сохранилось вплоть до высадки интервенционистского десанта на Севере в начале августа 1918 года. Тысяча двести английских солдат заняли Архангельск и некоторые другие районы. Над Страной Советов нависла новая опасность. Предполагалось, что британцы могут двинуться на соединение с восставшим чехословацким корпусом и формировавшимися за Уралом белогвардейскими частями.

К этому времени чекистам удалось арестовать и идентифицировать резидента отделения военного контроля Фаббе как заведующего разведкой и контрразведкой «Союза защиты Родины и свободы» полковника Бредиса.

Еще в конце мая 1918 года ВЧК смогла (не без помощи немецкой разведки) арестовать около ста (в подавляющем большинстве рядовых) членов савинковской организации. На основании их показаний руководителем операции Яков Петерс получил выход на двух сотрудников Бредиса, бывших офицеров латышских полков капитанов К.П. Рубиса и А.А. Пинку. Последний под напором следователей не выдержал и раскрыл имена членов штаба «Союза», в том числе и Бредиса. Однако агента Эрдмана (Бирзе) из числа сотрудников Лубянки сработала на опережение, что позволило савинковцам принять дополнительные меры по усилению конспирации и избежать жестких допросов в чекистских кабинетах.

КАК СТАЛО известно руководству ВЧК, Бредис руководил 6 июля 1918 года восстанием в Рыбинске и даже был задержан местными военными властями. Однако свою роль сыграли его документы прикрытия, официально выданные в Военном контроле и подписанные начальником оперативного отдела С.И. Араловым. Получив сигнал об опасности, уг-

▲ Э.П. Берзин
1937 г.

◀ Э.П. Берзин
1918 г.

◀ **Первая оперативно-агентурная группа ВЧК «три Яна»:**
Ян Спрогис (слева), Ян Авотин (справа) и Ян Буйкис (в центре)
1918 г.

Фото из семейного архива Я. АВОТИНА

баху. По тактическим соображениям следовало продемонстрировать немцам смену вектора приложения усилий советских спецслужб, и прежде всего Всероссийской ЧК, предотвратить тем самым возможные боестолкновения с германскими войсками, готовыми отомстить за своего высокопоставленного дипломата. И сделать это должен был Я.Х. Петерс, который в период эмиграции был членом Британской социалистической партии и пострадал от британских властей²³.

Теперь мы вплотную подошли к зарождению ситуации, которая позднее была представлена как спланированная чекистская операция по компрометации Локкарта.

Бредис глубоко переживал провал восстаний в Ярославле, Муроме, Рыбинске, организованных савинковцами, понимая, что англичане не выполнили своих обещаний: не высадили к намеченной дате многотысячный десант, а следовательно, обрекли восставших на неминуемое поражение²⁴ — единой и достаточно мощной подпольной противобольшевистской организации больше не существовало. Но, с другой стороны, и положение большевиков также осложнилось ввиду расширения масштабов военной интервенции союзников, усиления Белого движения на юге. На этом фоне Петерс, очевидно, и подбросил подследственному Бредису идею о необходимости спасения своих соотечественников, по разным причинам оказавшихся на службе у советского правительства. Кстати, сидя уже сам в ежовских застенках, он признался, что реаль-

рожавшей Бредису, Эрдман направил в Рыбинск срочную телеграмму от имени Л.Д. Троцкого с предписанием немедленно освободить задержанного²⁰.

Полковник благополучно возвратился в Москву и, будучи уверенным в своей неприкосновенности, даже не сменил место проживания. Более того, дал адрес снимаемой им квартиры начальнику агентурной части Военного контроля латышу Варпе и зампреду ВЧК Петерсу²¹. Безрассудство, да и только. Однако давайте не торопиться с выводами, тем более что полковник обладал всеми необходимыми качествами конспиратора. Не будем обвинять в опрометчивости и самого Петерса, хотя он не стеснялся поведал читателям журнала «Огонек» в статье, посвященной десятой годовщине ВЧК, следующий эпизод из своей работы: летом 1918 года, допрашивая Бредиса, он уснул, оставив на столе заряженный револьвер. Вместе с ним мирно спал до утра и подследственный²². Каково? Невероятно, но факт. Правда, в 60—80-х годах XX века советские историки и издатели при

многочисленных перепечатках регулярно вымарывали из первоначального текста воспоминаний Петерса данный пассаж.

Надо отметить, что Бредис на допросах держался стойко, до конца отрицал свою принадлежность к «Союзу защиты Родины и свободы», не рассказал и о связях с французскими разведчиками. Он не мог лишь отрицать очевидного — свою работу с Эрдманом (Бирзе), поскольку об этом знало руководство военной контрразведки. Скорее всего, он поддался лишь на одну уловку Петерса, своего земляка, говорившего с ним на родном латышском языке. О чем идет речь, расскажем чуть позже, а пока напомним одно немаловажное обстоятельство: после подавления восстания левых эсеров и до 25 августа 1918 года Петерс занимал пост председателя ВЧК вместо подавшего в отставку Дзержинского. Вся оперативная работа перешла в его руки.

По мнению партийной верхушки, Петерс являлся единственным из руководящего ядра ВЧК, не замешанным в деле покушения на германского посла графа В. Мир-

Я.Я. Буйкис
1918 г.

Ф.А. Бредис
1917 г.

Локкарт
1918 г.

М.И. Закревская-Будберг-Бенкендорф (Мура)
1918 г.

но поддерживал национальные идеи, включая создание независимого латышского государства. Короче говоря, Петерс нашел понимание у Бредиса. Поэтому он и мог спокойно уснуть на допросе.

План вырисовывался достаточно четко. Бредис дает чекистам выход на свою латышскую группу в Петрограде, связанную с британским военно-морским атташе капитаном 2 ранга Френсисом Кроми и подготовленную для участия во взрыве боевых кораблей в случае угрозы захвата их немцами. В свою очередь английский разведчик обеспечивает связь посланцев из Москвы с командующим оккупационными войсками генералом Пулем. Затем противостоящие англичанам на Севере латышские части сдаются интервентам под гарантии безопасности. Антанта признает самостоятельность Латвии, и военнопленные убывают на родину.

Такой план устроил националиста Бредиса. Для реализации замысла он предложил своего агента Берзина, а от чекистов Петерс выделил одного из комиссаров отдела по борьбе с контрреволюцией, тоже латыша по национальности.

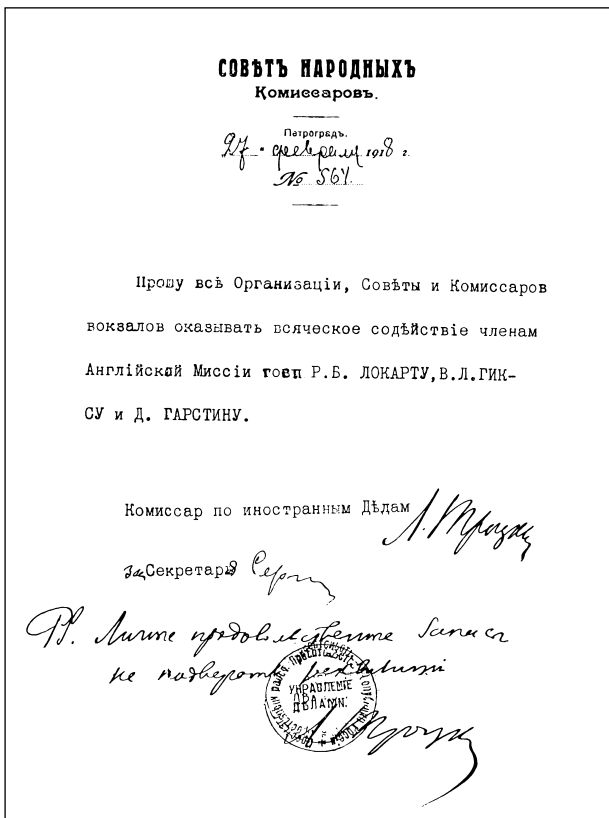
ЗДЕСЬ следует ввести в наше исследование материалы полковника КГБ СССР В.Ф. Кравченко, в 60-е годы XX века возглавлявшего пресс-бюро этого ведомства. Именно он первым раскрыл имя человека, который скрывался под псевдонимом Шмидхен. То был, по версии Кравченко, молодой чекист Я.Я. Буйкис²⁵. Вслед за сенсационной, но опубликованной первоначально только в совершенно секретном внутриведомственном журнале КГБ статьей появилась и книга Кравченко с более полной, но в целом ряде важных деталей отличной от первой публикации версией²⁶. В частности, автор описал

беседы Буйкиса с «многоопытным» начальником контрразведки ВЧК, подкашавшим якобы, как лучше внедриться в белогвардейское подполье в Петрограде и установить контакт с представителями Антанты. Однако результаты приведенного мною исследования, основанного исключительно на материалах Центрального оперативного архива ФСБ России, позволяют сделать вывод, что никакого контрразведывательного подразделения в 1918 году в ВЧК не существовало. Правда, Ф.Э. Дзержинский предпринял две попытки организовать контрразведку. Одна — это создание соответствующего бюро под руководством бывшего резидента царской военной контрразведки Константина Шевары. Данное бюро просуществовало лишь три месяца и после убийства анархистствующими матросами его начальника прекратило существование за несколько месяцев до «дела Локкарта». Вторая попытка, относящаяся к началу лета 1918 года, завершилась созданием отделения по

борьбе с немецким шпионажем в составе отдела по борьбе с контрреволюцией ВЧК. Оно функционировало чуть более месяца, и, конечно же, его начальник левый эсер Я.Г. Блюмкин никак не тянул на титул «опытного контрразведчика» в свои двадцать лет и с пятидневным опытом работы на Лубянке.

Если бы в нашем распоряжении оказалась аудиозапись беседы Кравченко с Буйкисом, она расставила бы многие точки над «i». К сожалению, она не сохранилась, и мы, основываясь на совокупности косвенных доказательств, изложим свою версию.

**Мандат,
выданный
Локкарту, Гиксу
и Гарстину
27.02.1918 года
Л.Д. Троцким**

▲ Капитан королевского флота Фрэнсис Кромби, военно-морской атташе Великобритании в Петрограде (погиб в 1918 г. при защите английского посольства)

▲ Агент МИ-6 («СИС») «St-1» Сидней Рейли
Начало 1920-х годов

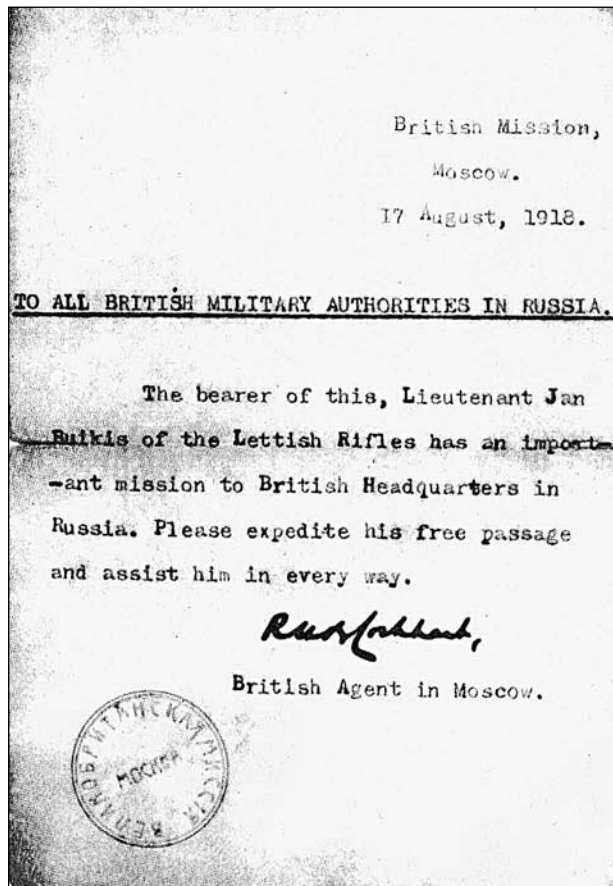
▼ Перевод документа

*Британская миссия,
Москва,
17 августа, 1918.*

Всем британским властям в России

Предъявитель сего, лейтенант Ян Буйкис из латышских стрелков, имеет важное поручение от британской штаб-квартиры в России. Просьба обеспечить ему свободный проход и оказывать всемерное содействие.

ЛОККАРТ.
БРИТАНСКИЙ АГЕНТ В МОСКВЕ.

Документ, выданный «лейтенанту Яну Буйкису» британским агентом в Москве Локкартом 17 августа 1918 года

Буйкис, вероятно, рассказывал о полковнике Бредисе, послужившем в некотором роде прототипом опытного контрразведчика, который мог дать ему и выход на Ф. Кромби. Более того, сначала я рассматривал поездку Бредиса вместе со Шмидхеном в Петроград с целью завязывания чекистами контакта с Кромби как вполне вероятный факт, поскольку спутник Шмидхена фигурировал под фамилией Бредис. Но дальнейшие поиски дали основу новому варианту. В фонде Ф.Э. Дзержинского, хранящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), удалось найти подлинные доклады и письма председателя ВЧК от некоего Штегельмана. Выяснилось, что под таким псевдонимом работал секретный сотрудник Энгельгардт²⁷. Выходец из известной аристократической семьи, уроженец Риги (!), он был арестован ВЧК еще в декабре 1917 года и перевезен в Москву вместе с некоторыми другими подозреваемыми в крупных спекулятивных сделках лицами. Как вспоминала жена Энгельгардта,

он «заинтересовал Дзержинского, был освобожден и поступил в ВЧК»²⁸. Факты его плодотворной работы как тайного информатора приводит в своих мемуарных записках один из комиссаров отдела по борьбе с контрреволюцией Ян Авотин²⁹, утверждая, что Энгельгардт и был тем человеком, который вместе с Буйкисом и Я.Я. Спрогисом отправился в Петроград якобы с целью внедрения в монархические круги и негласного расследования по фактам контрабанды золота в Финляндию³⁰. Однако из докладной записки Энгельгардта на имя Дзержинского ясно, что перед ним была поставлена задача по «ликвидации англо-французов»³¹.

Таким образом, можно констатировать следующее:

1) об участии Кромби в подрывной деятельности против советской власти чекисты узнали от Бредиса;

2) выход на Кромби чекисты получили с помощью Бредиса и Энгельгардта. Вероятно, именно Энгельгардта, а не молодых чекистов Спрогиса и Буйкиса Петерс снабдил рекомендательным письмом

Бредиса к Кромби. Известному в Петрограде аристократу Энгельгардту англичанин мог поверить скорее, чем молодым латышам, неизвестно откуда появившимся;

3) Энгельгардт был полностью посвящен в тайные замыслы Петерса и участвовал в операции наравне с Эдуардом Берзиным.

На заключительной фазе операции Петерс даже настаивал, чтобы вся группа (Берзин, Шмидхен и Энгельгардт) выступила на процессе над Локкартом в качестве обвиняемых³². Первоначально Энгельгардт отказался, но после ареста и некоторого времени пребывания в Бутырской тюрьме дал свое согласие. Однако по неизвестным пока причинам на заседании трибунала он не присутствовал, впрочем, так же, как и Шмидхен.

Ранее я уже упомянул об изысканиях полковника Кравченко, который утверждал, что чекист Буйкис — это и есть английский агент Шмидхен. Впервые усомниться в этом пришлось, ознакомившись с материалами Энгельгардта. Он, в частности, писал Дзержинскому из тюрьмы о ка-

Я.Х. Петерс,
зампред и член
коллегии ВЧК
1918 г.

М.М. Литвинов,
представитель
РСФСР в Лондоне,
арестованный
и обмененный на
Локкарта в 1918 году;
в 1921—1930 гг. —
зам. наркома,
в 1930—1939 гг. —
нарком иностран-
ных дел СССР

Л.Д. Троцкий
1918 г.

ком-то конфликте с участником операции чекистом Спрогисом. Ни о каком Буйкисе агент ВЧК вообще не вспоминал.

Далее. Прочитав разные варианты воспоминаний Буйкиса (записанных литераторами и историками), я нашел их достаточно общими, не детализированными. Это смущало. Не мог же он забыть, что сидел вместе с Локкартом в одном из помещений Кремля в сентябре 1918 года. Странным казался рассказ Буйкиса о дальнейшей судьбе своего друга Спрогиса — будто бы уехал он на Западный фронт и, вероятно, погиб. Никаких документов, подтверждающих факт откомандирования Спрогиса из ВЧК, в государственных архивах я не обнаружил. Подтвердилось лишь, что он на конец октября 1918 года еще работал на Лубянке в той же должности комиссара и вместе с Буйкисом проводил операцию по разоблачению хищений оружия на воинских складах.

Кроме всего прочего среди материалов фонда Ф.Э. Дзержинского были найдены ведомости расходов финансовых средств ВЧК на оперативные цели. Среди лиц, указанных в качестве получателей денег, фамилии Буйкиса также не оказалось. Зато неоднократно фигурируют Энгельгардт и Спрогис, причем наиболее крупные суммы выдавались именно последнему, а даты выплат находятся во временных рамках работы по «делу послов»³³.

ОТСЮДА направлялся вывод: под псевдонимом Шмидхен действовал комиссар ВЧК Ян Спрогис, а не Ян Буйкис. Точку в моих размышлениях на сей счет поставил Ян Авотин. Он в своих воспоминаниях однозначно подтверждает указанное выше. В пояснениях к запискам отца Альфред Янович Авотин сообщает о неоднократных попытках родителя восстановить истину, его беседах с полковником Кравченко и Яном Буйкисом. Однако те не за-

хотели менять уже запущенную в исторической литературе версию событий. Авотин хотя и не смирился с таким положением вещей, но и не стал дальше настаивать на необходимых опровержениях. Он, в частности, допускал, что Спрогис мог дать повод сомневаться в его личной лояльности чекистскому делу и в силу своего авантюрного характера даже совершить преступление против советской власти и за это понести наказание.

Мотивы реакции Кравченко на возражения Авотина тоже можно понять, ибо к тому были некоторые основания. В личном деле Яна Буйкиса имеется анкета, заполненная им в 1920 году, где после фамилии действительно написано: Шмидхен. И этот псевдоним еще раз указан в анкете конца 20-х годов³⁴.

Сомнительно, чтобы мы в данном случае столкнулись с фальсификацией. Скорее всего этот псевдоним Буйкис взял по указанию начальства, которое явно не хотело вспоминать о Спрогисе и его, возможно, двойственной роли при работе с Локкартом и английскими разведчиками. Судя по воспоминаниям Авотина, он отказался участвовать в судебном процессе в качестве обвиняемого, несмотря на требования заместителя председателя ВЧК³⁵.

Отношение Петерса к Спрогису могло еще более ужесточиться уже в ходе заседания трибунала, когда пятнадцать адвокатов подследственных обратились в Президиум ВЦИКА с просьбой смягчить своим подзащитным меру наказания, указав при этом, что основной виновник, упомянутый в материалах дела как Шмидхен, даже заочно не привлекается к уголовной ответственности³⁶. Адвокаты наверняка располагали информацией об «аресте» Шмидхена и его пребывании в течение трех дней в одной комнате Кремля вместе с Локкартом. Все это подрывало доверие к оперативным и следственным действиям, прове-

денным под непосредственным руководством Петерса. Отсюда понятно, что даже в допросах в 1937 году, описывая ход операции, он заявил: «...агенты английской разведки наткнулись на нашего агента Шмидхена (это его кличка, настоящую фамилию не помню)»³⁷. Короче говоря, о Спрогисе постарались в то время забыть. Поэтому еще раз подчеркнем: Буйкис стал Шмидхеном скорее всего по воле своего руководства, а не из корыстных побуждений.

Теперь зададимся вопросом: что подтолкнуло Кромби завязать «латышское дело» на Локкарта? Проще было выдать Шмидхену либо указанным им лицам охранные свидетельства для перехода линии фронта и одновременно сообщить об этом командующему английскими интервенционистскими частями на севере России генералу Пулю. Военно-морскому аташе ничего не стоило свести Шмидхена и Бредиса с агентом английской разведки Сиднеем Рейли, который находился в то время в Петрограде. Ни Кромби, ни Рейли не подчинялись Локкарту. Они работали в интересах генерала Пуля и всем, чем могли, оказывали ему содействие.

Деньги. Вот в чем кроется загадка письма от Кроми Локкарту. Флотский разведчик, безусловно, знал, что Локкарт сумел путем ряда финансовых махинаций накопить значительные средства, и стояла задача «вышибить» их под реализацию латышского варианта, а проще говоря, для подкупа латышских стрелков. Это укладывалось в рамки разведобеспечения боевых операций интервентов. Удача сама плыла к чекистскому берегу. Петерс быстро сориентировался и, заполучив от Шмидхена письмо, скорректировал свой первоначальный план. Представилась реальная возможность скомпрометировать пусть и неофициального, но все же представителя британского правительства, выставить его перед общественностью «спонсором контрреволюции». Чекист не мог и думать, насколько близок он был к истине. Ведь Локкарт в действительности уже снабдил различные антибольшевистские организации огромной суммой — 1,5 млн рублей. Это стало известно только в 70-е годы из рассекреченных материалов Форин Оффиса³⁸.

Оперативного опыта у Шмидхена-Спрогиса явно не доставало. Да и легендированное перед англичанами его статусное положение — артельщик финляндских железных дорог не позволяло надеяться на особое внимание Локкарта и на успех дела. Поэтому основным исполнителем задуманной акции против британского дипломатического представителя утвердили Берзина.

ПРЕДВИДЯ возможный публичный процесс над союзными дипломатическими сотрудниками во главе с англичанином Локкартом, Петерс подготовил для будущих независимых от ВЧК следователей (которых, естественно, не собирались ставить в известность о сути тайной операции) свои объяснения. Позднее он письменно зафиксировал их в обзоре операции: «Дело Локкарта возникло так же случайно, как возникло дело контрреволюционной организации «Союз защиты Родины и свободы». Там сестра милосердия не коммунистка, а простая гражданка Советской Республики, узнав о том горе, которое готовят ее Родине наймиты английского и французского капитала, пошла и заявила об этом органам, ведущим борьбу против контрреволюции. В деле же Локкарта тоже не коммунист, но честный командир одной из частей молодой Красной Армии тов. Берзин, получив предложение от агента ан-

глийского посла Локкарта — Шмидхена изменить своему долгу красного командира, с возмущением отвернулся от этого предложения и пришел сообщить мне о нем как заместителю председателя ВЧК»³⁹.

Версия Петерса до 1962 года оставалась единственной с советской стороны. И вдруг обнаружился доклад комиссара латышской дивизии К.А. Петерсона председателю ВЦИК Якову Свердлову⁴⁰. Отметим, что доклад готовился по свежим следам, сразу после раскрытия «заговора Локкарта». Исследователи истории органов безопасности СССР, несомненно, должны были отметить различия в описании ряда эпизодов Петерсоном с трактовкой Петерса. Дивизионный комиссар утверждал, что Берзин пришел к нему, а не к Петерсу, и сообщил о сделанном вербовочном предложении со стороны Шмидхена, и уже Петерсон сообщил об этом в ВЧК. Причем в докладе указывалось на отмеченные ранее неоднократные попытки англичан завязать контакты с латышскими стрелками, о чем Петерсу докладывали еще до информации Берзина.

В заключение хотелось бы отметить, что еще остались, к сожалению, белые пятна в истории с Локкартом, Рейли и латышами, действовавшими по разные стороны баррикад. Следовательно, могут существовать неизвестные свидетельства тех дней, подобные воспоминаниям Яна Авотина, только ныне вводимые в научный оборот. Надеюсь, будут и новые публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. 416 с. В предисловии А.С. Велидов вынужден был констатировать, что «из крупных заговоров, раскрытых ВЧК в Москве, в книге не нашел отражения лишь заговор Локкарта» (с. 18), но не дал этому факту каких-либо пояснений.

² *Гоннер К.* Четыре катастрофы. Воспоминания. Рига, 1920. С. 6.

³ Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (ЦА ФСБ РФ). Дело Н-1791. Т. 19. Л. 17.

⁴ Там же. Дело ПФ-99489. Т. 17. Л. 453.

⁵ *Клементьев В.Ф.* В большевистской Москве (1918—1920). М., 1998. С. 122.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 3. Д. 16. Л. 2.

⁷ ЦА ФСБ РФ. Дело Н-1791. Т. 19. Л. 2 об.

⁸ Там же. Л. 9.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 10. Д. 2558. Л. 35.

¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Дело Н-1791. Ф. 19. Л. 9.

¹¹ Первым начальником отделения Военного контроля стал эстонец М. Тракман, служивший в латышских частях. Его заместителем являлся латыш В. Штейнгардт. Оперативные подразделения возглавляли также латыши В. Варпа и И. Планцис.

¹² *Ботмер К.* С графом Мирбахом в Москве. Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М., 1996. С. 98.

¹³ ЦА ФСБ РФ. Дело Н-194. Т. 1. Л. 303.

¹⁴ *Ботмер К.* Указ. соч. С. 98.

¹⁵ Архив Управления ФСБ по г. Москве и Московской области. Дело К-512491. Л. 308.

¹⁶ Архив МИД Великобритании (Public Record Office). FO 371/3348/36320. P. 245.

¹⁷ *Локкарт Р.Б.* Сидней Рейли. Шпион-легенда XX века. М., 2001. С. 233.

¹⁸ Архив МИД Великобритании... P. 254; D. Foglesong. America's secret war against Bolshevism. The University of North Carolina, 1995. P. 120.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Дело Н-1791. Т. 19. Л. 9.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 10 об.

²² Огонек. 1927. № 52. С. 6.

²³ *Штейнберг В.* Екаб Петерс. М., 1989. С. 9.

²⁴ *Клементьев В.Ф.* Указ. соч. С. 208.

²⁵ *Кравченко В.Ф.* Он выполнял задание Ф.Э. Дзержинского. (См. Сборник КГБ СССР. 1965. № 2, 3. С. 149—151).

²⁶ *Кравченко В.Ф.* Под именем Шмидхен. М., 1970. С. 234

²⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 13. Л. 2—4.

²⁸ ЦА ФСБ РФ. Дело Р-17194. Л. 38.

²⁹ Личный архив автора. Копия мемуарных записок Я. Авотина. С. 5.

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 13. Л. 21.

³² Там же. Л. 22.

³³ Там же. Д. 73. Л. 1.

³⁴ ЦА ФСБ РФ. Личное дело Буй-киса А.А. Л. 1, 4.

³⁵ Личный архив автора... С. 13.

³⁶ Чекисты. Сборник. М., 1972. С. 41.

³⁷ ЦА ФСБ РФ. Дело Р-23527. Т. 2. Л. 1.

³⁸ Journal of Modern History. Vol. 43, 33. 1971. P. 429.

³⁹ *Петерс Я.* Обзор по делу Локкарта. Библиотека ФСБ РФ. Машинописный экз. С. 1.

⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1230. Оп. 93. Д. 22. Л. 358.

*Генерал-лейтенант запаса
А.А. ЗДАНОВИЧ,
кандидат исторических наук
(Москва)*

«БЛАГОДАРЕН СУДЬБЕ ЗА ТО, ЧТО ОНА ДАЛА МНЕ РАССТРОЕННУЮ ДИВИЗИЮ...»

Фронтовые дневники
генерала
А.Е. Снесарева

А.Е. Снесарев вручает
награды защитникам
«Орлиного гнезда»

Бряза, 19.10.[19]16 г. С утра погода божественная (уже в 8 ч туман рассеялся), и ожидаю атаки. По телефону получаю некоторое подтверждение: 1) работы противника по всему фронту прекращены; 2) по ту сторону Зол[отой] Быстрицы видны 50 костров (новых); 3) заметны оживление и разговоры. Проверяю наблюдательные пункты: на 1527-й [высоте] не три батальонных командира, как обещано командиром дивизиона (полк[овник] Николай Дмитриевич Невадовский), а два. Причем мне говорят [разное]: то, что один фейерверкер ранен пулей и пошел второй, то, что днем [и вовсе] пройти нельзя. Вижу — что-то не так. Приказываю начальнику штаба передать полковнику Невадовскому, что у него не порядок, что не выполнено то, что он мне вчера обещал и что я сам пойду на мыс... [Появился передо мной], и последовала сцена со слезами: «Я ни от кого еще не получал [таких упреков], и уж если [желаете сами туда] идти, то я сначала пойду...» Показывает бумажку, что, мол, приказал. Я [в ответ]: «Бумажку спрячьте, она меня не интересует, как и те пути, которые вы выберете для исполнения приказа... Вы мне вчера сказали определенно, а я сегодня этого не вижу. А если бы выпало нападение? Ставлю вам это на вид».

В 11 ч выхожу в горы. В 13 — сажусь за работу. Вчера узнал, что

вместо Саввича, назначенного заведующим снабжением Северного фронта, назначен Зайончковский... Что то он даст нового? Сегодня же узнал, что к моей дивизии прикомандировывается майор Кнокс (Нокс) — британский агент.

Во время обеда у нас Василий Фадеевич Кирей. Он многое рассказывает, но наиболее интерес-

К 90-летию Первой мировой войны

ное в его рассказе было про полковника Попова из 32-й артбригады (трус, сладострастник в низменном смысле слова, жестокий); тот сумел обойти корп[усного] командира Сахарова, с которым играл в винт. [Попов] всегда жил «глубже» штаба дивизии, в халупе; устроил так, что все вопросы на батарее передавались ему [в халупу], а он отвечал как бы с батареи. «Как у вас на фронте?» «Так и так». «По [каким целям] батарея стреляет и какие результаты?». «Сейчас посмотрю»... Ответ для шик и по обстановке. Его батарея стреляет, а он в халупе. На наблюдательном же пункте — молодой офицер, [который] стрелял до последнего, даже когда пункт враги окружили, и спас батарею и полк. Командир 43-го Охот[ского] полка дал ему [офицеру] [соответствующее] свидетельство, но Попов, получив его, заявил, что он коман-

дир батареи, он ею командовал, и просил свидетельство переписать, вставив нужные [для него, Попова] изменения. [Именно так] Попов получил Георгия. Гр[аф] Баранцев взял его в переделку, заставлял идти на наблюдательный пункт, чтобы он этим хотя бы задним числом оправдал большую награду... В Черновицах Попов был найден с проломанной головой чем-то тяжелым; догадываются, что свои: был ужасно жесток, порол со вкусом и прибаутками. Труссы часто жестоки и суровы.

Бряза, 20.10.(1916 г.). Вчера вечером мне было донесено, что около 15 ч противник открыл страшный огонь по мысу (Орлиное гнездо) и перемычке, что разрушены блиндажи и окопы, 2 чел[овека] убиты, 15 ранены и 2 сошли с ума. Последняя данная, намекающая на ужас явления и на возможную панику в связи с утренними перипетиями, заставила меня сегодня ехать на мыс. Встал в 6 ч, выехал с Сергеем Ивановичем в 7 ч 15 мин. Утро роскошное, и Сергей Иванович не раз приходил в восторг, отвыкнув уже от этих прелестей. Ехали с моим флагом очень торжественно, всюду наблюдаемые врагом, если бы только он не спал. У штаба 3-го полка ([бывший] 253-й Перекопский — [теперь] 3-й, 254-й Николаевский — 4-й, 255-й Аккерманский — 5-й и 256-й Елисаветградский — 6-й) [спешились] и пошли к [высоте] 1527, а оттуда в 15-ю роту и по скверному ходу сообщения — в

Продолжение. Начало см.: Воен.-ист. журнал. 2003. № 8, 9, 10, 11.

16-ю. В середине [последней] вышел мне навстречу тетка (Андрей Агапитович Гавриленко), и вновь пошли по ходам, во многих местах мелким. Латий доложил мне, что появились на его фронте германцы и что Тименко ранен (наградил его Георгиевской медалью IV степени). Из 16-й роты прошел на Орлиное гнездо и пошел по окопам 1, 3 и 4-й рот. В первой пробовали попасть из пулемета... В 3-й застал трех артиллеристов, когда проходил 4-ю роту около 12—13 ч, то ружейная стрельба (до того момента спали) началась со всех сторон. Напились чаю у тетки, а потом стали сниматься; [противник] же начал бить артиллерию по перешейку... Мы снимались под свист пуль и эти удары, могущие нас отрезать. Потом пошли назад, но нижним ходом, перебегаем открытые пространства и слыша направленную по этому месту стрельбу. У Сергея Ивановича на вершине чуть не отбило погон. Когда прошли ручей, вслед за нами был открыт артиллерийский огонь двойными снарядами; фотографа камнем от шрапнели ударило в ногу — больше испуга с его, и смеха с нашей стороны, чем боли и опасности. Поднялись мимо 2-й роты и к 2 ч прибыли к штабу полка.

Домой прибыли в 5 ч, и тут меня ждала посылка с большим письмом. Снимаю грязные боевые доспехи, читаю письмо, а Игнат ковыряется в посылках. Арбуз один сгнил, другой будем пробовать, груши — роскошь. Устал, надыхался воздухом и в 9.30 уже спал мертвым сном.

Цель достигнута: люди приободрены, тетка уверился в своих планах и выслушал кое-что новое. Да-

дим консервы, проведем 3 телефонные линии, вкопаемся и зажжем припеваючи. Пишу женке письмо, думая, что Боровский (Федор Николаевич) выйдет завтра в 8 ч, но не кончаю [послание], узнав, что он выйдет после обеда или даже вечером... Тем лучше.

Бряза, 22.10.[19]16 г[ода]. Вечера прибыл Всеволожский (вегетарианец, барин, однолюб, в хозяйстве небрежен, красив), прежний командир 255-го, теперь стрелк[ового] Царско-Сельского полка, и мы много болтали. Он приводит пример Кареева, быв[шего] команд[ира] 6-го Финляндск[ого] стрелкового полка, из которого он «сделал роскошную машину». Надеюсь на мирные выдающиеся качества Кареева, его, не в пример прочим, назначили начальником вновь созданной 1-й пехотной дивизии, а он половину ее уложил, половину сдал в плен [по причине] трусости, бардака, растерянности, глупого упорства. Теперь где-то в резерве, ни одной статутной награды... Образчик противоречия между мирным и военным. А надобно бы умным и храбрым — войска, следуя Петрову учению, а энергичным и распорядительным — обозы. Кареев не умен, но храбр, но энергичен и распорядителен... Надо бы [ему дать] обозы, а дали войска...

Невадовский (Николай Дмитриевич) приводит [пример], как команд[ир] батареи собирается стрелять по блиндирован[ным] автомобилям, а команд[ир] дивизиона спрашивает, в каком квадрате и требует [командира батареи] к телефону. [Тот] отделяется [отговоркой]: «В пятом». Опять

[его] зовут [и выговаривают]: «Вы неверно мне доложили».

Бряза, 23.10.[19]16 г[ода]. За обедом играл оркестр 6-го полка, и мы много философствовали с гостем. Он типичен в смысле воздержания, и я его подел на том, что он курит. Выворачивался всячески. Я говорил: «Моя теория жизни — освобождение души и тела от ненужных, особенно искусственных привязанностей и страстей. Вот почему я против курения». [Он возражал]: «Вы не пробовали, и поэтому...» Говорил о другой теории: максимальное и длительное использование принципа наслаждения (эпикуреизм); с этой [точки зрения] — курение, как лишнее наслаждение, благо.

После обеда я сел читать и слушал музыку. Кое-когда открывал окно и благодарил ребят. Солнце заливало потоком света мою комнату, и я после сегодняшней бани чувствовал себя чисто и уютно.

Вечером гулял по горам, фантазировал и почему-то вспоминал старинный романс «Под вечер осени ненастной». Он избит, но мысль и образы сильны по-старому: «Ты спишь, дитя, мое мученье, не зная горестей моих...».

Из докладов узнал, что людям выдается по полфунта мяса: «Мяса нет, а консервы дать бояться». Неразбериха. Приказал: 1) восполнять недостачу консервами; 2) иметь в обозе 11-го разряда две дачи, а в дивизии еще две дачи, т.е. по две коробки на человека или в общей сумме не меньше 46 т коробок.

Бряза, 23.10.[19]16 г[ода]. Сегодня встал рано, в ясный утренний день. Что-то думал делать и ... вдруг все расстроилось.

ХРОНОГРАФ

2 марта 1994 года Указом Президента Российской Федерации № 442 «О государственных наградах Российской Федерации» учреждены ордена: «За заслуги перед Отечеством» I, II, III и IV степеней, «Мужества», «За военные заслуги», «Почета», «Дружбы». Этим же указом учреждены медали: «За заслуги перед Отечеством», «За отвагу», «За спасение погибавших», «Суворова», «Ушакова», «Нестерова», «За отличие в охране государственной границы», «За отличие в охране общественного порядка», «За безупречную службу».

3 марта 1878 года с Турцией был подписан выгодный как для России, так и для балканских народов Сан-Стефанский договор, многие положения которого затем были изменены на Берлинском конгрессе 1878 года в ущерб странам-победительницам.

3 марта 1944 года указами Президиума Верховного Совета СССР были учреждены ордена Ушакова I и II степени, Нахимова I и II степени, медали Ушакова и Нахимова. Орденом Ушакова I степени за № 1 был награжден вице-адмирал В.Ф. Трибуц, орденом Нахимова I степени за № 1 — генерал-лейтенант береговой службы П.А. Моргунов.

3—27 марта 1920 года проводилась Кубано-Новороссийская наступательная операция войск Кавказского фронта (командующий М.Н. Тухачевский) с целью завершения разгрома деникинских войск — составная часть

Северо-Кавказской операции 1920 года. Замысел ее заключался в неотступном преследовании противника по всему фронту с задачей не дать ему возможности закрепиться на реках Челбас, Бейсуг, Кубань. Наступление началось 3 марта, 9—11 марта войска вышли к р. Челбас. В связи с успешным продвижением войск фронта главное командование Красной Армии решило силами Кавказского фронта освободить и другие районы Северного Кавказа, прежде всего богатый нефтью район Грозного. За два дня, 11—12 марта, сопротивление противника на р. Челбас было сломлено и войска устремились к Черному морю. Деникинское командование, создав вокруг Новороссийска сильную оборонительную позицию, надеясь с помощью стоявшего на рейде англо-французского флота организованно успеть отвести свои части в Крым, но они не сдержали натиск: 27 марта Новороссийск пал, а деникинцам удалось эвакуировать только Добровольческий корпус и часть сил Донской армии. В ходе операции войска Кавказского фронта продвинулись на глубину до 350 км, разгромили основные силы деникинских войск, освободили Кубанскую область и значительную часть Ставрополя.

4 марта 1813 года во время Заграничных походов русской армии войска отряда генерала А.И. Чернышьева из авангарда генерала Н.Г. Репнина освободили Берлин от французских оккупантов. Потеря Берлина заставила французские войска поспешно отступить за Эльбу.

Все даты приведены по новому стилю.

В полчаса восьмого противник открыл сильную артиллерийскую стрельбу на фронте 4-го и 3-го, главным образом 3-го [полков]. Донесение из полка и артиллерии говорило, что началась несомненная подготовка (артиллерийская) к атаке. Думал сначала выждать дома, надеясь на ошибку предположения, но огонь не прекращался, гудя непрерывно, т.е. не меньше одного выстрела в секунду. Лошади были заседланы с первого же момента. Не вытерпел и, сказав по телефону командиру 3-го полка «еду к вам... пойдём вместе в атаку», сел и со значком, на рысях полетел в район атакуемого полка. В центральной станции было без перемен, т.е. огонь не ослабевал. Рапорт старшего («на центр[альной] станции все телефон[ные] связи целы») [— и я] поехал далее. Приехал к штабу 3-го полка, где застал Василия Васильевича. Узнал, что до 10 ч 45 мин был страшный артиллерийский огонь, после которого на фронте 4-го и 3-го полков против двух правых рот (13-й и 14-й) правофлангового батальона и против 1-го, занимавшего «Орлиное гнездо», [противник предпринял атаку]. Атака была отбита: на фронте 4-го полка [его огнем] и артиллерией, в 13-й и 14-й ротах огнем их и 1-й и 16-й рот; на «Орлином гнезде», по-видимому, место стыка 4-й и 3-й рот, [наша оборона] была прорвана (или пришлось бросить заваленные тела, землей и деревьями первый и второй окопы), и люди отошли на 3-ю линию. Я взял князя (Мещерский Николай Павлович) и отправился на наблюдательный пункт 4-го батальона... Чтобы не забыть:

в 5-м полку нет пленных более двух недель, и вообще полк не воюет два месяца... Это опасно: полк засыреет, отылится! Командир полка не понимает, что можно, [даже] находясь в 500 шагах от противника, быть в тылу, раз нет хождения перед смертью. Только оно [это хождение] освежает часть или человека, оно держит его в постоянной боевой тренировке... Идем закрытые, но пули плачут непрестанно. Я насчитал до семи; они залетные, но их много и они говорят о напряженности боя; артиллерия гудит, усиливая свое напряжение к 12 ч особенно. Готовилась, как стало потом ясно, вторая атака.

Мимоходом мы зашли на артиллерийский наблюдательный пункт, откуда хорошо видно «Орлиное гнездо». Артиллеристы по обыкновению очень осторожны и прячутся за бруствер, глядя в свои рогульки. Правда, вокруг них много воронок; особенно одна огромна. Один из артиллеристов (Урядов) мне доложил, что наши отступили на 200 шагов, бросив первые две линии. Мне устраиваются рогульки и наводятся так, чтобы я убедился в этом. По обыкновению ничего не вижу (видят ли они сами — никогда не мог убедиться), почему приставляю свой бинокль и через бруствер рассматриваю [все], что видно, пока не удовлетворю свое любопытство. Даю некоторые указания артиллерии, вижу идущего мимо Василия Васильевича и с ним направляюсь далее в 4-й батальон. Подходим, встречает кап[итан] Латий (Владимир Георгиевич) и рапортует. Здравуюсь с людьми и иду на наблюдательный пункт, где был с

итальянским генералом. Осматриваю местность. Все здесь спокойно, вижу только две группы австрийцев, которые еще не отползли и застряли впереди своих проволок (5 и 2). Огонь артиллерийский бьет левее и правее (немного и назад). Здравуюсь с людьми, благодарю [их] за боевую работу: [после этого] они уже спокойны, хотя [у них] еще заметна приподнятость. Командир роты прап[орщик] Токарев контужен и заикается, его заменил другой [офицер]. Токарева уговариваем идти в окопчик и отдохнуть. Он все пробует мне доложить, оставаясь под властью долга, но уже лишенный возможности его свободно выполнить. Он представитель — высокий, красивый мужчина, когда-то объяснявший нам с графом Лангена [обстановку] так бодро и весело; теперь [это] большое существо с косым лицом, нервное и беспокойное.

Скоро вокруг меня начинают шептаться. Оказывается, за меня боятся (может быть, и за себя), но не решаются мне доложить; догадываюсь, и [мы] уходим. Артиллерия гудит, не умолкает. Идем к штабу 4-го батальона, где вместе с резервными ротами мы укрыты высокими складами. Хотя пули свистят с нескольких сторон, снаряды рвутся влево и над нашими головами.

Около часу — новая атака, но несколько суженная, и в ней ярко выясняется роль «Орлиного гнезда» как утеса, разбивающего общую волну атаки. На мысу, по-видимому, австрийцы заняли еще 2-ю линию, совершенно разбитую. С часу начинается еще более суженная подготовка артиллерийской стрельбы по «Орлиному гнезду»,

7 марта 1814 года, в период Заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., у г. Краон (Франция) произошло сражение между французами и русско-прусскими войсками. Русско-пруская Силезская армия (около 110 тыс. человек, командующий прусский генерал-фельдмаршал Г. Блюхер) после поражения у г. Ла-Ротьер сосредоточилась на возвышенности между реками Эна и Лет, занимая по фронту более 45 км. Наполеон, учитывая эту растянность позиций, решил ударить по ее левому флангу, отрезать от баз снабжения и тем самым заставить Блюхера отказаться от наступления на Париж. Французы силами свыше 30 тыс. человек переправились через Эну и начали продвижение к Лану (Лаону). Русскому генералу от кавалерии Ф.Ф. Винценгероде не удалось помешать противнику. Блюхер решил сковать между реками Эна и Лет французские войска, кавалерией обойти их правый фланг и завершить сражение решающим ударом с тыла. При этом оборона была возложена на пехоту под командованием генерал-лейтенанта М.С. Воронцова (18 тыс. человек; 96 орудий). Русские долго держались, несмотря на двукратное превосходство противника, однако кавалерия Блюхера из-за сильно пересеченной местности не смогла выйти в тыл противника в установленный срок, и Блюхер приказал оставить оборонительную позицию на Краонском плато. Воронцов вынужден был отойти к р. Лан. В этом сражении французы потеряли 8000 человек, русские — 5000. Краонское сражение характерно умелой обороной русских войск, четким взаимодействием пехоты и артил-

лерии, организованным отступлением с занимаемых позиций. Однако замысел Блюхера реализовать не удалось по ряду причин, в том числе из-за пересеченной местности, затруднявшей действия кавалерии.

7 марта 1894 года в с. Пятры (Молдавия) родился С.Г. Лазо, герой Гражданской войны, один из руководителей борьбы за советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке. Погиб в 1920 году.

12 марта 1854 года в Константинополе (Стамбул) подписан договор о военном союзе Великобритании, Франции и Турции, направленном против России. Великобритания и Франция согласились оказать султану «ту помощь, которую он просил», обязывались послать в поддержку Турции сухопутные и морские силы. Со своей стороны султан обязался не заключать с Россией сепаратного мира. После подписания этого договора Англия и Франция объявили войну России. 10 апреля эти державы дополнили свои взаимные обязательства Лондонским договором, который имел целью обеспечить политические интересы Англии и Франции в их противоборстве с Россией и ограничивал свободу действий Турции.

13 марта 1954 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о создании КГБ при Совете Министров СССР, возглавлявшего систему органов государственной безопасности, куда входили также пограничные войска, органы военной контрразведки и другие учреждения.

16 марта 1960 года начала работу II Женевская конференция по морскому праву, посвященная дальнейшему рас-

перемычке и позиции 16-й роты. Сосредоточенная на таком малом участке, эта стрельба была ужасна: деревья повалены, окопы и блиндажи разрушены и завалены, все кухонные котлы (кроме одного) разбиты, три телефонные станции разбиты... Стоял ад. Около 15 ч [началась] атака с конца леса в направлении на северо-восток и в обхват 1-й роты... 4-я рота была смята, и австрийцы продвинулись почти до штаба бат[альона]. Все части висели в куче недалеко от перемычки; в то же время другие ворвались в окопы 1-й роты. Все сорвалось. В этот момент Спиваков с Воробьевым бросаются с полуротой 2-й роты в район 4-й роты, гонят австрийцев, гибнут в штыковой схватке, но задерживаются у высоты; другая полурота бросается в район 1-й роты, отбрасывает назад пулемет, сбрасывает австрийцев вниз и, поставив пулемет на скалу, преследует австрийцев. Удерживаются [те] по линии пунктира. Одновременно же с этим прап[орщик] Чебаненко с двумя взводами 1-й роты, выбросившись на тыс[ячу] шагов вперед в заставе, отбивается от систематических обходов и атак, укладывая груды противника огнем...

К началу сумерек огонь артиллерии прекращается, и австрийцы выматываются. Положение остается на пунктире; 1-я рота (с заставой) удерживает свое положение. Кое-когда я или Василий Васильевич говорим с командиром «Орлиного гнезда», справляясь о положении дел и давая указания. Вот образчик диалога. Командир полка: «Ну, как у тебя, Андрей, дело?» Комендант: «Да ничего, на-

стоящий иллюзион...» И далее что-то, что мне не говорится. Комендант: «Ну, смотри же там, держись»... В сумерки идем в штаб полка, где и ужинаем, и я ложусь спать, а Василий Васильевич идет устраивать основную линию на случай потери «Орлиного гнезда».

2-я рота еще перед сумерками послана на «Орлиное гнездо», и я, провозага [ее], говорю (у штаба батареи) напутственное слово. Около обеда мы подслушиваем разговор тезки с целевешим командиром 1-й роты: кто-то [кого-то] успокаивал, [ведь] из 11 офицеров 3 убиты и 5 ранены; остались всего 3...

Василий Васильевич начинает [налаживать] ряд хозяйственных и административных вопросов: кормежка людей, вынос раненых, направление 8-й роты, посылка пор[учика] Киселя для 6-й роты, посылка [других] офицеров и распределение их по ротам (все перебиты), посылка укрепительного материала и т.д., т.е. все то, о чем ни штабы, ни вообще военные ничего почти не знают. Все было потрясено и разбито, в пору привести в порядок и успокоить.

Забыл сказать, что еще [раньше] я приказал послать на поддержку 6-ю роту, но [одна] половина ее прорвалась, а другая застряла на перешейке в заградительном огне; первая [половина] затем] была брошена против второй атаки и вся погибла.

Из 11 офицеров 1-го батальона убиты: командир 2-й роты Спиваков Андрей Иванович, мл[адший] офицер 2-й роты Воробьев Дмитрий Филиппович и мл[адший] офицер 4-й роты Васильев (прапорщик); ранены: ком[андир] 4-й

роты пр[апорщик] Любимый, ком[андир] 3-й роты Андреев (тяжелый) и ком[андир] 1-й роты Артюхов Борис, пулеметчик Лукин и мл[адший] офицер 4-й роты Рихтер (в плену)... Кроме того, ранены мл[адший] офицер 16-й роты Шаевский, ком[андир] 6-й роты Петров П., командир 9-й роты пор[учик] Реутов и мл[адший] офицер 6-й роты Козачков.

[Общие] потери в 1-м батальоне: убитых 86, раненых 163, без вести [пропавших] 44, итого — 293 человека; во 2-м батальоне: убитых 10, раненых 64, без вести [пропавших] 15, итого — 89 человек; в 4-м батальоне: убитых 25, раненых 18, без вести [пропавших] 3, итого — 46; всего — 438 человек.

24.10.[19]16 г[ода]. До 11 ч — в штабе 3-го полка, после — в Брыза. Из штаба корпуса (вчера вечером и сегодня) все настаивал на контратаке... Люди, вне крови ходящие, думают только исполнители. Наконец остановились на моей мысли, предложенной вчера: «В 13 ч по сверенным часам броситься всем близким к противнику фронтом на «ура»; артиллерии в тот же момент забить по [высоте] 1318, а затем идти впереди пехоты заградительным огнем».

Атака удалась и выполнена так, как намечали. Результаты: положение восстановлено; взяты [в плен] командир 42-й батареи [противника] (лучший в 6-й горной бригаде), 2 [других] офицера и 167 нижних чинов (плюс 18 раненых), трупов — более 300. Кроме того, [добыты трофеи]: 2 пулемета, 3 бомбомета, 2 миномета, более 600 ружей и т.п. Два раза попали в сведения из Ставки; [нас] бла-

ХРОНОГРАФ

смотрению вопросов о ширине территориальных вод и рыболовной зоны. Участвовали 84 государства и наблюдатели 14 международных организаций. Делегация СССР внесла на рассмотрение проект статьи, согласно которому каждое государство должно иметь право устанавливать ширину своих территориальных вод в пределах 12 морских миль. Делегации США и Канады внесли предложения о 6-мильных территориальных водах. Ни одно из этих предложений не собрало требуемого большинства в 2/3 голосов.

19 марта 1897 года родился Владимир Николаевич Львов, генерал-лейтенант. Окончил Александровское военное училище (1916), офицерские пулеметные курсы (1917), поручик. С 1918 года в Красной Армии. Участник Гражданской войны. В 1940 году назначен заместителем командующего войсками Прибалтийского особого, а позже Закавказского военного округов. С ноября 1941 года — заместитель командующего Закавказским фронтом, с декабря — командующего 51-й отдельной армией. Погиб в бою под Керчью в мае 1942 года.

19 марта 1943 года восточнее г. Мга впервые вступила в бой в составе 8-й армии Волховского фронта (генерал-майор Т.Ф. Штыков) сформированная в марте в Московской области 17-я артиллерийская дивизия в составе 22-й минометной, 37-й легкой, 50-й гаубичной и 39-й пушечной артиллерийских бригад (в апреле в ее состав были также включены 92-я тяжелая гаубичная и 108-я гаубичная большой мощности артиллерийские бригады; дивизия получила наиме-

нование 17-й артиллерийской дивизии прорыва РВГК). 17 июня дивизия была включена в 7-й артиллерийский корпус прорыва, в котором действовала до конца войны, закончив боевой путь в Праге. Более 12 тыс. воинов дивизии награждены орденами и медалями, 6 человек удостоены звания Героя Советского Союза. С начала формирования и до конца войны дивизией командовал полковник, с 21 апреля 1943 года генерал-майор артиллерии С.С. Волкенштейн.

20 марта 1944 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О маршальском знаке отличия "Маршальская звезда" маршала инженерных войск и маршала войск связи».

23 марта 1908 года родился Архип Михайлович Льюлька, конструктор авиационных двигателей, академик АН СССР (1968), Герой Социалистического Труда (1957). С 1944 года возглавлял отдел турбореактивных двигателей (ТРД) в НИИ (Москва), с 1946 года генеральный конструктор авиационных двигателей. При его непосредственном участии и под его руководством был создан первый отечественный ТРД. Самолеты, оснащенные его двигателями, установили более 20 мировых рекордов. Умер 1 июня 1984 года в Москве.

23 марта 1908 года родился Анатолий Васильевич Ляпидевский, генерал-майор авиации (1946), Герой Советского Союза (1934). В 1934 году участвовал в спасении челюскинцев, за что получил звание Героя Советского Союза, став кавалером «Золотой Звезды» № 1. В 1942—1943 гг. — заместитель командующего ВВС 19-й ар-

годарил командующий 8-й армией (суховато) и главнокомандующий [войсками] Юго-Западного фронта (очень тепло). Словом, дело вышло очень удачное, но не знай об атаке [противника], не поработай и не подготовь всего, позиция была бы, пожалуй, прорвана. Узнал, что здесь нервничали и уже поднимали вопрос, куда отходить...

Провожали Всеволожского (Дмитрий Сергеевич). Говорил я [в его честь], говорил он по моему адресу. [По его словам, во время нашей совместной службы он понял]: духовная власть — это приказать не генеральским приказом, а желанием начальника уважаемого. Дмитрий Сергеевич готов остаться у меня в качестве бригадного командира. Завтра надо ехать в штаб корпуса.

Бряза, 25.10.[19]16 г[ода]. Был с Сергеем Ивановичем в Селетине (штаб корпуса), [наблюдали] спектакль (совещание) об атаке. Были Виденшерна и Гнида, последний — апоплексический старик, который завтра может лопнуть. Мне сменяют два полка, дадут всего 6 легких бат[арей], 4 мортиры, 20 тяжелых орудий, и я должен буду взять Кирлибабу. Оттуда я проехал в Сипатуй, в обоз 2-го разряда, а потом на хлебопеккарню (№ 133); лошади худоваты, остное в порядке.

Домой приехали замерзшие.

Получил 15 Георгиев IV степени и пять III. Завтра пойду раздавать.

Бряза, 26.10.[19]16 г[ода]. Прибавив своих 10 Георгиевских медалей, в 7 ч выехал с Сергеем Ивановичем на «Орлиное гнездо». Прошли низом мимо 2-й роты. Здоровался, благодарил, а офицеров,

более отличившихся, целовал (как и Василий Васильевич). Осмотрел бой: трупы, уложенный почти лес, вырытый за ночь в камнях окоп с гармоникой-проволокой впереди... Это было интересно и внушительно. Мне был поднесен [снарядный] стакан 8-дюйм[овый], перевитый проволокой, украшенный ножами, с подвешенными часами. Бледный и взволнованный Василий Васильевич, поднося мне подарок, прочитал:

«Нашему лихому боевому орлу, генералу Снесареву, вовремя прилетевшему к своему «Орлиному гнезду» и защищавшему его с беззаветной храбростью и доблестью от нападения злых хищников австро-германцев 23 и 24 октября 1916 года.

Благодарные и любящие его перекопцы. 26.10.1916 г. «Орлиное гнездо».

Я был страшно растроган, расцеловал подносителей. Есть [у меня] Георгий сверху, а это был мой Георгий, снизу поднесенный... Пусть заслужат и дождутся другие [такой награды]!

Много интересных и трогательных эпизодов было в этой гигантской борьбе. Пленный офицер говорил, что выступ они называют «пальцем, указывающим на Вену», что они потеряли в день атаки много, так как русские были сильно укреплены, но еще больше во время нашей контратаки, так как она была неожиданна и наши солдаты были озлоблены... Один солдат был два раза ранен и, несмотря на совет офицера уйти, остался, но будучи не в силах стрелять, бросал с брестера лежа бомбы, пока не был убит. Пр[апорщик] Во-

робьев выпустил из револьвера [все пули] и умер с пальцем, нажимающим на спуск. Пр[апорщик] Спиваков, попав в кучу, работал прикладом и штыком; он же в начале [атаки] подгонял отстававших палкой... [Его] мальчикам и девочке солдаты собрали ранцы, медали, трубу, по сигналу которой началась атака.

Ходить вокруг «Орлиного гнезда» приходилось с опаской: всюду открыто, [здесь] не только фланговый, но даже тыльный огонь.

Пришел на наблюдательный пункт 4-го батальона, куда собрались и артиллеристы; здесь мы [обсудили] на местности [обстановку], предстоящие действия, я поставил артиллеристам задачу. Когда же нас обстреляли (очень близко и точно), мы ушли к штабу 4-го батальона, где докончили наше обсуждение.

На «Орлином гнезде» я раздал кресты и медали, говорил каждому спасибо и давал наставление, а кругом на склоне горы стояли ребята и слушали... Противник стрелял спереди и сбоку.

Наградил добровольца (мальчик 16 лет — медаль № 702636 — Николай Шарик); на вопрос, что он делал, он отвечал, что «по голове подгонял пленных»; очевидно, ему было жаль смотреть, как пленных прикалывают, и он торопил их в тыл. Дал Георгиевскую медаль.

Бряза, 27.10.[19]16 г[ода]. Сегодня хоронили Андрея Ивановича Спивакова и Дмитрия Филипповича Воробьева. Особенно жалко Спивакова, фраза которого («ну какой там крест придется — Георгиевский или деревянный») никогда не забывалась

мии и начальника полевого ремонта 7-й воздушной армии. С 1961 года в запасе. Умер 29 апреля 1983 года в Москве.

В ночь на 26 марта 1944 года в г. Николаеве в тыл противника был высажен десант морской пехоты — 55 добровольцев из 384-го отдельного батальона морской пехоты, входившего в состав Одесской военно-морской базы, под командованием старшего лейтенанта К.Ф. Ольшанского. Непосредственно перед выходом десанта в отряд были включены два связиста с рацией командующего 28-й армией (генерал-лейтенант А.А. Гречкин) и 10 саперов из 57-го отдельного инженерного саперного батальона 28-й армии. Отряд вышел на 7 лодках в ночь на 26 марта из пос. Октябрьский. Вел отряд рыбак А.Н. Андреев. Из-за встречного штормового ветра 15 км по Южному Бугу удалось преодолеть лишь за 5 с лишним часов. В связи с задержкой в пути саперы после разминирования полосы обороны не смогли затемно возвратиться в расположение своей части и вместе с проводником остались в составе отряда. Сняв охрану, десантники захватили в порту несколько зданий и заняли круговую оборону. Утром 26 марта немцы попытались ликвидировать десант небольшими силами, но получили сокрушительный отпор. В бой были введены новые силы, враг использовал 6-ствольные минометы, огнеметы, танки, но сломить десантников не мог. Когда стало совсем трудно, К.Ф. Ольшанский вызвал огонь нашей артиллерии на себя, оставшиеся в живых продолжали вести бой. Горстка раненых во главе со старшиной 2-й статьи К.В. Бочковичем удерживала позиции до 28 марта, когда в порт ворвались наступающие с фронта части 28-й армии. Все 67 участ-

ников десанта получили, из них 55 посмертно, звание Героя Советского Союза. А.Н. Андрееву звание Героя Советского Союза было присвоено в 1965 году.

26 марта 1944 года соединения 27 А генерала С.Г. Трофименко (2-й УФ) первыми вышли к государственной границе СССР на р. Прут. Примечательно, что на охрану освобожденного участка границы заступил полк, личный состав которого здесь принял первый бой 22 июня 1941 года.

27 марта 1933 года Япония вышла из Лиги Наций, тем самым полностью развязав себе руки по превращению Маньчжурии в плацдарм для нападения на СССР, МНР и Китай. На Дальнем Востоке появился первый очаг будущей мировой войны.

29 марта 1848 года родился Алексей Николаевич Куропаткин, генерал от инфантерии (1901), генерал-адъютант (1902), с января 1898 по февраль 1904 года военный министр, с октября 1904 по март 1905 года главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке (снят с этого поста после поражения русских войск под Мукденом). Участник Первой мировой войны. С мая 1917 года и до конца жизни (умер 16 января 1925 г.) жил в своем бывшем имении в Псковской губернии, где преподавал в средней школе.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ и А.В. ОСТРОВСКИМ
(Москва)*

мною... Он — как будто предвидел — обрел деревянный.

Пришел домой, пообедали, поговорил с командиром 6-го полка о будущем нашем наступлении и узнал, что ко мне едет Михаил Васильевич Ханжин. Спрашивал, застанет ли меня дома. Приехал часам к 14—15. Я выскочил, мы нежно расцеловались, и я чувствовал, как я (да и он) был расстроган, как люблю этого простого, искреннего, скромного и вместе с тем удачливого человека. Я повег его к себе, мы стали пить чай и болтать. Хороши и интересны его наблюдения во время командировок для управления артиллерией. Он говорит, что главное теперь — начальники дивизий; полки — малая единица, быстро исчезающая, а дивизия все же что-то более устойчивое; корпус — далекая и случайная инстанция (у корпусного командира нет воспитательных влияний и функций); где начальники дивизий хороши, там и дело идет; для «хорошего» надобны храбрость, общение (окопы) и честность в труде. Хороших начальников дивизий мало, а хороших корпусных командиров еще меньше. Пехота была или истрепана (40-й, например, корпус), или с Северного и Западного фронтов приходила сырой. В атаку пускали часто без оглядки, заставляли бить в лоб, повторять без шансов на успех и т.п.

Характерны его примеры. Нач[альник] дивизии старик Бауэр дошел [до первой линии] и ходил перед проволокой, повторяя: «Видите, братцы, я — начальник дивизии — хожу здесь... вперед». Голос сзади: «Ходи, ходи, а мы здесь стоим».

Шесть полков пробили фронт в 600 шагов (думалось, что 2 версты, но кругом болота), и постепенно полк за полком выбивались; получалась каша, в которой нельзя было разобраться; один полк не шел, через него пускали другой; затем пускали два через два не пошедших и т.п. Значит, ни рекогносцировки, ни умного плана, ни распорядительности, ни влияния, ни дисциплины. А актерства — хоть отбавляй. [Рассказывали]: Лебедев, командир Тенгинского полка, идет под «Боже, царя храни» с оркестром... Было ли это действительно, кто знает, но в реляциях по армии это пошло. Преображенцы занимают высоту, которую на другой день им приказывают... взять. [Они же] молчат о владении, а [потом сообщают]: бой, атака и... занятие. Между тем, что наблюдалось, и тем, что получалось в реляциях, неизменная пропасть. Немцы в артиллерийском отношении не представляют ничего особенного. Артиллерии было столько (нашей), что на батарею приходилось не больше 40

сажен фронта; подготовка была страшная, но... ничего не выходило. 9-я Сибирская прошла две линии врага и на пять верст вперед, а потом почему-то махнула назад и даже миновала свое... Еле вернули. Вообще, рассказ Михаила Васильевича говорит об общем утомлении, особенно пехоты, или о потере нами педагогических приемов (может быть, в этой стадии войны нужны иные), или о потере нами вообще секрета победы. Все же, раз люди честны в труде и мужественны, то этим обеспечено почти все... В это, по крайней мере, надо веровать.

Я награжден высочайшим приказом от 24 февраля 1915 г[ода] Георгиевским оружием. Текст приказа: «133-го Симферопольского, Андрею Снесареву за то, что будучи начальником штаба 2-й Казачьей сводной дивизии 12 августа 1914 года под Монастыржиской, у опушки леса, когда обнаружился охват с трех сторон противником наших спешенных частей, вместе с хорунжими Голубинским (там же и убитым) и Ковадевым собрал рассыпанные части и в ста шагах от неприятельской цепи руководил огнем».

Бряза, 29.10.[19]16 г[ода]. Еду в 5-й полк, где взбираюсь на высоту 1178 и оттуда долго и старательно рассматриваю позицию противника и наши окопы. День роскошный, теплая прохлада, противник милостив; мы всюду едем верхом, а он — ничего; на 1178-й мы всюду ходим, а он — ничего.

Развиваю перед Николаем Николаевичем (Полтанов) свою мысль о боевой тренировке... Лучший для нее и наиболее доступный способ — разведка; она имеет три фазы: подсадка, нападение разведывательных партий и атака.

На ночь Игнат характеризует командиров полков: 3-го и 6-го называет хорошими и храбрыми, а 5-го, говорит, «что-то не хвалят, в окопы не ходит!». «Но со мной был же», — возражаю. «То он мусит», т.е. должен. О командире 4-го говорит пренебрежительно: «Старый и негодный напустил в Аккерманский полк...». Молва бежит — не удержишь.

Бряза, 30.10.[19]16 г[ода]. Сегодня с утра занялся отбросом накопившихся бумаг и к вечеру сделал [из них] целую массу. Около 11 ч съездил верхом посмотреть постройку дороги, оттуда пришел к себе и вновь погрузился в бумаги. Около 15 ч приходит старший врач перевязочного отряда и приводит мне тысячу данных против намеченного мною перехода в горы (все приведено, кроме главного: не хотят [выходить] из халуп, не привыкли). Беседуем и, кажется, уломал: завтра едем смотреть.

Сергей Иванович сообщает, что Главкоюз допустил ко временному

командованию 64-й пех[отной] дивизией генер[ала] Эрдели. Сергей Иванович вне себя, а особенно Сергей Николаевич (Каменский). 1-й скрывает [эту новость] от полков («тягостно отзовется»), 2-й заготавливает телеграмму от Берникова и хочет тормозить Стогова и Покровского.

Рано или поздно это должно было быть. Принцип усталости известным делом нам не знаком (у англичан [командиры] около 5 лет на одной и той же должности, у нас некоторые, запоздало придя на должность или передержанные на ней, устают, раскисают и ничего не делают (Баташев, Жданко, Экк, Всеволоожский, Демидов; все генерал-майоры на должностях начальников штабов дивизий и т.п.). Это необходимо учитывать. Чтобы человек работал хорошим ходом и полным проникновением в дело, кроме знаний, опыта и чувства долга (плюс честолюбие, гордость, дисциплина...) должны быть: свежесть и новизна, и неудовлетворенное еще чувство любопытства и интереса ко все раскрываемому предмету изучения. Что можно ждать от Черкасова (Петр Федорович), который до войны был уже 8 лет начальником штаба дивизии, или от Думбровы, который давно уже заснул на этой должности.

Что я могу иметь? Вырвать дивизию? Это был бы великий высокий взлет карьериста, но этому ли ремеслу я служу? Никогда. Я должен быть благодарен судьбе за то, что она дала мне расстроенную дивизию и возможность в течение двух месяцев поработать над ее созданием. Передо мной стоит мой «Георгий снизу», и я... вполне удовлетворен и доволен. Говорю это наедине моему белому листику бумаги; ему я скажу с большей искренностью, чем огромной или малой толпе народа.

Ну, говорю Игнату, пойдём еще куда-либо работать. Он грустно улыбается, и мне трудно понять, что он при этом думает.

За ужином Невадовский рассказывает, как он встретился с одним перекопцем и как тот ему рассказывал про бой 24.10.: «Нас было 3 роты, а он [противник] наваливал 3 батальонами... Помощи не подали, а то бы взяли Кирлибабу...» Так победа окрыляет и делает взгляд розовым... Раненый и разбитый говорят совсем иначе.

*Публикация генерал-майора
в отставке
И.С. ДАНИЛЕНКО,
доктора философских наук,
профессора;*

*капитана 1 ранга
И.А. АНФЕРТЬЕВА
(Москва)*

(Продолжение следует)

Б.А. ЭНГЕЛЬГАРТ

ВОСПОМИНАНИЯ КАМЕР-ПАЖА

В Таврическом дворце в феврале 1917 года

УТРОМ 27 февраля в центре столицы наружно все казалось спокойным, но это было жуткое затишье перед грозой. Улицы были пусты. Трамваи перестали ходить уже накануне, извозчики исчезли, но демонстраций и беспорядков не было.

У Казанского собора, во дворе дома, виднелся ряд казаков. На углу Невского и Казанской стояло несколько городских с приставом во главе. Настроение полиции было подавленное: пристав рассказывал, что на окраинах города начались беспорядки, в войсках заметно брожение, был даже случай, когда казаки не выполнили распоряжений начальства и выпустили арестованных рабочих.

Днем началась стрельба в районе Николаевского вокзала, выяснилось, что восстание принимает все большие размеры. Часть войск выступила против правительства. Захвачен был ряд полицейских участков и Окружной суд. Одновременно с революционными действиями начались грабежи, разгромы винных лавок, отбирание оружия у офицеров. Уже темнело, когда вспыхнул пожар в Окружном суде.

Власть ускользала из рук правительства. Ясно чувствовалось, что представители и гражданской, и военной власти — [А.Д.] Протопопов¹, [М.А.] Беляев² и командующий войсками округа генерал [С.С.] Хабалов³ — сознают свою слабость и не смеют приступить к энергичным действиям.

Активных действий полиции и правительственных войск уже не было. Те части, которые еще казались законопослушными, оставались в казармах, но какое было настроение солдат, начальство не знало или, вернее,

боялось разобраться в нем. Впрочем, и в офицерской среде не было уверенности в целесообразности решительных действий для подавления беспорядков: те самые офицеры, которые не задумываясь стреляли по народным толпам в 1905 году, теперь толковали между собой о нежелательности открывать огонь.

К ночи большинство улиц опустело, только на Литейном проспекте, вокруг догоравшего здания Окружного суда и на Шпалерной, вплоть до Таврического дворца, толпился народ.

Таврический дворец представлял собой необычайное зрелище. Величественный Екатерининский зал, Круглый зал, все бесконечные коридоры, где всегда царил безукоризненный порядок, даже своеобразный ритуал, куда допускались лишь избранные, теперь были переполнены беззастенчиво шумящей толпой — солдатами, студентами, рабочими.

В Круглом зале был устроен склад оружия и продовольствия, привезенного Бог весть откуда. Десятки мешков с мукой и крупой были сложены вдоль стен, тут же валялась туша свиньи, видимо, все это было добыто во время обысков, которые самочинно начались для отыскания якобы спрятанных торговцами продовольственных товаров. У дверей одного из кабинетов лежал труп солдата Семеновского полка с простреленной головой. Толкотня и шум стояли невообразимые. Члены Думы терялись в этой огромной шумящей толпе.

Положение обрисовывалось в таком виде: Государственная дума, распущенная высочайшим указом, собралась на частное совещание и избрала Временный комитет, который должен был служить посредником между народным представительством и властью. Избраны были: [М.В.] Родзянко⁴, [В.В.] Шульгин⁵, [В.Н.] Львов⁶, [И.И.] Дмитриуков⁷, [С.И.] Шидлов-

ский⁸, [М.А.] Караулов⁹, [А.И.] Коновалов¹⁰, [В.А.] Ржевский¹¹, [П.Н.] Милюков, [Н.В.] Некрасов¹², [Н.С.] Чхеидзе¹³ и [А.Ф.] Керенский¹⁴.

Временный комитет с середины дня заседал в кабинете председателя Думы, но пока ни к каким решениям, а тем более действиям, не приступал. Родзянко послал телеграмму государю — ответа не было.

Между тем люди всех классов и состояний толпами сбегались в Государственную думу, ища здесь указаний и разъяснения происходящего.

Сама собой создалась своеобразная комиссия, присвоившая себе почему-то наименование военной, с профессором медицинской академии [В.А.] Юрьевичем¹⁵ во главе, члены которой пытались внести какой-нибудь порядок в воцаряющийся хаос и, с другой стороны, дать ответы на запросы, сыпавшиеся со всех сторон как от отдельных лиц, так и от различных организаций и воинских частей. Эта комиссия являлась как бы органом Временного комитета.

Одновременно с нею в стены Таврического дворца внедрилась другая организация, ничем с Думой не связанная и вскоре вступившая с нею в прямую борьбу. Это был совет рабочих депутатов, до того скрывавшийся в подполье и теперь, по почину Керенского, перебравшийся под сень Таврического дворца и занявший помещение бюджетной комиссии.

Тем временем в городе разрасталась анархия. Старая власть как-то незаметно сошла на нет и не подавала больше никаких признаков жизни. Начальники воинских частей тщетно пытались хоть по телефону получить указания и распоряжения от военного министра Беляева или Хабалова — их нельзя было найти.

Глаза всех невольно обращались к Думе. Казалось, она одна пользуется несомненным авторитетом во всех слоях населения и ее Временный комитет, взяв власть в свои руки, сможет и остановить общий развал, и настоять перед царем на уступках и реформах, которые в те минуты казались необходимыми и достаточными. Так думали и были настроены и почти все члены Государственной думы, и широкие круги интеллигенции, и высшие классы. Казалось, что и народ-

Продолжение. Начало см.: Военно-истор. журнал. 2002. № 12; 2003. № 2, 3, 6, 8, 9; 2004. № 2.

ные массы обращали к Думе свое надежды и упования.

Государственная дума в тот момент не могла уклониться от той роли, того тяжелого креста, который выпадал на ее долю. Отечество было в страшнейшей опасности, стихийно растущий развал при наличии войны грозил неисчислимыми бедствиями — остановить его было возможно, лишь став во главе течения, и антиреволюционная Дума возглавила революцию.

Это решение Думы, которое теперь представляется многим таким бессмысленным, даже преступным, в те минуты было естественным и неизбежным. Я пришел в Думу в десятом часу вечера. В приемной председателя сидело несколько депутатов, совершенно растерянных. Один А.[А.] Бубликов¹⁶ казался сохранившим присутствие духа и обычную бодрость. Я описал им все, что только что видел на Литейном проспекте: и пожар Окружного суда, и разгром винного склада, высказал опасение приближения полной анархии в городе.

— Подите, расскажите им про все это, — воскликнул Бубликов, указывая на дверь, за которой заседал Временный комитет, — чего они там киснут?

В кабинете председателя большинство членов Комитета сидело за длинным столом, стоявшим посреди комнаты. Милюков вполголоса разговаривал с Шидловским в углу кабинета. Львов нервно ходил взад и вперед. Родзянко сидел на председателемском месте, и на его всегда самоуверенном лице видны были признаки волнения и нерешительности. Приняв извинения за самовольный вход, я сообщил о происходящем в городе и высказал убеждение, что в настоящий момент уже никакой власти в столице не существует.

Некоторые из присутствующих заговорили о необходимости Временному комитету немедленно взять власть в свои руки. Родзянко колебался.

— Господа, — воскликнул он, — что вы мне предлагаете. Ведь, это прямой революционный акт. Разве я могу на это пойти?

Родзянко не решался сделать этот революционный жест в те минуты, когда революция уже шла полным ходом, когда вставшие войска с оружием в руках заполняли улицы, Окружной суд догорал, старая власть исчезла.

Очень короткое время спустя он все же пошел на этот акт, пошел, несомненно, с единственной целью остановить всеобщий развал, уберечь страну от излишних потрясений в минуту грозной опасности, нависшей над ней. Он решился взвалить эту тягчайшую ответственность на свои плечи, руководствуясь исключительно любовью к родине, в глубине души, быть может, сознавая, что его попытки безнадёжны.

Много несправедливых обвинений, оскорблений, клеветы и грязи выпало на его долю впоследствии за то, что он не уподобился большинству своих обвинителей, не укрылся, как они, где-нибудь в подполье, не спрятавшись, а решил действовать так, как его положение и роль в стране к этому вынуждали.

Начались споры. Кто-то посоветовал Караулову обратиться к казакам в качестве представителя казачьего войска в Думе и использовать их для поддержания порядка в городе.

— Я не могу действовать самозванно, — возразил Караулов, — звать казаков я могу лишь от имени организованной власти, а таковой может быть сейчас лишь Временный комитет Государственной думы.

Родзянко начинал уступать: он просил дать ему четверть часа, чтобы спокойно обдумать и обсудить решительный шаг. В это время в кабинет быстро вошел Шидловский, которого только что перед тем вызвали по телефону.

— Господа, — торопливо заявил он, — только что мой племянник, капитан [С.А.] Мещеринов¹⁷, сообщил мне от имени командующего Преображенским полком, что весь их полк, офицеры и солдаты, всецело представляет себя в распоряжение Государственной думы.

Глаза всех снова обратились к Родзянко.

— Что же, Михаил Владимирович, — тихо, но уверенно произнес П.Н.Милюков, — надо решать.

— Хорошо, — воскликнул Родзянко, откидываясь на спинку кресла и с силой ударяя ладонью по столу, — я решил, я беру власть в свои руки, но отныне я требую от вас всех беспрекословного мне подчинения. Александр Федорович, — добавил он, обращаясь к Керенскому, — это особенно вас касается.

— Я очень охотно буду действовать в полном согласии с Временным комитетом Госу-

дарственной думы, — ответил, вставая, Керенский, — но помните во внимание, господа, что я принужден считаться с тем, что сейчас бурлит в бюджетной комиссии.

Взоры многих с недобрым предчувствием обратились в сторону помещения этой комиссии, где в те минуты развивалась и крепла та организация, которой суждено было в ближайшем будущем вступить в борьбу с Думой и, сведя на нет ее значение, играть первенствующую роль во всех событиях последующих месяцев.

По предложению В.Н. Львова я был кооптирован Комитетом и назначен председателем военной комиссии, о которой я еще не имел никакого представления.

Родзянко лично ввел меня в помещение комиссии и заявил о моем назначении.

— Мы ничего не имеем против того, чтобы в нашей среде работал член Государственной думы Энгельгардт, — заявил какой-то бородатый брюнет в шатском, — но причем тут назначение. Мы, может быть, выберем его председателем, может быть, нет — это зависит от членов комиссии и никого больше.

Протест говорившего, это оказался Н.[Д.] Соколов¹⁸, стяжавший впоследствии известность как автор знаменитого приказа № 1¹⁹, был не слишком обоснован, т[ак] к[ак] сама-то комиссия создавалась явочным порядком, и попытка Временного комитета как-то ее организовать казалась естественной. М.В. Родзянко очень решительно заявил, что он не допускает возражений, окружающие зааплодировали, и споров больше не было.

Помещение комиссии было битком набито народом, [так что] трудно было разобраться, кто является ее членом[а], а кто пришел за распоряжениями или разъяснениями. Состав комиссии был самый неопределенный и смешанный. Выполнять секретарские обязанности взялся незнакомый мне штатский с умным и хитрым выражением на безусом лице — это оказался инженер [П.И.] Пальчинский²⁰, впоследствии расстрелянный большевиками по подозрению в подготовке переворота.

Профессор Юрьевич первое время продолжал работать, но скоро уехал.

В комиссию пришел и А.А. Бубликов.

— Ну, что же, Борис Александрович, — сказал он мне, — власть в руки комитет взял, что же теперь предполагается делать?

Я высказал мнение, что нужно прежде всего, чтобы солдатские толпы, бродящие по городу, вернулись в свои казармы, где был бы восстановлен внутренний порядок в частях, рост дальнейшей распушенности грозил окончательной потерей дисциплины.

— Это дело, — согласился Бубликов, — диктуйте приказ, я буду писать.

Под мою диктовку от имени Временного комитета Государственной думы был написан приказ: «Солдатам вернуться в свои казармы. Офицерам восстановить внутренний порядок в частях. Начальникам частей прибыть в Таврический дворец 28 февраля к 11 час[ам] дня за получением распоряжений». Приказ был подписан Родзянкой и отдан в типографию для напечатания.

Был второй час ночи, толпа в Таврическом дворце начинала понемногу редеть. Временный комитет считал необходимым съездить кому-нибудь из членов комитета к преобразенцам, чтобы выйти с ними в непосредственную связь, выяснить, насколько сохранилась у них связь между офицерами и солдатами и могут ли они представить из себя опору для вновь нарождающейся власти. Родзянко предложил ехать мне, и я немедленно отправился в казармы Преображенского полка на Миллионной улице.

В офицерском собрании находилось человек двадцать офицеров с полковником князем Аргутинским-Долгорукиком²¹ во главе. По их рассказам, они в течение всего дня не получали никаких распоряжений ни от своего непосредственного начальства, ни от командующего войсками округа и даже никак не могли связаться с ними по телефону. Все это в связи с картиной происходящего в городе привело их к убеждению, что старой власти в столице не существует, и побудило обратиться в Государственную думу.

Я отвел в сторону князя Аргутинского и, обрисовав ему всю серьезность положения, спросил его, насколько он может рассчитывать на безусловное повиновение солдат.

— У нас в полку офицеры и солдаты составляют одно неразрывное целое, — горделиво ответил мне князь.

Однако, несмотря на уверенные слова командира, в настроении подчиненных ему офицеров чувствовалась подавленность, и события ближайшего дня показали, что ни преобразенцы, ни другие части опоры для власти дать не могли. Не прошло и 36 часов, как преобразенские солдаты привели в Таврический дворец арестованного князя Аргутинского-Долгорукова, и мне понадобилось прибегнуть к хитрости, чтобы освободить его и выпустить с заднего хода.

Около четырех часов ночи Таврический дворец почти опустел. Члены Временного комитета улеглись на скамейках и креслах в кабинете Родзянко. Было едва пять часов, как прибежали меня звать из военной комиссии. Там царил большое волнение: только что принесли из типографии корректуру вышеупомянутого приказа войскам Петроградского гарнизона и оказалось, что он вызвал горячий протест со стороны рабочих. Желание ввести солдат в рамки порядка и дисциплины они рассматривали как попытку приостановить и даже в корне задуть начавшуюся революцию. Впервые брошен был упрек в контрреволюции.

Говорить нечего, что для постепенцев-конституционалистов, членов прогрессивного блока революционных событий было слишком много к утру 28 февраля. В углублении революции они заинтересованы не были. Наоборот, активным представителям общественных групп, мечтавших о социалистической республике, нужно было еще сильнее расшатать устои прежней государственности, прежнего порядка и для того основательной подорвать тот цемент, которым они держались, — дисциплину.

Приказ был захвачен в типографии представителями рабочих и уничтожен. Так печально закончилась одна из первых попыток Временного комитета принять меры к восстановлению порядка в столице.

Утром 28-го было опубликовано воззвание, извещающее население о том, что «при тяжких условиях внутренней разрухи Временный комитет Государственной думы нашел себя вынужденным взять власть в руки для восстановления порядка... Одновременно с этим Комитет обратился с призывом к жителям Петрограда оберегать общественные учреждения и приспособления:

телеграф, водоканчку, электрическую станцию, правительственные места и учреждения, фабрики и заводы». Указывалось на недопустимость посягательства на жизнь и имущество частных лиц...

В своих выступлениях члены Думы особенно настаивали на сохранении порядка. Милюков в 1-м запасном полку говорил, что это единственное условие, которое дает возможность осуществить задачи, стоящие перед страной. Все это были лишь слова, но ведь других средств воздействия в руках новой власти еще не было. Приходилось импровизировать органы власти. Настроенное в Таврическом дворце продолжало оставаться самое напряженное.

Из города доносились вестрели, а вместе с ними неслись слухи об обстреле улиц пулеметами с крыш домов, о выступлениях полиции и пр[очие], хотя фактически революционные толпы нигде сопротивления не встречали. Чаще и чаще приходилось принимать меры, чтобы остановить растущие грабежи и разгромы. Поступали донесения: «Толпа атакует Учетно-ссудный банк...», «громят винный склад...», «обстреливают и рвутся в гос[ударственный] банк...», «хулиганы разбили винный погреб...».

На деле эти атаки и разгромы бывали часто не так страшны, как рисовали донесения и, главное, как они рисовались в Таврическом дворце. Но меры принимать нужно было решительные: приходилось схватывать офицера, студента, штатского, только такого, у которого был не беспомощный, растерянный вид, как у большинства в эти дни, а бодрая физиономия, давать ему соответствующий приказ — две строчки на бланке Гос[ударственной] думы — и указывать задачу, обыкновенно предоставляя самому посланному отыскать способы и средства для исполнения поручения.

И надо сказать, что нашлось немало энергичных и находчивых людей, которые с успехом справлялись с поставленной им задачей и которым столица обязана тем, что анархия с первых дней революции не приняла угрожающих размеров.

В дальнейшем многие из таких лиц, случайно выдвинувшихся на командные роли в минуты смуты, так и остались на своих постах, хоть никакой подготовки

к деятельности на них они не имели. Это было бессмысленно и вполне естественно в то же время: революция, между прочим, и приводила к тому, что весь опытный и подготовленный административный персонал огульно признавался негодным и выбрасывался.

Таким образом градоначальником Петрограда оказался профессор Медицинской академии Юрьевич. Почему? Каким образом? Несомненно лишь потому, что в эти трагические дни он был менее растерян, сохранил большее присутствие духа, чем большинство лиц, окружавших Временный комитет Государственной думы.

Следует отметить, что в первые же часы революции и в солдатских массах были проявления разумного отношения к событиям: появилось воззвание от лица «сознательных солдат» с призывом товарищей к сохранению порядка. От имени военной комиссии я назначил комендантов на вокзалы и в различные районы города и отдал распоряжение не допускать самочинных обысков и отбирания оружия у офицеров. Приказ этот был вывешен на всех вокзалах и на Невском проспекте.

Тем не менее самочинные аресты продолжались, и в Таврический дворец то и дело приводили арестованных членов правительства, генералов, частных лиц, схваченных на улицах и во время обысков, большую часть без причин и без смысла. Государственная дума сочла себя вынужденной заявить, что по ее распоряжению до сего никаких арестов не производилось и что впредь таковые могут производиться не иначе как по особому в каждом случае распоряжению комитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Протопопов Александр Дмитриевич** (1866—1918) — последний министр внутренних дел Российской империи, член Государственной думы III и IV созыва от партии «Союз 17 октября», крупный сибирский помещик и промышленник.

² **Беляев Михаил Александрович** (1883—1918) — генерал от инфантерии. В Первую мировую войну — начальник Генерального штаба, с 1915 г. — помощник военного министра, с января 1917 г. — военный министр.

³ **Хабалов Сергей Семенович** (1858—1924) — генерал-лейтенант. В 1916—1917 гг. — начальник гарнизона и командующий войсками Петроградского военного округа. В дни

Февральской революции 1917 г. пытался подавить массовые выступления рабочих, отдав приказ стрелять по восставшим. 28 февраля был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость, однако вскоре был освобожден Временным правительством.

⁴ **Родзянко Михаил Владимирович** (1859—1924) — крупный помещик Екатеринославской губернии, один из лидеров партии «Союз 17 октября». С марта 1911 г. — председатель Государственной думы; в ходе Февральской революции возглавил Временный комитет Государственной думы; после Октябрьской революции принимал участие в разрывании Белого движения на Юге России. С 1920 г. — в эмиграции.

⁵ **Шульгин Василий Витальевич** (1878—1976) — член Государственной думы нескольких созывов от Волынской губернии. По своим политическим взглядам крайний монархист. В дни Февральской революции вместе с А.И. Гучковым принимал участие в акте отречения от престола Николая II. Сторонник продолжения войны «до победного конца». После Октябрьской революции стал одним из организаторов и идеологов Белого дела. Участник создания Добровольческой армии. С 1920 г. — в эмиграции. В 1944 г., после вступления Советской Армии в Югославию, арестован и осужден. В 1956 г. освобожден из тюремного заключения. Умер в г. Владимире.

⁶ **Львов Владимир Николаевич** — депутат Государственной думы III и IV созыва. Первый глава Временного правительства. После Октябрьской революции — в эмиграции.

⁷ **Дмитрюков Иван Иванович** (1872—?) — крупный помещик, член Государственной думы III и IV созыва. Один из лидеров Республиканско-демократической партии.

⁸ **Шидловский Сергей Илларионович** (1861—1922) — крупный помещик, член Государственной думы II и III созыва.

⁹ **Караулов Михаил Александрович** (1878—1917) — член Государственной думы II и III созыва.

¹⁰ **Коновалов Александр Иванович** (1875—1948) — один из организаторов и лидер думской фракции «прогрессистов», министр торговли и промышленности в первом и третьем составе Временного правительства.

¹¹ **Ржевский Владимир Алексеевич** (1866—?) — член Государственной думы IV созыва.

¹² **Некрасов Николай Виссарионович** (1879—1940) — член Государственной думы III и IV созыва. Левый кадет. Министр путей сообщения во Временном правительстве первого состава, а затем генерал-губернатор Финляндии. После Октябрьской революции работал в Центросоюзе РСФСР и СССР.

¹³ **Чхеидзе Николай Семенович** (1864—1926) — один из лидеров меньшевиков, депутат Государствен-

ной думы III и IV созыва. В феврале—августе 1917 г. — председатель Петроградского совета, после Октябрьской революции — председатель Учредительного собрания Грузии.

¹⁴ **Керенский Александр Федорович** (1881—1970) — адвокат, политический и государственный деятель. В дни Февральской революции 1917 г. — член Временного комитета Государственной думы и заместитель председателя Петроградского совета. В первом составе Временного правительства — министр юстиции, в мае—сентябре 1917 г. — военный и морской министр. С 8 июня — министр-председатель, а с 30 августа — Верховный главнокомандующий. С 1918 г. — в эмиграции.

¹⁵ **Юрьевич (правильно Юевич) Вадим Александрович** (1872—1963) — профессор Военно-медицинской академии. Вечером 27 февраля — председатель военной комиссии Государственной думы, 28 февраля — комендант Таврического дворца. 1 марта назначен временно исполняющим обязанности Петроградского градоначальника.

¹⁶ **Бубликов Александр Александрович** (1875—1941) — инженер-железнодорожник, член Государственной думы IV созыва. Прогрессист. В дни Февральской революции 1917 г. — комиссар Временного комитета Государственной думы. Участвовал в аресте Николая II.

¹⁷ **Мещеринов Сергей Александрович** — в феврале 1917 г. ротный командир Преображенского полка.

¹⁸ **Соколов Николай Дмитриевич** (1870—1928) — социал-демократ (меньшевик), юрист, член исполкома Петроградского совета.

¹⁹ Приказ № 1 от 1 марта 1917 г. по Петроградскому гарнизону был издан Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов по требованию и при участии революционных солдат. Он предусматривал создание во всех воинских частях солдатских комитетов и избрание от солдат и матросов своих представителей в Советы, тем самым ставя их под политический контроль последних. Кроме того, им устанавливался демократический порядок во взаимоотношениях солдат и офицеров. В целом приказ № 1 оказал громадное революционизирующее влияние на армию.

²⁰ **Пальчинский Петр Иакимович (Акимович)** (1875—1929) — инженер. Товарищ (заместитель) министра торговли и промышленности во Временном правительстве. 25 октября 1917 г. — начальник обороны Зимнего дворца.

²¹ **Аргутинский-Долгорукий Константин Сергеевич** — князь. В феврале 1917 г. — командующий запасным составом Преображенского полка.

*Публикация В.А. АВДЕЕВА,
кандидата исторических наук
(Москва)*

(Окончание следует)

О происках Токио в Корее на рубеже XIX—XX вв.

Деятельность русского военного агента (атташе) в Корее на рубеже XIX—XX вв. до сих пор остается одной из неизвестных страниц отечественной истории. Причиной тому послужила утвердившаяся после 1905 года концепция, согласно которой русско-японская война 1904—1905 гг. обернулась катастрофой для России именно из-за неудовлетворительной работы наших военных агентов в Китае, Японии и Корее, ответственных за ведение агентурной разведки на Дальнем Востоке. На долгие десятилетия изучение предвоенного периода становления «бездарной» русской дальневосточной разведки попало в разряд бесперспективных. Немногочисленные труды, затрагивающие эту тему, содержат лишь отрывочные, начиная с 1902 года, сведения о российской разведке на Корейском полуострове. В данной статье сделана попытка восстановить начальный этап агентурной работы в Корее на основе не изученных ранее архивных материалов, большую часть которых составили отправленные в Главный штаб из Сеула в 1898—1901 гг. телеграммы, рапорты и отчеты русского военного агента.

исправно докладывал в Санкт-Петербург генерального штаба подполковник И.И. Стрельбицкий

26 января 1896 года на только что учрежденную должность русского военного агента в Корее был назначен генерального штаба подполковник Иван Иванович Стрельбицкий. Он родился 18 апреля 1860 года в дворянской семье. Первыми ступенями его военного образования стали 2-я Санкт-Петербургская военная гимназия и Николаевское кавалерийское училище. В 1880 году он был зачислен в лейб-гвардии Кирасирский его величества полк. С 1883 по 1886 год Стрельбицкий обучался в

рою, используя материалы, предоставляемые военными ведомствами изучаемых ими государств⁴. Но тогда в Корее не было ни серьезно осведомленной прессы, ни тем более публикуемых статистических и военных отчетов. Предоставляемые корейским правительством материалы содержали либо устаревшие на полвека, либо заведомо ложные данные. Без серьезной проверки нельзя было пользоваться такими источниками, как императорские эдикты, государственный бюджет, таможенные отчеты.

К 100-летию начала русско-японской войны 1904—1905 гг.

Николаевской академии Генерального штаба, а после ее окончания по 2-му разряду служил в Закаспийской области, произвел ряд успешных рекогносцировок в Персии, затем командовал эскадрой в 45-м драгунском Тверском полку. В 1892 году Стрельбицкий, уже подполковник, был назначен штаб-офицером при управлении 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады и прикомандирован к Главному штабу для особых занятий. В течение трех последующих лет он состоял на службе в Приамурском военном округе и, выполняя задания Главного штаба, проводил разведку в Маньчжурии и Корее. За отличие по службе в ноябре 1893 года был награжден орденом Св. Станислава III степени, а в марте 1896 года произведен в полковники⁵.

Исполняя обязанности военного агента в Корее — единственного здесь представителя Военного министерства России, Стрельбицкий состоял при русской миссии в Сеуле и в своей деятельности следовал указаниям российского дипломатического представителя. Согласно международным нормам сведения военно-статистического характера атташе могли получать легально, следя за прессой и специальной литерату-

Добывать необходимую Главному штабу информацию Стрельбицкому приходилось буквально по крупицам в ходе многочисленных разъездов по корейской территории и организации негласной деятельности⁶, которая оказалась для него чрезвычайно сложным делом. В период обучения Стрельбицкого в Николаевской академии Генерального штаба еще не было курса тайной разведки, который включили в программу преподавания только после 1905 года.⁶ Постигать основы секретной работы ему пришлось самостоятельно, действуя на свой страх и риск. Однако Стрельбицкий, изучавший в свое время европейские языки, не владел корейским. До конца 1897 года он так и не смог приступить к изучению местного языка по причине отсутствия в Сеуле человека, говорившего по-русски. Военному агенту также не удалось заполучить ни грамотного переводчика, ни надежных осведомителей⁷. Для изменения ситуации нужны были дополнительные расходы, но самое большее, на что мог рассчитывать Стрельбицкий, это ежегодно выделяемые Главным штабом на негласные расходы в Корее 1200 рублей, что было в 2,5 раза меньше сумм, получаемых русскими военными агентами в Китае и Японии⁸. Это существенно затрудняло разведывательную работу Стрельбицкого. Между тем с 1898 года изменившаяся на Дальнем Востоке ситуация требовала активизации нашей агентурной разведки в Корее.

В РОССИИ в те годы еще не существовало единого координационного центра разведслужбы. Ею занимался Военно-ученый комитет Главного штаба. Основными исполнителями его разведывательных задач в государствах Дальнего Востока были служившие здесь русские военные агенты. До 1900 года вся поступающая от них информация по вопросам региональной стратегической разведки сосредоточивалась в Азиатской части Главного штаба, а затем — в Статистическом отделении части генерал-квартирмейстера².

РОССИЙСКОЕ правительство отказалось тогда от активных действий в этой стране и перенесло центр своей дальневосточной политики в Китай. Отчасти это объяснялось стремлением Петербурга предотвратить действия Японии, которые могли бы помешать выполнению наших задач в Маньчжурии, прежде всего сохранению за Россией незамерзающего Порт-Артура. Уступая Японии в Корее, российское правительство надеялось обеспечить невмешательство Токио в свои маньчжурские дела. Но в стратегическом отношении Корейский полуостров объективно продолжал оставаться тылом Маньчжурии, поэтому Россия намеревалась не допустить установления протектората своей дальневосточной соперницы над Кореей, сохранить там независимое государство при равных с Японией военно-политических позициях в нем. Начавшееся в то время из-за Кореи обострение японо-российских отношений лишь ненадолго приостановил подписанный в апреле 1898 года так называемый Токийский протокол Розена—Ниси. Согласно этому документу Россия и Япония признавали «державные права» Кореи и договаривались о том, что назначение в эту страну военных инструкторов и финансовых советников станет возможным только после предварительного взаимного согласия обеих сторон. В то же время русское правительство обязалось не препятствовать развитию японо-корейских экономических отношений⁹. Этим немедленно воспользовалась Япония, которая не только начала стремительно усиливать свои позиции в торговле, промышленности и финансовой сферах Кореи, но и приступила к реализации своей важнейшей стратегической задачи — превращению Корейского полуострова в свой стратегический плацдарм на случай войны с Россией.

Первые признаки этого процесса, тщательно скрываемого Токио, с 1898 года оказались в центре внимания русского военного агента Стрельбицкого. Ему предстояло выяснить пути «проникновения на материк» Японии и определить степень ее влияния на военную сферу Кореи. Продолжая наблюдение за состоянием корейской армии, Стрельбицкий должен был ускорить исследование территории Кореи как возможного театра военных действий для составления все еще не имевшихся в Петербурге карты и военного описания страны¹⁰.

ПОСЛЕ «ухода» русских из Кореи весной—летом 1898 года произошло заметное охлаждение российско-корейских отношений, что затруднило Стрельбицкому сбор любой информации, даже официальной. Например, в том же году, несмотря на предоставленные корейскими чиновниками необходимые материалы, ему так и не удалось определить количество населения страны точнее, чем от 7 до 15 млн человек. Большую часть данных, поступающих от местных осведомителей, Стрельбицкому приходилось постоянно проверять. Деятельность нашего военного агента сводилась подчас к непрерывной мучительной погоне за крохами сведений, в отчетном отношении часто недостаточно результативной. Между тем сам процесс поиска поглощал массу времени и денег. Секретные агенты Стрельбицкого не имели представления о приемах разведывательной работы, и организация ее шла крайне сложно. Так, в 1898 году русский военный агент прекратил занятия с местными жителями, выбранными им для тайного разведывания японских укреплений на острове Цусима. Дело в том, что небольшие пробные поручения показали непригодность корейцев для этого. Поэтому Стрельбицкий заново начал подбор и подготовку осведомителей, причем не только из местных жителей, но и из находившихся на службе в Корее иностранцев¹¹.

К 1901 году сведения о текущих событиях в стране поступали к Стрельбицкому от некоторого числа «туземных корреспондентов» из различных населенных пунктов и от нескольких секретных агентов в центральных управлениях Сеула, среди которых были и служившие здесь европейцы. В одном из своих рапортов Главному штабу в июле 1901 года Стрельбицкий представил записку о необходимости создания в стране в мирное время более или менее надежной агентуры, которая могла бы собирать и пересылать секретные сведения для русской армии в случае начала военных действий на Корейском полуострове. Он предлагал привлечь к сотрудничеству иностранцев, проживавших в стране в качестве чиновников таможни, инструкторов арсенала, служащих почты и телеграфа. Однако необходимо было не только все умело организовать, но и заранее убедить иностранцев в готовности русской стороны широко оплачивать оказываемые ей негласные услуги. Вознаграждение агентов-японцев, по мнению Стрельбицкого,

должно было стать наибольшим, поскольку риск для них был значительнее. Уже в 1901 году можно было начать подготовку к предстоящей деятельности сразу трех агентов: в Сеуле, Гензане или Пхеньяне и на юге страны. Оплата услуг каждого обошлась бы в сумму около 300—400 рублей в месяц в мирное время и от 500 до 1000 рублей — в военное. Но в Петербурге, видимо, такие затраты посчитали чрезмерными, и предложения русского военного агента об улучшении разведки в Корее так и остались на бумаге¹². Денег, выделявшихся Главным штабом на тайную работу, постоянно не хватало, и Стрельбицкий расходовал на эти цели часть своего жалования. Но и здесь была сложность: выплата сумм, выделяемых русским военным агентам на Дальнем Востоке на полгода вперед, как правило, задерживалась на несколько месяцев¹³.

НО БЫЛИ трудности и другого порядка. С 1898 года Стрельбицкий остро нуждался в помощи по крайней мере двух-трех русских офицеров. Во-первых, для ведения чисто механической работы — черчения, переписки отчетных донесений со всеми чертежами, таблицами и обязательным составлением их беловых копий, отправляемых в русскую миссию в Сеуле, в Главный штаб Приамурского военного округа, куда российские дальневосточные военные агенты в обязательном порядке представляли все полученные разведданные. Во-вторых, из-за большого количества письменной работы не всегда оставалось время для разъездов по Корее, без чего невозможно было составить пригодную для практических военных целей карту страны и описать ее отдельные районы. Иными словами, для съемки территории, превышающей 150 тыс. кв. верст, а также последующих обширных описательных работ Стрельбицкому требовалось полтора-два года, но при обязательном условии — официальном назначении ему переводчика, двух строевых офицеров и топографа¹⁴. С такой просьбой военный агент и обратился в Главный штаб в конце 1898 года. Но из трех офицеров, утвержденных штабом Приамурского военного округа в мае 1899 года в качестве помощников Стрельбицкого, к месту назначения прибыл только один и лишь в июле 1900 года. Переводчик и вовсе не был предоставлен в распоряжение агента¹⁵. В результате он продолжал пользоваться услугами непостоянных и не всегда надежных переводчиков. Таким об-

разом, выполнение любого разведывательного мероприятия занимало у него недели и месяцы.

Такое положение дел не шло ни в какое сравнение с условиями разведслужбы японцев. Они практически не имели проблем с местным языком, а во время японо-китайской войны 1894—1895 гг. отлично изучили особенности ведения боевых действий на корейской территории. Тем не менее с 1898 года Япония сочла нужным иметь в Сеуле военного агента с помощником — офицером генштаба, военно-морского агента и переводчиков с русского, английского, китайского и корейского языков. Но список лиц, работавших в стране для осведомления военно-министерства Японии, был значительно шире: несколько негласно проживавших в Сеуле японских военных, заведующий телеграфом, строевые офицеры японских гарнизонов в Чемульпо, Гензане, Фузане. Последние под руководством своего военного атташе ежегодно выполняли рекогносцировки для составления военно-дорожной карты Кореи. К числу японских агентов относились также служащие ряда полевых жандармских постов, расположенных вдоль главной операционной линии Сеул—Фузан, да и разбросанное по всей территории страны 12-тысячное японское население в силу солидарности и преданности интересам своей родины охотно предоставляло осведомителей¹⁶.

ТОКИО стремился значительно облегчить работу своей многочисленной агентуры в Корее выделением особых секретных фондов, денежных средств на канцелярские расходы, обеспечением бесплатного пользования телеграфом, привлечением надежных переводчиков. Докладывая об этом в Петербург, Стрельбицкий подчеркивал, что японский военный агент не только мог рассчитывать на содействие проживавших здесь соплеменников, но благодаря периодическому получению информации от своего высшего руководства всегда находился в курсе положения дел и в Корее, и во всем Дальневосточном регионе¹⁷.

О подобной заботе со стороны своего правительства Стрельбицкому приходилось лишь мечтать. Приведем только один факт. До конца 1901 года Петербург так и не решил важнейший для него жилищный вопрос. В Сеуле наперечет были не только дома европейской постройки, но и сколько-нибудь сносные корейские фанзы. Безусловно, чтобы создать нормальные условия для работы любого иностранного предста-

вителя, тем более военного, необходимо был отдельный дом. Обходилось это недешево, и российское Министерство финансов посчитало требуемые на эти цели денежные расходы (от 15 до 27 тыс. руб.) слишком значительными. Любопытно, что японское правительство практически сразу построило здесь жилье для своих военного и военно-морского агентов. Стрельбицкий же с 1896 года довольствовался проживанием в гостинице, помещениях русской миссии и сдаваемых в наем фанзах, на ремонт которых уходило от одной до двух недель¹⁸.

Вопреки препятствовавшим ведению разведки обстоятельствам русскому военному агенту все же удалось исследовать северные и северо-западные районы Кореи, Пхеньянский округ, приграничные с Юго-Восточной Маньчжурией территории; провести съемки Сеула, Мокпхо, Мозампхо, Цзиннампхо; составить карты — военно-дорожную, северной и северо-западной частей страны, путей между заливом Посьета, Гирином, Мукденом и Хамхыном; представить в Главный штаб 56 листов и 4 сборных карточки японских маршрутов по Корее с переводом названий на русский и корейский языки¹⁹.

Однако между сбором и обработкой данных проходило от трех месяцев до года. Работа Стрельбицкого затянулась, и вместо давно ожидаемой удовлетворительной карты Кореи Петербург довольствовался ее отдельными фрагментами, которые еще предстояло доработать²⁰.

ПОСЛЕ открытия для иностранцев корейских портов в 1897—1898 гг. под наблюдением русского военного агента оказалось намечаемое в стране Англией, Францией, Германией и Японией железнодорожное строительство. Итогом этой работы была составленная Стрельбицким карта с указанием направлений проектируемых магистральных линий и военного соотношения с железными дорогами Маньчжурии и Японии. Тогда в Петербурге интересовались судьбой железной дороги Сеул—Ичжю, имевшей направление к корейско-маньчжурской границе. Военно-стратегическую характеристику северных участков этой линии Стрельбицкий представил в Главный штаб летом 1898 года. По заключению нашего военного агента, участие в железнодорожном строительстве европейских держав скорее походило на захват прав на постройку дорог в будущем и являлось козвенным средством создания в Корее их сфер интересов. Линии же, которые строили

японцы, Сеул—Чемульпо и Сеул—Фузан, в скором времени должны были оказать особое влияние на ход военных операций на Корейском полуострове, поэтому они стали предметом внимательного изучения со стороны русской агентурной разведки²¹.

Рапорты Стрельбицкого о состоянии корейских вооруженных сил касались вопросов комплектования, устройства, управления и вооружения войск, расходов военного министерства, укрепленных пунктов страны, содержали дислокационные карты²². По мнению русского атташе, армия Кореи с военной точки зрения не представляла серьезного интереса для Петербурга, и в случае начала боевых действий более реальными противниками могли стать природа и население. Военная система страны характеризовалась им как беспорядочное смешение старинных национальных оснований и европейских нововведений. Корея имела войска, принадлежавшие к категории постоянной армии. В 1898 году в стране был введен военный налог, а войска комплектовались путем вербовки, проводимой командирами частей. Продолжительность службы составлялась неопределенной. В некоторых провинциях действовал закон о формировании особых команд милиционеров для охраны порядка.

Освобожденные от части земельных податей и потому не получавшие жалования милиционеры призывались в армию лишь в случае опасности. Единства подходов к обучению войск не наблюдалось: использовались китайский, русский и японский уставы. Что касается численности и состава армии, то, по разведанным января 1899 года, она насчитывала 200 офицеров и 8800 нижних чинов, представляла собой пехоту (две гвардейские бригады, бригада сеульских войск, батальон гарнизонных и восемь батальонов провинциальных войск) и артиллерию (гвардейская рота). Среди воинских частей хорошую подготовку имели обученные русскими инструкторами в 1896—1897 гг. три столичных батальона личной охраны корейского императора²³.

Стрельбицкий отмечал низкую боеспособность корейской армии. Реорганизация высшего военного управления страны лета 1899 года и начавшееся через год переформирование войск, связанное с усилением охраны корейско-китайской границы, не смогли изменить положения. Однако к концу 1901 года корейские войска уже нельзя было назвать

дезорганизованной толпой, какую они представляли собой еще 6—7 лет назад. В армии наблюдались общий подъем духа, сравнительное улучшение внутреннего порядка и строевой дисциплины. Общий ежегодный расход казны на военные нужды значительно возрос, составив около 2,5 млн корейских долларов. Одна восьмая часть этой суммы уходила на покупку за границей разного рода огнестрельного оружия, артиллерийских орудий и боеприпасов. Если раньше большинство провинциальных батальонов было вооружено лишь старинными фитильными ружьями без прикладов, то теперь росло количество воинских частей, имевших оружие иностранного производства, правда устаревших систем²⁴. Но русский военный агент отмечал опасную тенденцию: явным лидером среди всех иностранных держав по поставкам вооружения в Корею становилась Япония.

СВЕДЕНИЯ о военной деятельности японцев на Корейском полуострове срочно потребовались Главному штабу в период проходивших в феврале—марте 1898 года российских—японских переговоров по корейскому вопросу. Сохраняя настороженность в отношении своего партнера в Корее, российская сторона желала знать истинное положение дел. Согласно Сеульскому протоколу 1896 года Япония официально продолжала держать в стране батальон солдат, расквартированный в Сеуле, Фузане, Гензане и Чемульпо, а также имела команды жандармов численностью около 150 человек, охранявшие телеграф по линии Сеул—Фузан. По европейским нормам находившиеся здесь японские отряды больше походили на наблюдательные авангарды, чем на войска, способные противостоять неприятелю во время серьезных осложнений в регионе. Стрельбицкий же докладывал в Главный штаб, что Япония имела все шансы для быстрого изменения такого положения в свою пользу. Она всегда могла рассчитывать на поддержку расположенных в ближайших приморских пунктах своих войсковых резервов и транспортных соединений, способных быстро выдвигаться на территорию Кореи. Русскому агенту удалось узнать, что при проведении японцами секретных операций в Кагошиме расположенный там значительный отряд в 6-часовой срок по тревоге был посажен на суда и, следовательно, в случае необходимости уже через 1—4 суток ока-

зался бы в любом пункте корейского побережья. Его территория уже давно изучалась японскими моряками, под корейским флагом занимавшимися каботажным плаванием между неоткрытыми портами.

При чрезвычайных обстоятельствах особое значение приобретали и безобидные на вид японские отряды жандармов, расположенные в четырех вышеназванных корейских городах. По данным разведки, здесь проживало довольно внушительное количество японских резервистов, раньше срока уволенных с военной службы за обязательство оставаться в Корее, являясь время от времени на строевые занятия. Число таких запасных только в Сеуле и Чемульпо достигало 800 человек. В момент опасности свою страну могло поддержать все японское мужское население, которое уже в 1898 году насчитывало: в Сеуле — 1000, Фузане — 3050, Чемульпо — 2300, Гензане — 750 человек. Обеспечение их необходимым обмундированием и снаряжением не представляло затруднений, так как японцы имели в этих городах свои вещевые склады. Доставка оружия тоже не была проблемой. Тайные осведомители Стрельбицкого выяснили, что вопреки существовавшему запрету на территории расположения сеульского отряда имелись секретно сохраняемые орудия. Особый военный транспорт, специально назначаемый для рейсов между портами Японии, а также Цусимой, Чемульпо и Вэйхайвзем, каждый раз доставлял в Корею известное количество грузов, среди которых находились ящики с оружием и патронами.

ПО ИНФОРМАЦИИ русского военного агента, в случае войны с европейским противником на территории Кореи незначительные на первый взгляд японские гарнизоны вполне могли бы сыграть роль передовых отрядов империи микадо. Уже в 1898 году они были способны держать в повиновении местное население, охранять от внезапного нападения и Сеул, и три наиболее важных с военной точки зрения корейских порта, вести работу с будущими проводниками и переводчиками, готовить здесь необходимые стратегические запасы²⁵.

Стрельбицкий сообщал и о том, что вслед за отзывом из Сеула русских офицеров-инструкторов с весны 1898 года дело дальнейшего устройства корейской армии неофициально переходило в руки японцев. В мае того же года они способствовали учреждению в столице Кореи военного училища. Формально оно находилось вне всякого иностранного влияния, но

в состав курсантов вошли 20 корейцев, с 1896 года обучавшихся в Японии. После «ухода» русских они поспешно вернулись в Сеул. Едва успев за короткое время пребывания в империи микадо приобрести необходимые для унтер-офицеров познания, они вместе с японским языком хорошо усвоили и внешние военные порядки этой страны. Вскоре на корейский язык были переведены японские элементарные руководства, а в местных войсках, за исключением «охранных батальонов», произошло замещение почти всех офицерских вакансий бывшими японскими «учениками». Офицеры-инструкторы из Японии в любое время были готовы приступить к обучению корейских войск²⁶.

При недостатке толковых негласных помощников и дефиците денежных средств Стрельбицкому было непросто наблюдать за японцами, особенно в южных и центральных районах Кореи. Но уже летом 1898 года ему удалось добыть важные материалы о производимых в стране съемках японских топографов и даже наладить контакт с японцами, согласившимися следить за своими соотечественниками — военным и военно-морским агентами и командированными из Токио офицерами²⁷. В марте следующего года секретные корреспонденты Стрельбицкого предоставили ему сведения об устройстве морским министерством Японии систем беспроводного телеграфа на островах юга Кореи, а также отчеты о деятельности японцев в ряде портов страны²⁸.

На уточнение противоречивых и неполных данных у русского военного агента уходило немало времени. Только в 1899 году в связи с запросом штаба Приамурского военного округа Стрельбицкий неоднократно отправлялся в поездки, лично занимался проверкой периодически возникавших тревожных слухов о военных приготовлениях Японии в Мокпхо, Фузане и других пунктах. Такие проверки участились после оккупации русскими войсками Маньчжурии летом 1900 года. В эти дни, опасаясь вторжения ихэтуаней (участников национально-освободительного движения в Китае 1899—1901 гг.) на корейскую территорию, представители русской миссии заговорили о необходимости срочной переброски в Сеул российских войск. Стрельбицкий составил по этому поводу специальную записку, продемонстрировав отличное знание оперативной обстановки на территории наблюдаемой страны. Записка была одобрена в Петербурге. В ней доказывалась малая вероятность подобного собы-

тия и обосновывались невыгоды задуманного ввода в Корею русского военного отряда — это могло заставить японцев поднять корейский вопрос в наиболее неудобное для России время²⁹.

В 1901 ГОДУ одним из основных для агентурной разведки оказался вопрос о помощи японцев в организации сухопутной корейской границы и видах Токио на правый берег реки Ялу. Началась также проверка полученных сведений о якобы подписанном в конце 1900 — начале 1901 года между Кореей и Японией секретном соглашении о совместных действиях на корейской территории в случае войны и о распространении на китайский берег Амнокгана и Тумангана корейского влияния, которое стало бы прикрытием японского. Район был выбран обдуманно: низовья Ялу, участки, удобные для переправы войск и устройства железнодорожного моста. Намерения Японии подтверждались данными Стрельбицкого о заметно участвовавших рекогносцировках японских офицеров в пограничной полосе и появлении здесь большого числа шпионов³⁰.

В целом сведения разведки за 1901 год показывали весьма неблагоприятную для Петербурга картину успешного начала «мирного проникновения» Японии в Корею, особенно в стратегически важные центральные и южные районы.

Остановимся более подробно на службе Стрельбицкого в 1901 году, поскольку в отечественных исследованиях по истории русской агентурной разведки утверждается, что тогда разведывательная работа в Корее вообще не проводилась. При этом дается ссылка на известный документ, согласно которому ввиду «ничтожного» количества донесений, полученных от Стрельбицкого (два рапорта и две телеграммы), начальник Главного штаба генерального штаба генерал-лейтенант В.В. Сахаров признал его работу неудовлетворительной, потребовав объяснений, и приказал впредь ежемесячно представлять в Петербург подробную информацию обо всем происходящем в Корее³¹.

На наш взгляд, такое заключение не совсем справедливо. Во-первых, российское военное руководство хорошо знало о действительных возможностях своего «нерадивого» представителя в Корее, однако с 1898 года постоянно игнорировало не только его сетования на тяжелые условия службы, но и предлагаемые им меры по улучшению ведения здесь разведки. Во-вторых, изученные по теме архивные материалы свидетельствуют о на-

пряженной работе Стрельбицкого.

В ПЕРВОЙ половине года по заданию штаба Приамурского военного округа он составлял карты местности, проверял слухи о провозе японцами по корейской территории военной контррабанды в Манчжурию, проводил статистические работы, собирая сведения о действиях шаек хунхузов (вооруженных китайских бандитов) на корейско-китайской границе. Только по последнему вопросу Стрельбицкий представил по 2 донесения в Главный штаб и русскую миссию в Сеуле, а в штаб Приамурского военного округа — 6 донесений и более 40 копий шифрованных писем и телеграмм, которыми разведчик обменялся со своими тайными осведомителями. С июля по сентябрь по приказанию Главного штаба Стрельбицкий находился в Хабаровске. Вернувшись в Сеул, он организовывал работу офицеров, присланных к нему штабом Приамурского военного округа для исследования Кореи. Переписка со штабом округа по данному вопросу составила дело в 73 номера, но, видимо, руководство штаба не сочло нужным сообщить об этом в Петербург. Кстати, оно же отозвало своих офицеров уже в феврале 1902 года, и изучение страны в военном отношении вновь замедлилось³². Кроме того, отправленные из Сеула отчетные рапорты, как правило письменные, прибывали в столицу не раньше чем через три месяца. Неудивительно, что о результатах работы военного агента за 1901 год в Главном штабе стало известно только в течение 1902 года.

Летом 1902 года военный министр распорядился отозвать Стрельбицкого с места службы, но тот до прибытия своего преемника в течение пяти месяцев исполнял свои прежние обязанности и работал над составлением военно-статистического описания Кореи³³. По возвращении из Кореи Стрельбицкий в 1902—1906 гг. состоял в распоряжении начальника Главного штаба; вышел в отставку в 1912 году в чине генерал-майора.

Итак, несмотря на объективные трудности и отсутствие поддержки со стороны официального Петербурга, русский военный агент И.И. Стрельбицкий, сумев в течение 1898—1901 гг. организовать агентурную работу в Корее, изучил значительную часть ее территории и подготовил отдельные фрагменты ожидаемого Главным штабом картографического материала, исследовал состояние корейской армии и представил высшему руководству доказательства начавшейся в стране военно-политической активизации Японии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Деревянко И.В. Русская агентурная разведка 1902—1905 гг. // Воен.-истор. журнал. 1989. № 5; Русская разведка и контрразведка в войне 1904—1905 гг. Тайны русско-японской войны. М.: Прогресс, 1993; Деревянко И.В., Шаров А. Тайная война. Очерки из истории военной разведки и контрразведки Российской империи XVII — начала XX вв. // Военные знания. 1994. № 5; 1995. № 1; Пак Чон Хе. Русско-японская война 1904—1905 гг. и Корея. М.: Восточная литература, 1997; Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. М.: Изд. дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998.

² Алексеев М. Указ. соч. С. 81, 85.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 4. Д. 37. Л. 3.

⁴ Тайны русско-японской войны... С. 148.

⁵ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 607. Л. 3.

⁶ Деревянко И.В. Русская агентурная разведка... С. 76.

⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 607. Л. 117.

⁸ Там же. Ф. 846. Оп. 4. Д. 37. Л. 63.

⁹ Пак Чон Хе. Россия и Корея 1895—1898 гг. М.: Изд. МГУ, Международный центр корееведения, 1993. С. 129.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 150. Оп. 493. Д. 150. Л. 54.

¹¹ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 60. Л. 123.

¹² Там же. Л. 319—321.

¹³ Там же. Д. 411. Л. 190.

¹⁴ Там же. Д. 60. Л. 119.

¹⁵ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 7.

¹⁶ Там же. Ф. 401. Оп. 5. Д. 60. Л. 117, 118.

¹⁷ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 95. Л. 7.

¹⁸ Там же. Д. 694. Л. 36; Ф. 846. Оп. 4. Д. 37. Л. 104.

¹⁹ Там же. Ф. 401. Оп. 5. Д. 60. Л. 123, 131 об. — 133; Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 8, 9; Ф. 846. Оп. 2. Д. 111. Л. 3, 21.

²⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 321. Л. 43.

²¹ Там же. Д. 96. Л. 4—7, 14.

²² Там же. Д. 694. Л. 18—32, 64—67, 84—96, 100.

²³ Там же. Д. 317. Л. 18—31.

²⁴ Там же. Д. 694. Л. 93—95.

²⁵ Там же. Д. 95. Л. 1—6.

²⁶ АВПРИ. Ф. 150. Оп. 493. Д. 144. Л. 321, 322.

²⁷ РГВИА. Ф. 401. Оп. 5. Д. 60. Л. 132 об.

²⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 8, 9.

²⁹ Там же. Д. 100. Л. 2—5.

³⁰ Там же. Д. 110. Л. 38—40.

³¹ Там же. Д. 319. Л. 13.

³² Там же. Л. 2—5.

³³ Там же. Оп. 21. Д. 3002. Л. 1, 2.

Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат исторических наук
(г. Химки Московской обл.)

«ОТДЕЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ, ВКЛЮЧАЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВЛЕНИЯ, НЕСУТ ДИСЦИПЛИНАРНУЮ И УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ...»

«Военно-исторический журнал» обращался к проблемам создания и работы потребительских (экономических офицерских) обществ и различного рода потребительских коопераций, действовавших в военной среде как до, так и после 1917 года. Сегодня мы предлагаем читателям ознакомиться с проблемами военно-кооперативного строительства на флоте в 30-е годы прошлого века, когда делались попытки реанимации кооперативной системы, существовавшей в РККА и РККФ в начале 20-х годов.

ПЕРВЫМ шагом на пути реформирования военно-кооперативного строительства была попытка передачи военных кооперативов на обслуживание рабочей кооперации. При этом все недвижимое имущество (магазины и склады, заводы и фабрики, мастерские, объекты соцкультбыта и другие предприятия военной кооперации) было передано центральному рабочим кооперативам. Однако сразу же начались различные неувязки, вызывавшие справедливые нарекания личного состава армии и флота. Рабочая кооперация в силу значительно возросшего объема работы и плохого знания потребностей военнотружущих объективно не смогла уделить кооперативному обслуживанию личного состава армии и флота необходимого внимания. Более того, в небольших гарнизонах вообще пришлось закрыть малорентабельные предприятия бытового обслуживания; серьезные затруднения возникли в организации торгового обслуживания личного состава на кораблях, где раньше, как правило, имелись небольшие кооперативные лавки. Таким образом, между схемой, возникшей в умах инициаторов реформы военной кооперации, но не получившей технико-экономического обоснования, и реальной экономикой образовалась огромная дистанция. Такое положение сохранялось до 1930 года, пока не стало совершенно очевидным, что преобразование военной кооперации 1924—

Почему не оправдали себя закрытые военные кооперативы

1925 гг., инициированное Л.Д. Троцким, провалилось: рабочая кооперация не справилась с обслуживанием воинских и военизированных контингентов из-за недостаточности собственных экономических ресурсов и негибкости организационной структуры.

9 июля 1930 года в обстановке строгой секретности состоялось заседание Центральной военно-кооперативной комиссии (ЦВКК), на котором были обсуждены новые задачи военно-кооперативного строительства. Председателю ЦВКК С.М. Буденному было поручено «доложить наркомку — председателю РВС Союза о перспективах работы ЦВКК и в зависимости от директив наркомка решить вопрос как о структуре военно-кооперативных комиссий, так и о дальнейшей их работе»¹.

Через месяц РВС СССР по докладу С.М. Буденного принял постановление, в котором отмечалось, что выполнение «ответственных задач по боевой подготовке частей и соединений РККА и Флота на данном отрезке времени в значительной мере зависит от хозяйственного и бытового обеспечения начальствующего и рядового состава армии. В неменьшей мере зависит от этих условий моральное состояние частей. Поэтому неизмеримо увеличивается ответственность военно-кооперативных комиссий всех ступеней за выполнение возложенных на них... заданий по организации хозяйственного и культурно-бытового кооперативного обслуживания РККА и Флота»². Указав на положительные моменты в деятельности ЦВКК, Реввоенсовет обратил внимание на ряд недостатков, основные из которых заключались в плохом руководстве работой военной кооперации на местах, отсутствии изучения опыта кооперации в иностранных армиях, особенно в полевых условиях, в плохой работе предприятий общественного питания. С целью улучшить положение РВС СССР наметил привлечь к военно-кооперативному строительству сельскохозяйственную, жилищную, промысловую и другие виды кооперации. Общее ру-

ководство деятельностью военных и иных кооперативов по обслуживанию личного состава армии и флота возлагалось на вновь созданное Центральное военно-кооперативное совещание (ЦВКС), в состав которого вошли представители центральных управлений, различных властных структур, в том числе и войск ОГПУ. Естественно, что в своей деятельности ЦВКС должно было руководствоваться решениями партии и правительства и постановлениями РВС СССР.

Делу совершенствования правовой основы военных кооперативов и их взаимоотношений с иными кооперативными организациями должно было послужить «Положение о военно-кооперативном строительстве в РККА и Флоте», однако вопреки ожиданиям оно не внесло существенных изменений в структуру военно-кооперативных органов. Кроме переименования ЦВКК в ЦВКС, новым оказалось только то, что возглавлять главный кооперативный орган стал член РВС СССР, а на местах — члены РВС военных округов³. Что касалось Центрсоюза, то в нем оставался учрежденный ранее военно-кооперативный сектор, то же было и в потребсоюзах на местах⁴.

ТАКИМ образом, новый курс в военно-кооперативном строительстве, взятый в условиях свертывания «новой экономической политики», сплошной, чаще всего насильственной коллективизации крестьянских хозяйств и кустарей, осуществления первого пятилетнего плана и полного огосударствления всех отраслей хозяйства, в том числе и кооперации, перестройки советской торговли, перехода к нормированному снабжению и закрытым формам обслуживания, на деле неминуемо вел к разрушению не только военной, но и в целом общеккооперативной системы.

Впрочем, при жесточайшем контроле государства по-другому и быть не могло. Бесконечные проверки военно-кооперативных распределителей и пунктов общественного питания со стороны партийно-политических и государственных органов не-

изменно вели к свертыванию кооперативной системы. Так, летом 1932 года состоялась проверка военной кооперации в трех военных округах и на Балтийском флоте с целью проанализировать ход выполнения кооперацией постановлений партии и правительства. Подобные проверки часто заканчивались составлением списков неблагонадежных людей, что в те годы равнялось приговору.

Эта тенденция усилилась после обращения в мае 1931 года СНК СССР, ЦК ВКП(б) и Центросоюза с письмом ко всем партийным, советским, кооперативным и комсомольским организациям «О потребительской кооперации», в котором в целях перестройки ее работы на новых началах настойчиво «предлагалось» осуществить ряд мер в области торговли, производства, общепита и заготовок и ставилась конкретная задача превратить кооперативы «в такие же ударные бригады социалистической экономики, какими стали... заводы, фабрики, совхозы и колхозы»⁵. Следуя этим требованиям, президиум Центросоюза 4 июля 1931 года принял постановление «О реорганизации системы военно-кооперативного снабжения и обслуживания начсостава РККА, войск ОГПУ и членов их семей». Принципиально новым и важным в этом документе было решение об организации закрытых военных кооперативов (ЗВК)⁶. Так в военно-кооперативную систему страны вошли 127 ЗВК⁷, представлявших собой специфическую отрасль потребительской кооперации. 45 ЗВК, в том числе и ряд ленинградских, должны были снабжаться непосредственно из фондов Центросоюза⁸.

ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ вновь создававшимися структурами 12 июля 1931 года было утверждено «Положение о военно-кооперативном секторе Центросоюза», значительно расширившее и конкретизировавшее управленческие функции этого органа. Однако 5 апреля 1932 года президиум Центросоюза принял новое постановление «О реорганизации военно-кооперативной системы», согласно которому Военно-кооперативный сектор преобразовывался в Центральное военно-кооперативное управление (ЦВКУ), а в военных округах вновь, как и в 1921—1924 гг., создавались военно-кооперативные управления⁹. Такое управление было создано и в Ленинградском военном округе (ЛВО)¹⁰.

Надо заметить, что новое построение кооперации во главе с ЦВКУ не стало возвратом к системе 1921—1924 гг. Если тогда членство в кооперативах было массовым, то теперь задачи ЦВКУ и ВКУ заключались в обслуживании начальствующего состава. Главным лозунгом работы стало требование: «Закрытые военные кооперативы — только для командиров»¹¹. Почти то же было и во времена офицерских экономических обществ. Для переменного же состава армии и флота в войсковых частях оставались чайные и буфеты, имелся необходимый ассортимент в магазинах и лавках.

Попытаемся рассмотреть суть работы ЗВК на примере деятельности Военно-кооперативного управления морских сил Балтийского моря (ВКУ МСБМ) и ВКУ ЛВО. 4 июля 1931 года в газете балтийских моряков появилось обращение от Пубалта, в котором говорилось: «Политуправление МСБМ, придавая огромное значение делу военно-кооперативного обслуживания начальствующего состава Морских сил (в том числе командиров и сверхсрочников) и их семей, обращается ко всему личному составу, к политоргам, к партийным и комсомольским организациям с призывом оказать активную поддержку и помощь в работе вновь организуемого закрытого военного кооператива».

Кооперативный актив, начсостав, партийные и комсомольские организации обязаны считать своей прямой обязанностью установить массовый общественный контроль за работой военно-кооперативных организаций (распределителей, столовых, культурных, ларьков, буфетов), за работой работников прилавка, за своевременной доставкой товаров, активно бороться со всеми недочетами военно-кооперативного обслуживания, помогая своей личной инициативой и примером как в деле накопления финансовых ресурсов, так и в деле обеспечения высокого качества и гибкости военно-кооперативного обслуживания частей и кораблей и нужд военного потребителя»¹².

Работа по организации ЗВК легла на плечи временного организационного бюро в составе трех человек: Команова, Вахрамеева и Жамова¹³. Оргбюро предстояло принять все воинские распределители, столовые, культурные, часть загородного хозяйства, распределить денежные и товарные фонды, развернуть дополнительную сеть военно-кооперативного обслуживания пайщиков. Вместе с кооперативными уполномоченными и комиссиями надлежало осуществить полное кооперирование военных потребителей и добиться быстрейшего погашения задолженности по паевым взносам, что особенно было присуще военным морякам. В сферу обслуживания будущего закрытого военного кооператива должны были войти «все Военно-морские силы, базирующиеся на Кронштадт и по Южному берегу, Н-ский авиапарк, погранотряд, посты службы связи и наблюдательный форт «Ф»».

Однако работа кронштадтских военных кооперативов долго не налаживалась¹⁴, что вызывало беспокойство в руководящих кругах. При этом серьезным пороком в работе ЗВК считалось отсутствие массовости, хотя изначально она и не предусматривалась, так как кооперативы были предназначены для командного состава.

Главный же недостаток был в другом — в отсутствии финансовой поддержки со стороны государства, но об этом не принято, или, вернее, опасно было и говорить, и тем более писать. Публикации о военной

кооперации в газетах, в частности в «Красном Балтийском флоте» (КБФ), были напрочь лишены экономических выкладок. Даже в газетном отчете на полстраницы о первой кооперативной конференции МСБМ, состоявшейся 18 февраля 1932 года, не было приведено статистических данных. Это и понятно — они были не в пользу ЗВК. Броские газетные «шапки» больше носили административный характер: «У нас есть только бюро ЗВК, а нам нужна работа ЗВК», «ЗВК — боевой участок кооперации», «Организуйте активно масс вокруг ЗВК», «ЗВК должен работать по-новому», «Решительно повернуть ЗВК к задачам боевой подготовки», «Опираясь на массы» и т.п.¹⁵ Но эти самые массы — пайщики — и были как раз слабой опорой из-за скудности собственного бюджета. Массы, сами ожидавшие материальной поддержки от ЗВК, не имели возможности помочь своему кооперативу в накоплении средств, необходимых для организации предпринимательской деятельности. Поэтому было нереально, чтобы ЗВК с их мизерным бюджетом, рассчитанным на паенакопление своих членов, могли решить проблему снабжения военных моряков и их семей. Правления ЗВК выбивались из сил, дабы собрать необходимые для выживания суммы. 20 января 1933 года редакция «Красного Балтийского флота» совместно с оргмассовым сектором ЗВК провела совещание представителей кооперативных бюро частей и кораблей. Были приглашены передовики и отстающие. 28 января редакция поместила отчет об этой встрече. Прямо скажем, далеко не утешительный. За две декады февраля по ЗВК должно было поступить не менее 23 проц. паевых взносов к квартальному заданию, а поступило лишь 15,7 проц. Например, с эсминца «Яков Свердлов» не поступило ни одного рубля паевых взносов и взносов на так называемое спецстроительство¹⁶.

Надо сказать, что ЗВК наталкивались в своей деятельности и на трудности, разрешение которых от них совершенно не зависело, в отличие, например, от сбора паевых взносов. В стране назревала сильнейшая продовольственный кризис, и в этих условиях большое значение придавалось общественному питанию. Чтобы наладить его, нужны были меры не столь административного, сколько экономического характера, однако партийно-государственный аппарат по-прежнему надеялся лишь на разного рода принудительные меры.

В ЦЕЛОМ реорганизационный период (1931—1932 гг.) в военной кооперации был отмечен ухудшением обслуживания военного потребителя. Так, с временной передачей столовой морского комсостава в ЗВК Ленинградского гарнизона обслуживание в ней резко ухудшилось. Не улучшилась работа столовой и после передачи ее в морской ЗВК¹⁷. Корреспондент Шкляр сообщал в газету: «Когда ка-

ют-компания «Южных» артиллеристов реорганизовалась в закрытую столовую ЗВК, питание лишь в первую пятидневку держалось на уровне питания в кают-компаниях, со второй пятидневки столовая начала «скисать». В подтверждение этому он привел такую арифметику. Для столовой осетрина покупалась по 6 рублей за килограмм. Поделенная на 12—14 порций, она продавалась по одному рублю за порцию. Прибыль — 100 проц., но обслуживание оставляло желать лучшего. Молоко в этой столовой стало дороже на 25 проц., а яблоки стоили столько же, сколько в буфете на станции Ориенбаум¹⁸.

Однако время шло, а положение дел в этой области кооперативного строительства не улучшалось. РСФСР требовал максимально перевести военных и членов их семей на общественное питание. И соответствующий сдвиг, хотя и формально, произошел. Если на 1 июля 1931 года в стране имелось 877 военно-кооперативных столовых, через год их стало 2000¹⁹. Значительно увеличившись численно, столовые продолжали оставаться «каменем преткновения» на пути советской системы общественного питания. В них необоснованно завышали цены, образовывались большие очереди и т.п.²⁰

Проблема общественного питания обострялась с выходом войск в лагерь, а морских сил — на учения. «Болезнь» принимала затяжной характер, и нарком обороны был вынужден отреагировать. 6 июля 1934 года К.Е. Ворошилов подписал приказ № 5 «О проведении всеармейского смотра общественного питания в лагерный период». При этом ЗВК отводилась значительная роль, и, как всегда в таких случаях, началась очередная шумная кампания²¹.

Смотру подлежали: столовые начсостава военной кооперации морских сил; самостоятельные столовые начсостава, снабжавшиеся через военную кооперацию; кают-компания кораблей, столовые войсковых частей, вузов и учреждений, существовавшие отдельно от краснофлотских и красноармейских камбузов. Как и положено, были предусмотрены поощрительные премии и т.п. Но конкурс лишь обострил проблему, а не решил ее. Причины недостатков в общественном питании лежали не в руководстве ЗВК, не в заведующих столовыми, не в поварах и калькуляторах, а глубже — в самих противоречиях взаимоотношений государства и потребительской кооперации, в нарушении ее демократических и экономических принципов, в ее полном огосударствлении.

Деятельность ЗВК, как и вся социалистическая экономика, была подчинена строгим плановым началам: план становился законом. В «Положении о закрытых военных кооперативах (ЗВК)» было записано: «Плановые задания, лимиты и директивные указания президиума потребсоюза, в состав которого входит

ЗВК, а также вышестоящих органов потребкооперации для ЗВК являются обязательными и за нарушение их отдельные работники, включая председателя правления, несут дисциплинарную и уголовную ответственность, независимо от мер экономического, в частности, кредитного, воздействия, которые могут быть применимы к таким ЗВК»²².

Планы свыше спускались для всех звеньев системы, вплоть до ЗВК. Это были планы по товарообороту и севу, зяблевой вспашке и животноводству, кролиководству и закладке овощей и фруктов, по паенакоплению и выпечке хлеба, по общепиту и по авансам под товары, по настигу шерсти с коз, овец и верблюдов и по самозаготовкам. Существовали планы и по кооперированию военнослужащих.

До конца 1935 года в стране действовали распределительная система, карточки. В этих условиях жесткими были все плановые задания, в том числе и по самозаготовкам и самозакупкам. Причем особенностью обновленной военно-кооперативной системы стали заготовки только от непосредственного производителя. Какая-либо перекупка товаров, коммерческие операции с кооперативными и государственными организациями, как это практиковалось раньше, не допускались. В торговом обороте ЗВК должно было быть не менее 70 проц. продуктов питания и промтоваров, заготовлявавшихся и закупавшихся на месте²³. Некоторые изъятия из общих правил, принятые в отношении военно-морских ЗВК, ненамного облегчили их положение как государственной хозяйственной единицы.

Таким образом, закрытые военные кооперативы стали последним «аккордом» в деятельности военной кооперации, так и не сказав свое слово в истории.

Разные «оздоровительные» меры государства, и прежде всего перестройка отношений собственности и распределительных отношений, волонтеристское внедрение псевдоколлективистских форм организации труда и быта людей привели в 1935 году к закату потребительской кооперации. Никакие планы, реформы и реорганизации, повседневные напряженные дела закрытых военных, закрытых рабочих кооперативов, замененных отделами рабочего снабжения (ОРСами), не могли заставить возвращаться в нужном направлении партийно-государственный маховик, не считавшийся с исторической практикой зарубежной и отечественной кооперации, уже накопившей к тому времени серьезный опыт товарно-денежных отношений, необходимых для осуществления развития отрасли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 10. Д. 453. Л. 62.

² Там же. Д. 482. Л. 40.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Информ. бюл. Центросоюзов СССР и РСФСР. 1930. № 25—26. С. 424.

⁵ Правда. 1931. 12, 13 мая.

⁶ Информ. бюл. Центросоюзов СССР и РСФСР. 1931. № 17. С. 312, 313.

⁷ Красная звезда. 1932. 26 янв.

⁸ В Ленинградском военном округе было образовано 12 ЗВК: Детскосельский, Красногвардейский, Кречевский, Петергофский, Новгородский, Псковский, Лужский, Ленинградский, Вологодский, Петрозаводский (Пограничный), Петрозаводский (Егерского батальона), Архангельский (ОГПУ). ЗВК Ленинградского гарнизона назывался: «Закрытый военный кооператив войсковых частей Ленинградского гарнизона» (ЛВО) — ЗВК — ВЧ — Ленгарнизона. Морские силы на Балтике входили в закрытый военный кооператив Ленинградской морской базы. Государственный архив Ленинградской области в гор. Выборге (ЛОГАВ). Ф. Р-3569. Оп. 1. Д. 486. Л. 75; Д. 682. Л. 23.

⁹ Информ. бюл. Центросоюзов СССР и РСФСР. 1932. № 12. С. 267, 268.

¹⁰ Моряки создали самостоятельное военно-кооперативное управление морских сил Балтийского моря — ВКУ МСБМ. Его возглавил А.В. Колесников. Управление располагалось там же, где и ВКУ ЛВО, — на улице Герцена (бывшая Морская), д. 3/5. Весь Ленинград на 1933 год. Л., 1933. С. 217.

¹¹ Красная звезда. 1932. 11 апр.

¹² Красный Балт. флот. 1931. 4 июля.

¹³ В сохранившихся документах имеются только фамилии без указания инициалов.

¹⁴ Так, даже в закрытой столовой № 7 штаба морских сил Балтийского моря ее работники ухитрились изготовить 60 обедов, а накормить ими 74 человека // Красный Балт. флот. 1931. 4 июля.

¹⁵ Там же. 4 июля, 19 авг., 10, 13 сент. и др.

¹⁶ Справедливости ради надо отметить, что там, где кооперативная пропаганда в сочетании с административным нажимом была сильнее, там и результаты были выше. Например, коопбюро Артышкылы сумело собрать паевые взносы за IV кв. 1932 года на 217 проц. и на спецстроительство 103 проц. // Красный Балт. флот. 1933. 28 янв.

¹⁷ Кузница. 1931. 29 сент., 19 нояб.

¹⁸ Красный Балт. флот. 1931. 22 сент.

¹⁹ Красная звезда. 1932. 10 июня.

²⁰ Например, С. Галышев и Г. Гайдуков писали в «КБФ»: «Кто дал право ЗВК завышать цены?». В столовой № 2 ежедневно обедали и ужинали от 600 до 1000 человек. На это число имелось всего 160 тарелок. В очереди надо было отстоять 40 минут. Салат вместо 15 копеек отпускался за 40. Мясо приобреталось столовой в Псковской области по 7—9 руб. за килограмм, а порция второго мясного блюда стоила 1 руб. 70 коп. // Красный Балт. флот. 1933. 11 апр.

²¹ Флотская газета давала подборки критических материалов: «Много недостатков в кают-компаниях», «Коротко о столовых», «Грязно, неудобно, невкусно», «За разговорами о культуре забывают об удобствах», «На столовую не похожа», «Недостатки не учтены» и т.п. // Красный Балт. флот. 1934. 17, 26, 28 июля.

²² Информ. бюл. Центросоюзов СССР и РСФСР. 1931. № 20. С. 406.

²³ Красная звезда. 1932. 27 мая.

Ю. В. БРАТЮЩЕНКО,
кандидат исторических наук,
доцент
(Санкт-Петербург)

«ОФИЦЕРСКИЕ СОБРАНИЯ... СПЛОТИЛИ ОБЩЕСТВО ОФИЦЕРОВ, УКРЕПИЛИ КОРПОРАТИВНЫЙ ИХ ДУХ»

ОФИЦЕРСКИЕ собрания в России берут свое начало с петровских ассамблей, неперенными участниками которых являлись обер-офицеры. Лишь много позднее они выделились в самостоятельную организацию, призванную помочь общению и воспитанию офицеров и членов их семей. Так, во второй половине 70-х годов XVIII века по инициативе адмирала С.К. Грейга было создано Кронштадтское морское собрание. На взносы его членов содержался Кронштадтский морской клуб. Аналогичные офицерские клубы имелись и в некоторых пехотных полках, а в 1782 году возник военный клуб в Санкт-Петербурге. В 60-е годы XIX века в столице был образован кружок офицеров, собиравшихся в Петропавловской крепости для изучения военно-технических вопросов. Этому примеру быстро последовали в войсках. Кроме того, во многих частях Варшавского, Виленского, Финляндского и Петербургского военных округов организовывались офицерские собрания. К 1874 году они были открыты почти во всех дивизиях и гарнизонах, а в сентябре 1884-го военным ведомством был принят специальный документ — «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях». Популярный в те годы журнал «Нива» (1898) так характеризовал задачу офицерских собраний: «Офицерские собрания в отдельных частях войск и общие собрания для офицеров того или другого гарнизона введены у нас в начале 70-х годов. Более чем двадцатилетний опыт доказал несомненную их пользу. Они сплотили общество офицеров, укрепили корпоративный их дух и способствовали развитию военного среди них образования... Но офицерские собрания существующего типа все-таки соеди-

Окружной Дом офицеров Ленинградского военного округа

Март 2003 года

няют только офицеров данной части войск и, в лучшем случае, офицеров одного и того же гарнизона. Между тем для процветания вооруженных сил вообще необходимо еще и надлежащее единение между офицерами различных частей, разных родов войск и разных специальностей, единение между офицерами гвардии, армии и флота, так как только такое единение способно в полной мере развивать те чувства братства и товарищества, которые составляют один из залогов боевой силы государства». Вот такое единение и призвано было осуществить Офицерское собрание армии и флота, открывшееся в Санкт-Петербурге в марте 1898 года.

Строительство здания для него началось в сентябре 1895 года на углу Литейного проспекта и Кировской улицы. Здесь городской участок принадлежал военному ведомству и на нем стоял небольшой деревянный одноэтажный дом, примечательный только тем, что когда-то в нем, будучи военным министром, жил сам граф А.А. Аракчев. Строительством руководил отставной инженер-полковник Н.В. Смирнов. Эскизный проект здания разработали профессор инженер-полковник В.М. Иванов и академик архитектуры

А.И. Гоген, детально проработали проект военные инженеры полковник В.К. Гаугер и капитан А.Д. Донченко, конкурсный проект которых был премирован и утвержден Николаем II. Роль консультантов исполнили известные зодчие Г.И. Котов, М.А. Иванов, А.О. Томишко, Л.Н. Бенуа. Общие расходы на строительство составили огромную по тем временам сумму — 1345 тыс. рублей.

Строительство здания продолжалось два с половиной года. Общая его площадь — около 16 тыс. кв. м. Центром композиционного построения служит угловая башня, увенчанная традиционным для средневековой русской архитектуры высоким шатром со шпилем. Облицовка здания выполнена фигурным кирпичом, заказанным за границей. В отделке фасада широко использовалось чугунное литье, главный вход решен в виде мощной гранитной арки. Великолепная парадная лестница из белого эстляндского мрамора. Весьма тщательно продуманы внутренняя планировка, естественное освещение, интерьеры богато украшены лепкой. Оборудование кухни, созданное широко известным тогда заводом «Сан-Галли», к сожалению, до наших дней не сохранилось. Предусматривалась, например,

подача блюд из кухни, расположенной в подвале, на все этажи.

О завершении строительства и открытии Офицерского собрания «Русский инвалид» писал: «В воскресенье 22 марта в высочайшем государя императора присутствии состоялось открытие Офицерского собрания армии и флота... Его императорское величество осматривал все помещения как самого собрания, так и экономического общества офицеров гвардейского корпуса. Прибыв в собрание к 2 часам пополудни, государь император был встречен при входе членами высочайше учрежденной для устройства собрания комиссии. После обзора парадных комнат собрания государь император обошел помещения для приезжающих... интересуясь установленным порядком пользования номерами. Его величество посетил непосредственно прилегающие к собранию апартаменты, предназначенные для знатных приезжих, и библиотеку собрания. Оставшись доволен всем виденным, государь император лично благодарил всех принимавших участие в создании этого нового грандиозного учреждения, а затем в исходе четвертого часа изволил отбыть из собрания».

В рескрипте на имя своего дяди — великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, Николай II высказал свою признательность «за столь блестящее выполнение... многотрудного поручения» и выразил надежду, что новое Офицерское собрание будет способствовать утверждению товарищеского общения между офицерами и послужит «на пользу дорогой моему сердцу единой военно-морской офицерской семьи».

Интересно, что буквально на следующий день после открытия в собрании состоялась первая лекция, на которой присутствовали Николай II, великие князья, высший генералитет, офицеры, среди которых был и А.И. Деникин, в то время слушатель Николаевской военной академии.

«Офицерское собрание армии и флота города Санкт-Петербурга» просуществовало около 20 лет — до осени 1917 года. После Октябрьской революции оно, как один из институтов рус-

ской армии, было упразднено, а в здании разместился центр по организации Красной Армии под названием «Рабоче-Крестьянский дом», председателем совета дома была назначена Е.Д. Стасова.

С 1924 года в здании размещался Ленинградский Дом Красной Армии (ЛДКА). 8 апреля 1944 года, через 2,5 месяца после разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом и полного освобождения города от вражеской блокады, ЛДКА был награжден орденом Красной Звезды.

В 1946 году ЛДКА имени С.М. Кирова переименовывается в Окружной Дом офицеров Ленинградского военного округа. Так он называется и поныне.

Если сравнить основные положения Устава Офицерского собрания армии и флота и положение о Домах офицеров ВС РФ, то главной их задачей было и остается воспитание средствами культуры и искусства у военнослужащих высокой духовности и нравственных качеств, чувства гордости за свое Отечество, за историю России и ее Вооруженные Силы.

Можно с полной уверенностью сказать, что сегодня Окружной Дом офицеров Ленинградского военного округа — крупный центр по организации содержательного и интересного досуга военнослужащих и членов их семей, а также жителей города и его гостей. Здесь работают музей истории войск Ленинградского военного округа, военно-историческое научное общество, детская музыкальная школа, вокальная студия, студия изобразительного искусства, имеются большая библиотека, читальный зал, бильярдная, шахматный клуб, проходят молодежные музыкально-танцевальные вечера, спектакли и концерты, фестивали, творческие встречи и т.п.

Прошло более ста лет с тех пор, как впервые открылись двери этого монументального здания, но по-прежнему оно красиво и величественно и все так же выполняет те задачи, ради которых было построено, — служит делу сплочения общества офицеров.

*Полковник в отставке
М.Я. ТАРАСОВ,
кандидат военных наук
(Санкт-Петербург)*

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

К 60-летию снятия блокады Ленинграда

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ правительством Ленинградской области и Ленинградским государственным университетом имени А.С. Пушкина проведена международная конференция «60 лет снятия блокады Ленинграда и освобождения Ленинградской области».

На пленарном заседании с докладами выступили: ректор Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина доктор экономических наук, профессор В.Н. Скворцов («Последствия вражеской оккупации и восстановление Ленинградской области»); доктор исторических наук, профессор генерал-майор Э.М. Филиппов («Боевые действия советских войск в ходе Ленинградско-Новгородской наступательной операции»); доктор исторических наук А.В. Похилюк («Вклад трудящихся Ленинграда и Ленинградской области в победу над врагом»); доктор исторических наук, профессор Н.Д. Козлов («Истоки патриотизма и мужества защитников населения Ленинграда и области в битве на Ленинградской земле»); доктор исторических наук, профессор М.И. Фролов («Военно-политическое и международное значение снятия блокады Ленинграда»). На конференции состоялись заседания в секциях: «Подготовка к осуществлению Ленинградско-Новгородской операции»; «Жители Ленинграда и Ленинградской области — фронту»; «Роль морального фактора в победе на Ленинградской земле».

* * *

В 30-м ЦНИИ МО РФ прошла научно-методическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения основателя и первого начальника института генерал-лейтенанта инженерно-технической службы З.А. Иоффе. Открыл конференцию начальник главного штаба ВВС генерал-полковник Б.Ф. Чельцов. С докладом о служебном пути З.А. Иоффе выступил начальник института кандидат технических наук генерал-майор А.А. Герасимов. С содокладами выступили: заместитель главного конструктора ОАО «ОКБ имени П.О. Сухого» В.А. Соколов; начальники управлений института полковник А.В. Касаткин; кандидат технических наук полковник А.Л. Гусев; заместитель начальника управления полковник С.И. Почув; начальник научно-исследовательского центра (НИЦ) кандидат технических наук полковник А.Ю. Самарин; заместитель начальника НИЦ полковник П.В. Скидан; ветераны института. На одном из корпусов института была установлена памятная доска, посвященная З.А. Иоффе.

«В ЭТУ ВОЙНУ НАШЕ ОБЩЕСТВО ПОМОГЛО ВСЕМ СЕМЬЯМ ПОГИБШИХ»

**Дамское морское общество
Марии Эссен активно
занималось благотворительностью**

ВСТУПЛЕНИЕ России в войну с кайзеровской Германией в 1914 году было воспринято миллионами подданных Николая II с большим патриотическим подъемом. Не остались в стороне и женщины. Известно, что тысячи сестер милосердия, включая особ императорской фамилии, трудились в госпиталях как на фронте, так и в тылу. Десятки молодых женщин даже участвовали в боях. Впрочем, попытки формирования женских ударных батальонов в конечном счете успеха не имели.

Жены офицеров российского императорского флота, проживавшие в Кронштадте и Петербурге, также не пожелали остаться безучастными к судьбе родины в тяжелую для нее годину Великой — как ее вскоре стали называть — войны. Они решили оказывать помощь семьям моряков «как призванных из запаса, так и состоящих уже на действительной службе». С этой целью была создана благотворительная организация под названием «Дамское морское общество», устав которого начальник Главного управления по делам местного хозяйства утвердил уже 7 августа 1914 года. Состав действительных членов общества определялся «кругом морских дам», т.е. его членами могли быть жены морских офицеров, их матери и дочери.

Учредительницей общества стала супруга командующего Морскими силами Балтийского моря адмирала Н.О. Эссена¹ Мария Михайловна Эссен. Она же предоставила свою квартиру для работы новой благотворительной организации. 4 сентября 1914 года на первом общем собрании членов общества был избран его совет, в который вошли М.М. Эссен (председатель), Н.А. Канина (казначей),

**М.М. Эссен
с детьми:
Марией
(слева),
Юлией
(в центре)
и Антонием
1890-е годы**

Т.А. Бестужева-Рюмина, Р.Л. Глазенап, А.И. Григорова, М.К. Пилкина и др. Секретарем совета стал мужчина — А.А. Литвинов.

Почетными членами «Дамского морского общества» были избраны известные адмиралы: Ф.К. Авелан², М.В. Бубнов³, Р.Н. Вирен⁴, К.Д. Нилов⁵, В.А. Карцов⁶, П.П. Муравьев⁷, А.И. Русин⁸, К.В. Стеценко⁹, а также представители общественности — архитектор А.Н. Бенуа¹⁰, директор Главной физической обсерватории Петербургской академии наук академик князь Б.Б. Голицын¹¹, певица М.И. Горленко-Долина, вдова вице-адмирала С.О. Макарова Капитолина Николаевна и некоторые другие авторитетные лица.

Уже в течение сентября 1914 года благородные цели общества завоевали симпатии «широких морских кругов». В результате этого стал значительным приток пожертвований, а отношение учреждений и лиц, с которыми обществу приходилось

иметь дело, было весьма предупредительным. Вполне естественно, что первыми жертвователями стали члены совета общества и его почетные члены. Так, среди сделавших пожертвования в 1914 году были четверо членов семьи адмирала Н.О. Эссена (всего 53 рубля). Пример своим подчиненным подал морской министр адмирал И.К. Григорович¹², в два приема внесший 400 рублей и ставший позднее почетным членом общества. Другие адмиралы сделали взносы по 25—50 рублей.

28 сентября 1914 года трагически погиб крейсер «Паллада»¹³ и вместе с ним 571 моряк — офицеры и нижние чины. Совет общества решил немедленно оказать «посильную помощь семьям этих жертв». Поток пожертвований в этот период возрос. Были и коллективные взносы: от личного состава линкора «Севастополь» (1000 рублей), от начальника и офицеров 1-й минной дивизии (200 рублей), от

устроителей патриотического спектакля на Ревельском судостроительном заводе (174 рубля), от московского кружка обновления флота (50 рублей) и т.д. Несколько лиц сделали пожертвования анонимно: неизвестный почитатель адмирала Эссена (25 рублей), З.К.З. (20 рублей), «любящая моряков» (2 рубля). Наиболее крупным жертвователем в 1914 году оказался эстляндский губернатор (1000 рублей).

Кроме того, Е.Ф. Ульрих-Лаврецкая и М.И. Горленко-Долина устроили благотворительные концерты, доход от которых составил 6998 рублей. На концерте М.И. Горленко-Долиной были проданы 7 картин А.Н. Бенуа и 1000 открытых писем от г. Иванова из Ревеля, поступивших в фонд общества.

С целью получения сведений о материальном положении семей, потерявших кормильцев, были сделаны срочные запросы в полицейские управления по месту проживания погибших. Нуждавшимся в помощи лицам была произведена выдача пособий от 10 до 50 рублей. Таким образом, в 1914—1915 гг. семьям погибших членов экипажа крейсера «Паллада» было послано пособий на сумму 9535 рублей.

Для привлечения средств на нужды общества изыскивались различные пути. Так, например, по ходатайству Марии Михайловны Эссен Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны¹⁴ выделил 5000 рублей для «оказания помощи семьям моряков, пострадавшим от военных действий и выселяемым по приказанию военного начальства из мест своего жительства».

Всего же до конца 1914 года в фонд общества было собрано 24 215 рублей 70 копеек¹⁵.

ОБЩЕСТВО старалось помочь всем семьям пострадавших и нуждавшихся моряков, ходатайства которых поступали в совет. Так, уже к 1 марта 1915 года на их удовлетворение было выделено 8304 рубля. Кроме того, матросам, уволенным со службы «за ранами, увечьями и болезнями», выдавались пособия от 10 до 30 рублей. Некоторых раненых и больных матросов при содействии лейб-медика А.Ю. Зуева удалось поместить в санатории: четырех — бесплатно, а одного — в ялтинский санаторий «для хронических больных» — за счет общества.

Вице-адмирал Н.О. Эссен
1911 г.

Понятно, что одними пособиями нельзя было постоянно помогать той или иной пострадавшей от войны семье. Поэтому в обществе была разработана и принята система оказания трудовой помощи посредством шитья за плату разного белья из материала, выделявшегося из складом императрицы Александры Федоровны¹⁶. Белье в скроенном виде выдавалось женам запасных. Работа — сшитая рубаха, косоворотка или пара кальсон — стоила 15 копеек. К концу 1914 года было сшито 400 рубашек, столько же косовороток, 680 пар кальсон.

Занималось общество и определением нуждавшихся лиц в приюты, богадельни и учебные заведения, а также «наведением всякого рода справок для чинов флота».

Перед наступлением рождественских праздников у членов общества были приятные хлопоты: необходимо было приготовить подарки для личного состава действующего флота. Специальные пожертвования на это в канун 1915 года составили 1055 рублей, на которые были приобретены теплое белье, кисеты и т.п. Все это было распределено между различными судами флота. В число подарков вошли и 15 кисетов, сшитых воспитанницами женской гимназии Турыгиной в Петрограде.

И в новом, 1915, году благородная деятельность общества продолжалась. Совет его стал количественно меньше (М.М. Эссен, Н.А. Канина, А.Д. Винтер и А.А. Скаловская), но действовал более эффективно.

Этот год оказался очень тяжелым в судьбе Марии Михайловны Эссен. 15 мая 1915 года скорпостижно скончался командующий Балтийским флотом адмирал Н.О. Эссен. Его смерть стала большой утратой для России, для тех, кто знал и ценил Николая Оттовича. Но сильнее других переживала потерю близкого человека Мария Михайловна. Однако она и не помышляла о том, чтобы отойти от руководства созданного ею «Дамского морского общества».

В 1915 году была оказана материальная помощь на общую сумму 3265 рублей 164 семьям моряков минного заградителя «Енисей», торпедированного 22 мая 1915 года в районе о. Оденсхольм германской подводной лодкой «U-26».

24 октября 1915 года в газете «Новое время» было объявлено, что общество «принимает пожертвования в пользу семей нижних чинов, погибших в летних боях Рижского залива». На очереди, в частности, было оказание помощи родственникам экипажа канонерской лодки «Сивуч», погибшей в неравном бою с крейсером и миноносцами противника 6 августа 1915 года. В письме в редакцию газеты «Новое время» Мария Михайловна, в частности, отмечала: «Штаб командующего (Балтийским флотом. — **В.С.**) всегда немедленно высылает нам записки (списки. — **В.С.**) всех погибших нижних чинов, и, таким образом, мы можем с удовлетворением сказать, что в эту войну наше общество помогло всем семьям погибших, начиная с крейсера "Паллада". И далее: «Много трогательных благодарных писем получает общество и со стороны семей погибших, и со стороны самих воюющих, для которых мы, сносясь с местными властями, выхлопатываем все, что возможно»¹⁷.

По-прежнему обширным был список жертвователей. Отметим лишь некоторых. Командир и офицеры линкора «Гангут» внесли 1216 рублей 09 копеек, от земской Алатырской больницы поступило 2 рубля 63 копейки, группа моряков из Одессы прислала 35 рублей,

священник крейсера «Россия» внес 100 рублей, графиня Толстая — 85 рублей.

Но наиболее весомыми в 1915 году оказались взносы княгини М.В. Барятинской¹⁸ «в память капитан-лейтенанта Барятинского И.В.» и 85-летнего адмирала Н.М. Чихачева¹⁹ — по 500 рублей. Офицеры броненосного крейсера «Рюрик» пожертвовали золотую вазу, оцененную Государственным банком в 5739 рублей. В связи с этим общее собрание общества 2 февраля 1916 года единогласно избрало и княгиню, и адмирала своими почетными членами. А в знак благодарности кают-компании «Рюрика» за пожертвование звание почетного члена было решено «предоставить старшему офицеру сего крейсера, по должности, преемственно».

В 1915 году продолжался и пошив белья. В течение этого года женщины-морячки сшили 12 тыс. штук белья, за что общество заплатило им 1731 рубль 40 копеек. За организацию этой работы императрица передала свою благодарность Марии Михайловне Эссен²⁰.

ОПоследующей деятельности «Дамского морского общества» документальных свидетельств обнаружить не удалось. Но нет сомнений в том, что подвижническая работа Марии Михайловны Эссен и ее соратниц продолжалась до середины 1917 года.

По-разному сложились судьбы членов и почетных членов общества в годы Гражданской войны и после ее окончания. Кто-то трагически погиб, следы других затерялись вдали от родины.

Мария Михайловна Эссен заслуживает того, чтобы сообщить о ней те немногие сведения, которые известны. Она родилась в семье коллежского советника Михаила Васильевича и его супруги Юлианы Захаровны, урожденной Кадыан. В «Русском биографическом словаре» можно прочесть, что Захар Иванович Кадыан в 1820 году был назначен помощником директора Императорского фарфорового завода, а в 1836 году стал председателем комиссии по устройству Горы-Горетского института²¹.

10 ноября 1885 года Мария Михайловна вышла замуж за Николая фон Эссена и старалась следовать за ним всюду,

где бы он ни служил. У них было 5 детей. Ольга умерла в младенчестве. Единственный сын Антоний (1888—1917) погиб в Балтийском море, командуя подводной лодкой АГ-14²². О том, что ее младшая дочь Вера будет убита немцами в Петергофе в 1941 году, а дочери Мария и Юлия закончат свои дни в Америке на рубеже 1970—1980-х годов, Мария Михайловна уже не узнала: в конце 20-х годов XX века она скончалась в Ленинграде.

Бывшего председателя «Дамского морского общества» похоронили на кладбище Новодевичьего монастыря в десяти метрах к северу от могилы адмирала С.С. Лесовского и метрах в сорока... от семейного захоронения Эссенов. На могиле Марии Михайловны установлена скромная бетонная раковина и такой же скромный крест. К кресту прикреплена металлическая табличка, по краям потемневшая от времени, с именем погребенной и датами ее жизни: 1860—1928. По другим данным, Мария Михайловна родилась 20 июня 1862 года, а умерла 3 декабря 1929 года.

Наш долг — помнить об этой благородной женщине, судьба которой была неразрывно связана с российским флотом. Учреждением «Дамского морского общества» и самоотверженной работой в нем М.М. Эссен навсегда вписала в историю флота одну из светлых и славных страниц.

**Могилы М.М. Эссен
на Новодевичьем кладбище
Санкт-Петербурга**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Эссен Николай Оттович** (1860—1915) — адмирал (1913). Окончил Морской корпус (1880), Николаевскую морскую академию (1886). Участник русско-японской войны: командовал крейсером «Новик» и линкором «Севастополь», награжден золотым оружием и орденом Св. Георгия IV степени. После войны командовал крейсером «Рюрик» (1906), отрядом минных крейсеров (1906), дивизией эскадренных миноносцев (1906—1908). В 1911—1915 гг. командовал Морскими силами Балтийского моря (Балтийским флотом).

² **Авелан Федор Карлович** (1839—1916) — адмирал (1905). Окончил Морской корпус (1855). С 1878 г. командовал различными кораблями: крейсером «Азия» (1878), клипером «Вестник» (1879—1883), корветом «Рында» (1884, 1886—1890), фрегатом «Светлана» (1885). В 1891—1893 гг. начальник штаба Кронштадтского порта, в 1893—1894 гг. командовал эскадрой в Средиземном море. Помощник начальника (1895) и начальник Главного морского штаба (1896—1903). В 1903—1905 гг. управляющий Морским министерством.

³ **Бубнов Михаил Владимирович** (1859— после 1930) — вице-адмирал (1912). Окончил Морской корпус (1880), Минный офицерский класс (1891) и Николаевскую морскую академию (1894). Командовал миноносцами (1897—1902), минным крейсером «Всадник» (1902—1903), канонерской лодкой «Бобр» (1903—1904). В период русско-японской войны командовал отрядом миноносцев, за храбрость при обороне Порт-Артура награжден золотым оружием. В 1907—1908 гг. командовал линкором «Андрей Первозванный». С 1908 г. служил в Главном управлении кораблестроения и снабжения. В 1911—1915 гг. товарищ морского министра. После 1917 г. проживал за границей, где и скончался.

⁴ **Вирен Роберт Николаевич** (1856—1917) — адмирал (1915). Окончил Морской корпус (1878), Минный офицерский класс (1884) и Николаевскую морскую академию (1899). В 1891—1894 гг. преподавал минное дело великому князю Георгию Александровичу. С 1896 г. командовал минным крейсером «Посадник» (1896—1897), учебным судном «Верный» (1898—1899), броненосцем «Стрелец» (1900), крейсером «Баян» (1902—1904). За доблесть в русско-японской войне награжден золотым оружием и орденом Св. Георгия IV степени. Руководил уничтожением кораблей перед сдачей Порт-Артура. Младший флагман Черноморского флота (1905—1906), командир учебно-артиллерийского отряда на Балтике (1906). В 1907—1908 гг. исполнял должность главного командира Черноморского флота и портов Черного моря, в 1908—1909 гг. член Адмиралтейств-совета. В 1909—1917 гг. главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. Убит матросами в дни Февральской революции 1917 г.

⁵ **Нилов Константин Дмитриевич** (1856—?) — адмирал (1912). Окончил Морской корпус (1875). В составе Гвардейского экипажа участвовал в русско-турецкой войне (1877—1878). С 1878 г.

командовал различными кораблями: миноносной «Палица», яхтой «Стрела» (1894—1899), крейсером «Светлана» (1899—1903). В 1903—1905 гг. командовал практическим отрядом обороны побережья Балтийского моря. С 1905 г. командир Гвардейского экипажа, затем флаг-капитан Николая II. С 1917 г. в отставке.

⁶ **Карцов Виктор Андреевич** (1868—1936) — вице-адмирал (1916). Окончил Морской корпус (1889). Командовал миноносцами «Решительный» (1901—1902) и «Властный» (1903—1906). В период русско-японской войны, 20.12.1904 г., на «Властном» прорвался из Порт-Артура в Чифу с секретными документами и знаменами. Награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1907—1908 гг. командовал эсминцем «Генерал Кондратенко», в 1908—1910 гг. — учебным судном «Хабаровск». В 1910—1913 гг. военно-морской агент в Испании, Бельгии, Франции и Португалии. В 1913—1914 гг. командир крейсера «Аврора» и исполняющий должность директора Морского корпуса (утвержден в должности в 1916 г.). С 1917 г. в отставке. В 1930—1932 гг. находился в тюрьме «Кресты» (Ленинград), после чего был выслан в Архангельск, где и умер. Был женат (с 1909 г.) на дочери адмирала И.К. Григоровича Марии (1885—1963).

⁷ **Муравьев Петр Петрович** (1860—1940) — адмирал (1916). Окончил Морской корпус (1882), гидрографическое отделение (1886) и курс военно-морских наук (1898) Николаевской морской академии, Минный офицерский класс (1891). В 1896—1898 гг. командовал канонерской лодкой «Мина», затем являлся флагманским минным офицером штаба начальника эскадры Тихого океана. С 1901 г. старший офицер эскадренного броненосца «Наварин». Командовал миноносцем «Прозорливый» (1902—1903), учебными судами «Африка» (1904—1906) и «Европа» (1907). С 1907 г. помощник начальника, с 1909 г. — начальник учебного минного отряда Морских сил Балтийского моря. Начальник Главного управления кораблестроения (1911—1914). Товарищ морского министра (1915—1917). Похоронен в Париже.

⁸ **Русин Александр Иванович** (1861—1956) — адмирал (1916). Окончил Морской корпус (1882), Николаевскую морскую академию (1888) и Артиллерийский офицерский класс (1896). В 1899—1904 гг. военно-морской агент в Японии. В 1906—1907 гг. командовал линкором «Слава». В 1907—1908 гг. исполнял обязанности помощника начальника Главного морского штаба. В 1908—1913 гг. директор Морского корпуса. В 1913—1914 гг. начальник Главного морского штаба, в 1914—1915 гг. — начальник Морского генерального штаба. В 1916—1917 гг. начальник морского походного штаба Ставки Верховного главнокомандования. После Октябрьской революции (1917 г.) находился в эмиграции, являлся председателем Всезарубежного объединения русских морских организаций. Умер в Касабланке (Марокко).

⁹ **Стеценко Константин Васильевич** (1862—?) — адмирал (1916). Окончил Морской корпус (1881), Минный офицерский класс и Николаевскую морскую академию (1896). В 1900 г. командовал пароходом «Онега». Являлся флаг-капи-

таном: штаба начальника эскадры Тихого океана (1900—1902), штаба командующего соединенным практическим отрядом обороны побережья Балтийского моря (1903), штаба командующего флотом Тихого океана (1904). В 1905—1908 гг. командовал крейсерами «Аскольд» и «Рюрик». В 1908—1909 гг. начальник штаба соединенных отрядов Балтийского моря. В 1911 г. командовал бригадой крейсеров Морских сил Балтийского моря. В 1911—1913 гг. командующий Сибирской флотилией. В 1913—1914 гг. состоял при морском министре. В 1914—1917 гг. начальник Главного морского штаба. С 1917 г. член Адмиралтейств-совета, с июня 1917 г. в отставке.

¹⁰ **Бенуа Александр Николаевич** (1870—1960) — художник, историк искусства и художественный критик. Идеолог «Мира искусства». Художественный руководитель «Русских сезонов» (1908—1911), режиссер Московского художественного театра (1913—1915). С 1926 г. жил во Франции.

¹¹ **Голицын Борис Борисович** (1862—1916) — князь, физик и геофизик, один из основоположников сейсмологии, академик Петербургской академии наук (1908). Окончил Морской корпус и Николаевскую морскую академию. В 1913—1916 гг. начальник Главной физической обсерватории Академии наук и член конференции Николаевской морской академии.

¹² **Григорович Иван Константинович** (1853—1930) — адмирал (1911). Окончил Морской корпус (1874). В 1875—1888 гг. служил на кораблях Балтийского флота. В 1888—1889 гг. флаг-офицер штаба начальника эскадры Тихого океана, затем служил на различных кораблях в должностях старшего офицера и командира. В 1896—1898 гг. морской агент в Англии. В 1899—1903 гг. командовал эскадренным броненосцем «Цесаревич», который после постройки привел из Тулона в Порт-Артур. В период русско-японской войны командир Порт-Артурского порта. В 1905 г. начальник штаба Черноморского флота и портов, в 1906—1908 гг. командир порта императора Александра III (Ливава), в 1908 г. главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. В 1909—1911 гг. товарищ морского министра, в 1911—1917 гг. — морской министр. С 1917 г. в отставке. С 1924 г. проживал во Франции, умер в Ментоне.

¹³ Броненосный крейсер 1 ранга «Паллада» (построен в 1905—1911 гг. в Петербурге) в начале Первой мировой войны активно действовал в составе 1-й бригады крейсеров Морских сил Балтийского моря. 26 августа 1914 г. совместно с крейсером «Богатырь» и миноносцами участвовал в захвате германского крейсера «Магдебург», севшего на мель у о. Оденсхольм. 28 сентября 1914 г. был атакован германской ПЛ U-26 и погиб со всем экипажем.

¹⁴ **Татьяна Николаевна** (1897—1918) — великая княжна, вторая дочь Николая II. С 1911 г. шеф 8-го Вознесенского уланского полка. С 1914 г. сестра милосердия в Царскосельском госпитале, возглавляла комитет, проводивший благотворительную работу среди гражданских беженцев. После революции 1917 г. арестована и расстреляна вместе с другими членами императорской семьи.

¹⁵ Отчет «Дамского морского общества» за 1914 г. Пг., 1915.

¹⁶ **Александра Федоровна (Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, четвертая дочь великого герцога Людвига IV Гессенского и Рейнского)** (1872—1918) — супруга российского императора Николая II. Шеф Уланского, 5-го Александрийского гусарского, 21-го Восточно-Сибирского стрелкового и Крымского конного полков. После начала Первой мировой войны возглавила Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших. Работала сестрой милосердия в Царскосельском госпитале. После Февральской революции 1917 г. арестована и впоследствии расстреляна в Екатеринбурге с мужем и детьми.

¹⁷ **Поселянин Е.** Наш долг Балтийскому флоту // Новое время. 1915. 24 окт.

¹⁸ **Барятинская Мария Владимировна** (1851—?) — княгиня, дочь генерал-лейтенанта В.И. Барятинского (1817—1875). После смерти первого мужа, А.А. Извольского (ум. в 1884 г.), вышла замуж за своего двоюродного брата — морского офицера князя И.В. Барятинского.

¹⁹ **Чихачев Николай Матвеевич** (1830—1917) — адмирал (1892). Окончил Морской корпус (1848). В 1851—1853 гг. участвовал в Амурской экспедиции Г.И. Невельского. Во время Крымской войны (1853—1856) участвовал в отражении нападения англо-французской эскадры на Камчатку (1855), являлся начальником штаба Сибирской флотилии и портов Тихого океана. Командовал пароходом «Америка» (1857—1858), корветом «Воль» (1858—1859), фрегатом «Светлана» (1860), пароходофрегатом «Смелый» (1861). С 1862 г. директор Русского общества пароходства и торговли. В период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. начальник морской обороны Одессы. В 1884—1888 гг. начальник Главного морского штаба. В 1888—1896 гг. управляющий Морским министерством. С 1896 г. член Госсовета, в 1900—1906 гг. председатель Департамента промышленности, науки и торговли.

²⁰ Отчет «Дамского морского общества» // Морской сборник. 1916. № 4. С. 1—15.

²¹ В 1840 г. в имении Оршанского, около местечка Горки Могилевской губернии, была основана Горы-Горская земледельческая школа в составе высшего и низшего отделений (разрядов). В 1848 г. преобразована в Горы-Горский земледельческий институт (первый в России государственный сельскохозяйственный вуз). В 1864 г. институт был переведен в Петербург. В 1919 г. восстановлен в Горках и в 1925 г. переименован в Белорусскую сельскохозяйственную академию (в 1940 г. награждена орденом Трудового Красного Знамени) / Русский биографический словарь. 1897. Т. 8.

²² Летом 2003 г. шведские водолазы обнаружили ПЛ АГ-14 на глубине более 100 м в районе острова Готска-Санден / Норченко А. Еще одна тайна балтийского дна // Флот. 2003. 18 сент.

**Капитан 1 ранга
В.Г. СМЕРНОВ,
кандидат исторических наук
(Санкт-Петербург)**

СОЗДАТЕЛИ РАРИТЕТОВ ОТЕЧЕСТВА

А.В. Висковатов и Л.А. Верховцев —издатели уникального труда по истории обмундирования и вооружения русской армии

АЛЕКСАНДР Васильевич Висковатов (1804—1858) родился в Санкт-Петербурге, окончил 1-й кадетский корпус (1824). С 1824 года служил в артиллерии, затем в гидрографическом депо Морского министерства, с 1829 года — в ведомстве военно-учебных заведений. Александр Васильевич был одним из самых квалифицированных специалистов в области военного обмундирования и снаряжения, истории воинских частей.

К 100-летию 1-го кадетского корпуса А.В. Висковатов составил очерк по истории этого учебного заведения. Труд вызвал интерес у императора Николая I, и он поручил Александру Васильевичу составить «Историческое описание одежды и вооружения российских войск». Результатом огромной работы по изучению множества источников и архивных документов явилось фундаментальное исследование, содержащее более 4000 иллюстраций и охватывающее период с 862 по 1841 год. Хотя труд называется «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», в нем содержатся интереснейшие сведения и о гражданской одежде. Издание являлось собственностью Военного министерства и в торговлю не поступало. Вскоре оно стало библиографической редкостью.

Это издание представляет огромный интерес не только для историков, как научный материал, но и вообще для лиц, интересующихся историей развития вооруженных сил России и изменениями в их обмундировании и вооружении. Оно представляет собой уникальную монографию, сочетающую в себе огромную художественную и познавательную ценность.

«Историческое описание...» было отпечатано литографическим способом в Военной типографии Генерального штаба на хорошей бумаге. Каждый том, напечатанный на больших лис-

тах, состоял из двух частей. Одна часть представляла собой комментарии о происхождении форм обмундирования и снаряжения, в ней давались ссылки на документы, вводящие их в обиход, объяснялись устаревшие термины. Комментарии были напечатаны крупным, красивым шрифтом и украшены изящными заставками и виньетками. Вторая часть состояла из выполненных на отдельных листах рисунков к историческому описанию форм одежды с объяснениями к ним. Издание интересно еще и тем, что каждый выпуск предваряет портретная галерея царственных особ соответствующего исторического периода. Совсем небольшая часть тиража вышла в цветном варианте, причем иллюстрации были раскрашены вручную.

В 1843 году труд А.В. Висковатова был удостоен Демидовской премии. Он являлся тем редким изданием, которому в 12-й раз присуждалась эта награда, учрежденная на средства крупного землевладельца и заводчика П.Н. Демидова. Премия присуждалась Петербургской академией наук в 1831—1856 гг. за публикации трудов по науке, технике, искусству и считалась наиболее почетной наградой в России.

В полном виде издание встречалось редко уже в XIX веке. «В начале XIX века полный комплект с нераскрашенными иллюстрациями оценивался до трех-четырёх тысяч рублей, отдельные тома с раскрашенными рисунками — от 300 до 800 рублей»¹.

Не умаляя труда и заслуг А.В. Висковатова в исследовании преобразований в обмундировании, вооружении и снаряжении российской армии, некоторые историки отмечают, что в его монографии встречаются неточности и ошибки².

В 1899—1902 гг. Главным интендантским управлением в типографии В.С. Балашева было напеча-

тано 2-е издание труда А.В. Висковатова о форме одежды и обмундировании. Оно в отличие от прижизненного было сброшюровано в книги обычного формата. Часть тиража вышла в твердом переплете, а часть — в мягком. На титульном листе издания было указано, что оно составлено по высочайшему повелению государя императора, а на обороте отмечалось, что «перепечатано под наблюдением управляющего делами технического комитета Главного интендантского управления тайного советника Верховцева с первоначального издания (за его полным израсходованием, которое было напечатано в Петербурге в Военной типографии в 1841 г.)».

Издатели имели в виду, что не осталось тиража 1-го издания массового пользования, а несколько экземпляров, в том числе цветных, имеются только в собраниях библиотек и частных коллекциях. Один из выпусков с цветными иллюстрациями сохранился в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Управляющий делами технического комитета Главного интендантского управления, который занимался изданием 2-го выпуска труда А.В. Висковатова, Леонид Аполлонович Верховцев (1843—1903)³ окончил Императорский Московский университет со степенью кандидата естественных наук и был определен на службу по Военному министерству с назначением в комиссию для введения по комиссариатской и провиантской частям технических усовершенствований (1863 г.).

Впоследствии Верховцев переводится в Главное интендантское управление, где и работает до самой смерти. Человек неуемной энергии, он всю жизнь занимался совершенствованием обеспечения российской армии продовольствием, обмундированием и снаряжением, находясь на различных должностях в техническом комитете Главного интендантского управления и будучи в дальнейшем его управляющим. Леонид Аполлонович Верховцев изучал иностранный опыт, благодаря его стараниям и деятельному участию Военное министерство блестяще пред-

ставляло экспозиции военного отдела на всемирных выставках в Вене, Лондоне, Филадельфии, Париже и других городах. Он был членом особых комиссий для установления новой формы обмундирования гражданских чинов, военного и морского ведомств, отставных генералов, штаб- и обер-офицеров. Кроме того что под его руководством было проведено переиздание труда А.В. Висковатова, техническим комитетом с его помощью в Военной типографии Главного штаба осуществлялось издание продолжения описания изменений в обмундировании и снаряжении российской армии, происшедших после смерти последнего. Так, с 1856 по 1880 год издавались «Перемены в обмундировании и вооружении войск Российской Императорской армии с восшествия на престол Государя Императора Александра Николаевича, составленное по высочайшему повелению». Вышло 110 выпусков крупноформатных листов с цветными иллюстрациями. С 1885 года начали выходить выпуски «Иллюстрированного описания перемен в обмундировании и снаряжении императорской армии». На титульном листе указывалось, что «Иллюстрированное описание...» представляет собой продолжение издания, печатавшегося по высочайшему повелению с 1841 и с 1862 гг. Дополнительные выпуски повторяли издание А.В. Висковатова в плане изложения материала и также состояли из двух частей: комментариев и ссылок на документы к переменам в обмундировании и снаряжении и отдельных листов иллюстраций к ним.

К сожалению, установить авторов, создавших дополнительные выпуски описания перемен в обмундировании и снаряжении российской армии по изданиям не представляется возможным, так как они в них не упоминались. Впрочем, нет ссылок и на авторство А.В. Висковатова в его первом издании, и лишь информация М. Устрялова⁴ и статьи в энциклопедиях⁵ подтверждают это.

В советское время, в 1944—1948 гг., в Новосибирске был напечатан тираж «Исторического описания одежды и вооружения» А.В. Висковатова с черно-белыми иллюстрациями, повторяющими формат и вид 1-го издания.

КРОМЕ этого труда из-под пера А.В. Висковатова вышло большое количество работ по истории российской армии, флота, полков, а также ста-

тей в различных периодических изданиях, он написал множество биографий выдающихся военных деятелей. Составленная им хроника войск российской армии была издана в 1837 году и охватывала историю воинских частей, начиная с Преображенского полка⁶. Александр Васильевич внес значительный вклад в создание «Военно-энциклопедического лексикона» Зедделера и «Энциклопедического лексикона Плюшара». Вместе с А.И. Михайловским-Данилевским он создавал военную галерею Зимнего дворца. А.В. Висковатов подготовил текст для военно-хронологических надписей на стенах Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца.

Творческое наследие А.В. Висковатова, его жизнь и деятельность заслуживают внимания и современного осмысления. Пришло время переиздать некоторые работы этого замечательного военного историка.

Труды А.В. Висковатова: «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», «Краткая история 1-го кадетского корпуса», «Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия», «История Кавалергардов Кавалергардского полка с 1724 по 1 июля 1851 г.» (на книге автор не указан), «Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка» (на книге автор не указан), «Хроника российской армии».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лаврук П.П. Военная типография императрицы Екатерины Великой (1776 г. — 1998 г.). Машинопись. С. 10—11.

² Русский инвалид. 1901. № 182. С. 4; № 192. С. 6—7; № 199. С. 5; № 229. С. 4.

³ 100-летие Военного министерства. СПб., 1909. Т. III. Отд. 5. С. 595, 856—858.

⁴ Академия наук: 12-е присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. СПб., 1843. С. 73—85.

⁵ Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 6. С. 529.; Военная энциклопедия. Изд. И.Д. Сытина. СПб., 1912. Т. 6. С. 412.

⁶ Военная энциклопедия. Изд. И.Д. Сытина. Т. 6. С. 412.

Е.К. СМЕРНОВА,
*заведующая исторической
библиотекой
Таврического дворца
(Санкт-Петербург)*

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Бэйли Д., Кондрашев С., Мерфи Д. **Поле битвы — Берлин** / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2002. 541 с.

Бояджи Э. **История шпионажа.** В 2 т. / Пер. с итал. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 1. 542 с., ил.

Щит и меч российской государственности / Сост. С.И. Бойко, В.А. Бакурский, А.П. Трегуб и др. Саратов: Издат. центр. гос. социально-экон. ун-та. Летопись, 2002. 342 с., ил.

Военная мысль античности: Соч. древнегреч. и визант. авторов / Сост. К. Королева. М.: АСТ; Terra Fantastica, 2002. 665 с.

Димов В. **Кульмский крест. Очерки Пруссии, Польши и Остзейской России.** М.: Издат. дом Никиты Михайлова, 2002. 351 с.

Крейзе Энно Э. **Политика Меттерниха. Германия в противоборстве с Наполеоном 1799—1814 гг.** Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002. 381 с.

Мэхэн А.Т. **Влияние морской силы на историю 1660—1783.** М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. 634 с.

Шацилло В.К. **Первая мировая война 1914—1918. Факты. Документы.** М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 477 с.

Боевые награды Германии 1933—1945 / Сост. Г.В. Пятов. М.: Профис, 2002. 156 с., ил.

Борковский М. **Мидуэй 1942** / Пер. с польск. М.: АСТ, 2002. 175 с., ил.

Дальневосточный финал. Историко-мемуар. и док. материалы о разгроме империалист. Японии в 1945 г. / Сост. А.А. Павлов, В.П. Глебов, В.В. Игнатьев. Самара: Самар. Дом печати, 2002. 335 с., ил.

Залесский К.А. **Кто был кто в Третьем рейхе.** Биогр. энцикл. словарь. М.: АСТ; Астрель, 2002. 938 с., ил.

Кеннан Д. **Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана** / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002. 477 с.

Корти Э. **Немногие возвратившиеся. Зап. офицеры итал. экспедиц. корпуса 1942—1943 гг.** / Пер. с итал. М.: Центрполиграф, 2002. 313 с.

(Окончание на с. 60)

ЗЕМСКАЯ МЕДИЦИНА НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

До Октябрьской революции 1917 года медицинское обслуживание населения в России осуществлялось как в частном порядке, так и фабрично-заводскими, железнодорожными и земскими медицинскими учреждениями, подчинявшимися медицинскому департаменту МВД, Медицинскому совету и Управлению главного врачебного инспектора, а в регионах — губернской администрации. Взаимодействуя с губернскими и уездными управами и губернским врачебным инспектором, бесплатная и общедоступная земская медицина внесла серьезный вклад в развитие народного здравоохранения. Настоящий материал посвящен вкладу земской медицины России, в частности Самарской губернии, в оказание помощи раненым в годы Первой мировой войны.

ЗЕМСТВО, как исторически сложившаяся культурно-общественная организация, наиболее приближенная к народу по духу и формам своей работы, было создано в 1864 году при непосредственном участии центральной власти, органов местного самоуправления и «третьего элемента» — земской всесословной трудовой интеллигенции. Деятельность земских организаций контролировалась Министерством внутренних дел через медицинский, хозяйственный и финансовый департаменты¹. Кстати, последний выделял бюджетные ассигнования на принадлежавшие земству лечебные заведения, где в годы Первой мировой войны находились на излечении раненые и больные солдаты и офицеры.

Земская медицинская служба имела довольно широкую сеть лечебных заведений: губернские, сельские и участковые больницы и амбулатории, приемные покои, врачебные и фельдшерские пункты. С началом Первой мировой войны в губерниях и уездах на ба-

зе существовавших больниц стали открываться госпитали и лазареты, куда направляли прибывавших из действующей армии раненых солдат и офицеров.

О количестве раненых исследователи приводят разные сведения. Так, по одним данным, насчитывалось 3 940 000 раненых солдат и офицеров, по другим — с августа 1914 по сентябрь 1917 года в России имелось 3 748 699 раненых и контуженых воинов, 65 158 солдат и офицеров были отравлены газами, 5 069 920 человек страдали различными недугами². В целом же потери были весьма велики: имеются сведения, что в Первую мировую войну численность населения страны сократилась на 11,7 проц., что равнялось 12 млн человек³. Для сравнения: в ходе русско-японской войны 1904—1905 гг. погибли 24 844 и получили ранения 151 944 человека⁴.

ОСНОВНАЯ тяжесть по оказанию медицинской помощи больным и раненым воинам легла на плечи врачебного и обслуживающего персонала Всероссийского земского союза, созданного 30 августа 1914 года, спустя месяц после состоявшегося Всероссийского съезда представителей губернских земств в Москве. В данный союз вошли, за исключением Курской губернии и области Войска Донского, все губернские земства, которые выделили 12 млн рублей для устройства лазаретов и госпиталей. К 1 июля 1916 года капитал союза уже составил 110 млн рублей, а под его патронатом находилось 4000 госпиталей на 210 тыс. коек.

В феврале 1915 года Всероссийский земский союз был принят под флаг Красного Креста. Его права постепенно расширялись, в общей системе государственных учреждений империи ему было отведено определенное место.

Раненые и больные поступали в земские лечебные учреждения через распределительные пункты, а также санитарными поездами. В 1916 году раненых обслуживала 651 земская больница, где одновременно находились 192 600 стационарных больных.

Кроме того, амбулаторно лечились 1 312 500 человек, зубо-врачебная помощь оказана 338 тыс. пациентам⁵. Курсировало 44 земских санитарных поезда, которые сопровождали земские врачи, фельдшера, сестры милосердия и санитары. За два года войны только четыре санитарных поезда Московского губернского комитета совершили 526 рейсов и перевезли 183 639 раненых⁶.

Однако все это не значит, что земская медицинская служба в годы войны, да и в мирное время не испытывала трудностей. Остановимся на Самарской губернии.

Для решения вопросов, связанных с оказанием помощи больным и раненым воинам, в августе 1914 года в Самаре был создан губернский комитет, подчиненный Всероссийскому земскому союзу. В его составе насчитывалось 11 членов: городской голова С.Е. Пермьяков (председатель), гласный городской думы П.Л. Кузьмин, члены городской управы и Государственной думы, присяжные поверенные и их помощники. Таким образом, в комитет вошли лица, наделенные правами и властью в пределах компетенции местного самоуправления.

Комитет взял на себя заботы по транспортировке и лечению раненых. Конкретно отделы комитета занимались организацией перевозки раненых и больных воинов, их размещением, в том числе и по частным квартирам, снабжением, а также оборотом воевавших госпиталей, сбором денежных средств. Население города активно откликнулось на просьбу о помощи в размещении раненых: жители приняли 312 раненых, причем с полным содержанием.

В СООТВЕТСТВИИ с указанием властей по частным квартирам размещали только увечных и калек, признанных не пригодными к дальнейшей воинской службе, а легкораненых размещали в госпиталях. На 1 января 1915 года в Самаре функционировал 21 госпиталь, а к концу года — 27. При активном участии земств в Бузулукском и Бугурусланском уездах были открыты по три госпиталя, Бугульминском —

шесть и Ставропольском — один. Из 13 уездных госпиталей четыре были приспособлены для инфекционных больных. На тот период времени в госпиталях Самары находилось на излечении более 14,5 тыс. больных и раненых солдат и офицеров, а в уездах более 3500 человек. На деньги, собранные населением, в Самаре содержалось 50 коек первого разряда, наиболее дорогостоящих. В 1916 году было завершено строительство еще одного лазарета на 70 коек⁷. Под раненых была отведена и губернская земская больница. Так, в 1914 году в ней медицинскую помощь получили 3 офицера и 4523 представителя низших воинских чинов. Их обслуживали врачи Ю.М. Шмырло, В.М. Курзон и другие. Ю.М. Шмырло участвовал в русско-японской войне, имел опыт военно-полевого хирурга.

Наибольшая нагрузка по лечению раненых пришлась на 5-й Самарский городской госпиталь⁸, содержащийся в основном за счет финансовых и промышленных организаций и частных лиц, и 9-й земский лазарет. Штаты этих лечебных заведений были невелики. В госпитале работали заведующий госпиталем, его заместитель, две сестры милосердия и столько же фельдшеров. При этом врачи А.И. Сатрапинский и Ю.Г. Вейман в течение от одного до четырех месяцев трудились в госпитале безвозмездно.

В 9-м земском лазарете работали 5 врачей, 6 фельдшеров, 12 сестер и братьев милосердия, 2 санитары, 15 палатных сиделок⁹.

В июне 1916 года главным военно-санитарным инспектором лейб-медиком Евдокимовым было признано необходимым увеличить количество госпиталей на 100 тыс. коек, однако ни военно-санитарное ведомство, ни Красный Крест не имели ни средств, ни медицинского персонала. Поэтому задача создания и оборудования новых госпиталей легла на Всероссийский земский союз и Союз городов. При этом было обращено внимание на необходимость скорейшего оборудования первых 50 тыс. коек. Часть из них располагалась в Самарской области¹⁰.

Подобным образом с лечением раненых и больных обстояли дела и в соседних губерниях, где также не хватало госпитального фонда. С целью исправления создавшегося положения при станции Кузоватово Симбирской губернии в 1917 году был построен тыловой госпиталь

на 460 коек. Его стоимость составила около 200 тыс. рублей. Кроме того, на 200 коек был построен госпиталь в Инзе, лазарет на ст. Барыш, два здания госпитального барака на 110 и 100 кроватей.

Финансированием госпитального строительства и содержанием госпиталей земства занимались совместно с губернскими управами и кредитными товариществами. Был четко отлажен механизм финансирования строительства, содержания лечебных учреждений и лечения раненых, а также организовано взаимодействие военного ведомства с земскими организациями. Все это оказало положительное влияние на осуществление государственных мероприятий по оказанию помощи солдатам и офицерам, пострадавшим в Первой мировой войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1909 г. на 147 млн жителей России приходилось 17 096 врачей, 18 929 фельдшеров и 2741 фельдшерлиц, служивших в 7105 больницах и 3268 врачебных участках и осуществлявших бесплатное медицинское обслуживание в системе земской медицины. На следующий год в империи уже имелось 7683 больницы, в которых лечилось 3 032 905 пациентов. (См.: Межведомственная комиссия по пересмотру врачебно-санитарного законодательства // СПб., 1912. С. 14).

² *Аврамов В.* Жертвы империалистической войны в России // Известия Наркомздрава. 1930. № 1, 2. С. 59; См. также: *Морозов С.Д.* Сиделеч в кабаке больше офицера получает // Воен.-истор. журнал. 1998. №1; *Головин Н. Н.* Военные усилия в мировой войне // Воен.-истор. журнал. 1998. №2.

³ *Сысин А.Н.* Санитарное состояние России в настоящем и прошлом // Соц. гигиена. 1923. Вып. 1. С. 63; Вып. 2. С. 35.

⁴ По неполным сведениям, в России в 1918 г. насчитывалось почти 4 млн раненых, увечных, инвалидов, которые нуждались в дальнейшей медицинской помощи. (См.: *Каминский А.С., Новосельский С.А.* Потери в прошлых войнах / 1756—1918/. М., 1947. С. 115).

⁵ Учреждения Всероссийского земского союза. Октябрь 1916 год. М., 1917. С. 37, 38, 40.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ *Николаевский Н.Ф.* Исторический очерк деятельности Самарского областного комитета помощи больным и раненым воинам по 1 января 1916 года // Всероссийский земский союз и союз городов. Самара, 1917. С. 16, 19, 30, 81, 32—36.

⁸ Краткий отчет по 5-му Самарскому городскому госпиталю с 10 ноября 1914 года по 1 марта 1915 года. Самара, 1915. С. 2—5.

⁹ Годовой медицинский отчет по 9-му земскому лазарету за 1916 год. Самара, 1917. С. 5, 7.

¹⁰ Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 880. Л. 6.

В. Ю. КУЗЬМИН,
кандидат исторических наук
(г. Самара)

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

(Начало на с. 58)

Пиш Д. Ордена и медали Третьего рейха / С коммент. Т. Гладкова / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. 142 с., ил.

Чернер Ю. Охота за флагманами Гитлера. М.: Вече, 2002. 479 с., ил.

Шаффер Х. U-BOAT 977. Воспоминания капитана немецкой субмарины, последнего убежища Адольфа Гитлера / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002. 251 с.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 3 т. Т. 1. Крушение власти и армии (февр.—сент. 1917 г.). М.: Айрис-пресс, 2003. 589 с., ил.

Флот в Белой борьбе / Сост. С.В. Волков. М.: Центрполиграф, 2002. 606 с., ил.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 588 с., ил.

Лубягов М.Д. Гвардейская Ельнинская. История 32-й Саратов. — 29-й — 36-й — 144-й гв. Краснознам. ордена Суворова II степени Ельнин. мотострелковой дивизии. Смоленск: Смядынь, 2003. 335 с., ил.

Комдив Полосухин. Док. биография / Авт.-сост. Н.П. Шуранов, И.Ю. Усков, В.Н. Целищев и др. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. 140 с., ил.

Сын двух народов / Авт.-сост. Н.М. Силантьева, А.И. Романенко. Волгоград: Издатель, 2002. 55 с., ил.

Афанасьев А.А. На гребне волны и в пучине сталинизма. Воспоминания. М.: РКонсульт, 2003. 411 с., ил.

Звездная эпоха Мясищева в Филах. М.: Воздуш. транспорт, 2002. 283 с., ил.

Кеннет М. Истребители и бомбардировщики Второй мировой войны / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. 172 с., ил.

Савинский Ю.Э. Камов. Творческая биография конструктора вертолетов. М.: ПОЛИГОН-ПРЕСС, 2002. 200 с., ил.

Материал подготовлен при информационной поддержке ежемесячного информационного бюллетеня «Новая военная литература» (приложение к «Вестнику военной информации»). 2003. № 4.

«СЫН» ВРЕМЕНЩИКА

ЕВГЕНИЙ Романович Ольховский родился в 1931 году в Москве. В 1945—1956 гг. служил в армии, при этом в 1953 году окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. Уйдя в запас, работал учителем истории в одной из ленинградских школ, затем научным сотрудником в ряде ленинградских архивов. В 1969 году защитил кандидатскую, а десять лет спустя докторскую диссертацию на тему «Ленинская "Искра" в Петербурге». С 1972 года работал в Санкт-Петербургском государственном аграрном университете преподавателем, доцентом, профессором, заведующим кафедрой российской истории. Автор публикаций в «Военно-историческом журнале» и ряда исторических трудов, в том числе «Узники Шлиссельбургской крепости» (1978 г.) и «Тайны и авантюры в российской истории» (2003 г.). Скоропостижно скончался в 2003 году, похоронен в Санкт-Петербурге.

По просьбе редакции «Военно-исторического журнала» Е.Р. Ольховский принял активное участие в создании концепции «Молодежного военно-исторического журнала» и незадолго до смерти направил для публикации в нем несколько материалов, один из которых предлагаем вниманию читателей.

Е.Р. Ольховский
в годы учебы
в артиллерийском
училище

«ПО НАРУЖНОСТИ Аракчеев походил на большую обезьяну в мундире. Он был высок ростом, худощав и жилист: в его складе не было ничего стройного, так как он был очень сутуловат и имел длинную тонкую шею, на которой можно было изучать анатомию жил, мышц и т.д. Сверх того он как-то судорожно морщил подбородок. У него были большие мясистые уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная в сторону; цвет его лица был нечист, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот большой, лоб нависший...». Так описал внешность графа генерал Н.А. Саблуков. Столь же неприятно рисует А.А. Аракчеева и другой его современник — А.К. Гриббе, служивший с 1822 года офицером в управлении аракчеевских военных поселений: «Фигура графа, которого я увидел тогда впервые, поразила меня своею непривлекательностью. Представьте себе человека среднего роста, сутулого, с темными и густыми, как щетка, волосами и мутными глазами, с толстым и весьма неизящным носом формы башмака, довольно длинным подбородком и плотно сжатыми губами, на которых никто, кажется, никогда не видел улыбки или усмешки; верхняя губа была чисто выбрита, что придавало его рту еще более неприятное выражение. Прибавьте к этому еще серую из солдатского сукна куртку, надетую сверх

артиллерийского сюртука, и вы составите себе понятие о внешности этого человека, наводившего страх не только на военные поселения, но и на все служившее тогда в России».

Совершенно ясно, что граф Алексей Андреевич Аракчеев был не слишком красив, хотя сохранившиеся портреты это умело маскируют. Кроме того, по свидетельству современников, он слыл человеком злым и жестоким. Цари благоволили к нему, ценили его жестокость, а также опыт и знания, особенно артиллерийские. Его часто и много награждали, но он вовсе не был корыстен или жаден. Молва постоянно осуждала Аракчеева, усматривая в нем будто бы врожденную предрасположенность к злодейству. Эти слухи оказались весьма устойчивыми, и когда в 1961 году в первом томе «Исторической энциклопедии» появилась статья об Аракчееве, в которой несколько слов было сказано о его заслугах в развитии русской артиллерии, ее восприняли как сенсацию.

Сегодня отношение к графу иное. Все чаще среди историков слышатся речи о том, что А.А. Аракчееву Россия обязана немалым. Да и идея военных поселений, с которыми русская история накрепко связала имя Аракчеева, пришла в голову не ему. Просто он самым непреклонным образом, дотошно, как делал все и всегда, осуществил

и довел до крайности замысел обожаемого им императора Александра I Благословенного.

Кстати, о любви Алексея Андреевича Аракчеева к императорам. Современный биограф графа Аракчеева профессор юридического факультета Московского университета В.А. Томсинов¹ высказал парадоксальную мысль: Аракчеев будто бы благоволил перед императором Павлом I, не только награждавшим его, но и подвергавшим опале. А вот Александра I, по мнению того же В.А. Томсинова, Аракчеев в глубине души ненавидел, хотя и поставил ему на свои средства памятник в собственном имении Грузино, что в Новгородской губернии, и завещал через 100 лет после смерти императора издать «полную и достоверную» историю его царствования.

Каким он был, всесильный временщик граф Алексей Андреевич Аракчеев? Его биографии, деятельности, влиянию на русскую государственную жизнь первой четверти XIX века посвящена обширная литература. Кто хочет, может обратиться к ней.

Чтобы соблюсти объективность, лучше всего начать с сочинения Д.П. Струкова². Отдельным изданием оно вышло в Петербурге в 1894 году и имело пояснение, что составлено для Биографического словаря русских деятелей, издаваемого Императорским русским историческим обществом. Именно это сочинение лежало в основе многих дореволюционных русских справочных изданий. Большой интерес представляют также напечатанные Николаем Аполлоновичем Лашковым в журнале «Русская старина» «завещательные распоряжения» графа А.А. Аракчеева, собственноручно написанные им на листах Евангелия издания 1833 года, находившегося в Андреевском соборе села Грузино³. Кроме того, заслуживают внимания книга Василия Федоровича Ратча⁴ и рассказы историка Николая Гавриловича Богословского⁵.

А.А. АРАКЧЕЕВ прожил 65 лет. Его деятельности на государственном поприще, как уже говорилось, посвящено немало исследований. А вот о личной жизни графа известно немного. Именно о ней мы и намерены поговорить.

Летом 1799 года в возрасте 30 лет Аракчеев вздумал жениться. Избранницу звали Авдотьей Савельевной Ваксель. Алексей Андреевич сделал ей предложение, но она была влюблена в другого фаворита Павла I — Николая Осиповича Котлубицкого, отвечавшего ей взаимностью. В записке Н.О. Котлубицкому летом 1799 года А.С. Ваксель писала об Аракчеве: «Какой он гадкий! Какая мерзкая у него рожа! Он мне очень не понравился». Насколько надо было не понимать ситуацию, чтобы сделать предложение девушке, так отзывавшейся о нем! Вскоре Ваксель и Котлубицкий, несмотря на сопротивление родни невесты, поженились. История, ставшая известной в обществе, немало навредила А.А. Аракчеву.

Однако 4 февраля 1806 года в возрасте 37 лет Алексей Андреевич наконец-то на самом деле женился. Венчался он в Сергиевском артиллерийском (конечно же!) соборе в Петербурге.

Супруге Аракчеева, дворянке Ярославской губернии Наталье Федоровне Хомутовой, едва исполнилось 18 лет. Торжественный праздник новобрачных посетил сам император Александр Павлович.

У разных исследователей различные взгляды на то, почему у Аракчеева не сложилась семейная жизнь. С.Н. Шубинский считает, что Н.Ф. Аракчеева была женщиной достойной и порядочной. Узнав о продолжавшихся и после свадьбы любовных похождениях своего мужа, Наталья Федоровна будто бы «убежала от него и более никогда не желала с ним видаться».

В.А. Томсинов в своей книге говорит несколько иначе об этой стороне жизни Аракчеева. Граф будто бы с самого начала ревновал свою милостивую, хрупкую жену и постарался сделать ее домашней затворницей. Первое время у молодоженов все было нормально... но уже через год последовал разрыв. В петербургском обществе объясняли его грубостью и ревностью графа. Однажды, отправляясь по службе в воинские части, он приказал слугам не выпускать жену из дома. Рассердившись, она уехала навсегда к матери.

А вот еще одна версия. Чиня по высочайшему повелению в 1807 году ревизию у петербургского обер-полицеймейстера, который на украденные из государственных средств 100 000 рублей строил себе огромный дом, Алексей Андреевич натолкнулся на две записки, в которых говорилось, что Наталья Федоровна Аракчеева брала по настоянию своей маменьки взятки с полицеймейстера, за что она и была отправлена мужем к своей маменьке немедленно и насовсем.

Какая из этих версий правильная, сказать трудно. Впрочем, а не обе ли? Ведь Аракчев был воистину суров. Недаром один из его подчиненных, Иван Александрович Бессонов, вспоминал: «Всегда осторожный, всегда скрывающий глубоко свою мысль и свои страсти, он не любил около себя шуму и восклицаний, в каком бы они роде ни были...»⁶.

Однако верно и то, что Алексей Андреевич охотно покупал себе для служения в дворне молодых и красивых крепостных девушек. Так, однажды была приобретена Настасья Федоровна Минкина. На сей раз покупка оказалась настолько удачной, что составила целую эпоху в жизни графа. Четверть века Минкина была не только его постоянной любовницей, но и фактически управляющей его Грузинской вотчиной, когда граф оттуда отлучался. Да и при нем Настасья Минкина играла в Грузино заметную роль.

Грузинскую вотчину Аракчеву подарил император Павел I в 1796 году, только что взойдя на престол. Некогда она принадлежала Деревяницкому монастырю, но при секуляризации церковных земель Петр I определил село в казну, а затем отдал князю Александру Даниловичу Меншикову. Позже здесь снова хозяйничал монастырь. У него-то и забрал Павел I Грузино и подарил его своему временщику. Село находится в 81,5 верстах от Новгорода Великого и в 140 верстах от Петербурга. Оно довольно удобно расположено, рядом течет Волхов.

Аракчеев формально не был разведен с Натальей Хомутовой, однако многолетнее сожительство с Минкиной было чуть ли не официально узаконено. Простая крепостная дворовая женщина порой участвовала в доверительных разговорах графа Аракчеева с навещавшим его в Грузине императором Александром I, который оказывал ей разные знаки внимания. Приезжавшие же в гости к Алексею Андреевичу вельможи не брезговали целовать у нее руку...

Настасья Минкина, по некоторым данным, была дочерью кучера и даже едва ли не из цыган. У нее были иссиня-черные волосы, большие черные глаза, «в которых плясали огонь и страсть. А на темных щеках полыхал нежный румянец»⁷. Девица эта была сметлива, имела твердый характер. Она завела в Грузино образцовый порядок, который напоминал Аракчееву военную службу в Гатчине и о котором он всегда мечтал. Его доверие к сожительнице год от года росло. Казалось, что именно она была полной хозяйкой в имении. Конечно, ей приходилось мириться с тем, что граф Аракчеев, уезжая куда-либо, заводил себе на стороне других любовниц. Она же довольствовалась тем, что все подчиненные графа Аракчеева, включая и многих генералов, лъстили ей, заискивали перед нею и беспрекословно исполняли ее приказы. Ну а петербургская знать забрасывала Настасью подарками, чтобы через нее умиловить «самого» Аракчеева. После ее смерти Алексей Андреевич, чтобы унижить многих представителей русской знати, опубликовал списки этих подношений, вернул их сановным дарителям, привезя дарованное в Петербург на 40 огромных возах. Что касается крепостных сурового и грозного барина, то они считали Настасью Минкину колдуньей, сумевшей с помощью нечистой силы приворожить хозяина, пристрастить его к себе.

Одна из легенд, постоянно сопутствовавших имени Минкиной, гласила, что Настасья Федоровна на самом деле была официальной женой местного крестьянина-кучера. Аракчеевский писарь Ефимов сообщал: «Когда Аракчеев возвысил ее до своей интимности, то мужа она трактовала свысока: за каждую вину, за каждую выпивку водила на конюшню и приказывала при себе сечь».

Минкина умела мастерски приспосабливаться к разным обстоятельствам. Узнав о смерти матери Алексея Андреевича 17 июля 1820 года, она вполне искренне пишет своему любовнику и господину: «...прошу именем Божией Матери поберегите себя. Я очень верю и чувствую вашу потерю; но, душа моя, вспомни ее лета и слабое здоровье — это можно было ожидать. Но ваша верная слуга просит, как единственного друга, поберегите свое здоровье... Один гроб заглушит чувство моей любви к вам, я люблю вас столь много, что не могу более любить. Этому Бог свидетель».

Стараниями Настасьи Федоровны при общем руководстве графа Алексея Андреевича Аракчеева имение было приведено в образцовое состояние. Сюда было приятно приглашать гостей, пленять их гостеприимством. Например, в 1824 году благодарным посетителем Аракчеева стал извест-

ный сочинитель и тайный агент охранительных органов Фаддей Венедиктович Булгарин. Впоследствии он вспоминал: «Кушанье было отличное, вина превосходные, десерт богатый и хозяин находился в хорошем расположении духа, был разговорчив и любезен. Радущие с гостем — отличительная черта русского характера, и я ссылаюсь на всех, бывавших в доме графа А.А. Аракчеева, что невозможно быть гостеприимнее его и любезнее, когда он принимал человека не как начальник, а как хозяин дома».

А вот другое булгаринское весьма сочное описание новгородского имения Аракчеева, приведенного заботливой рукой Настасьи Минкиной в образцовое состояние: «Грузинский английский сад бесподобен: он лежит вокруг горы, на которой построена усадьба. Сад вмещает в себя пруды, беседки, павильоны, прелестные рощи. Цветов множество, растительность богатая... Осмотрев чугунный портик, под которым стоит лик Андрея Первозванного, мы зашли в церковь, удивились ее великолепию и полюбовались памятником работы знаменитого Мартоса. Ризница богата драгоценной старинной утварью. Отсюда мы прошли в деревню или на село. Улицы выметены; дома прекрасные и выстроены в линию, в домах такая чистота, как в самых лучших казармах. В одном крестьянском доме нас потчевали сотами. Крестьянский хлеб превосходный. Крестьяне показали мне зажиточными. Потом осмотрели мы инвалидный дом и госпиталь. Инвалиды одеты в форму, бывшую при императоре Павле Петровиче. Везде удивительная чистота, порядок, дисциплина, все на военную ногу. Окрестные поля возделаны превосходно». Другой современник графа Аракчеева, Василий Александрович Сухово-Кобылин, сообщал: «Несмотря на пышность Грузина и на полную свободу, предоставленную его посетителям, казалось, что в самом воздухе присутствует какой-то стеснительный элемент, и становилось особенно неловко при мысли о возможности контактов с владельцами этого волшебного дворца. Ничто не нарушало заведенного раз и навсегда машинного порядка. Часы обеда, чая и ужина были неизменны. На дороге и даже по деревенским богатым улицам аракеевских сел крестьяне замечали следы, оставленные колесами каждого проезжающего экипажа».

Ежедневный контроль и надзор за крепостными с самозабвенной отдачей осуществляла Настасья Федоровна. Она чувствовала себя подлинной хозяйкой Грузино, но все-таки боялась крутых поворотов судьбы и потому решила «родить» графу ребенка. Коварство ее заключалось в следующем.

В одной из дальних деревень умер крестьянин Лукьянов, а вдова его осталась беременной. Настасья уговорила женщину за большие деньги отдать родившегося ребенка ей, Минкиной. А уж она-то дитя выдает за своего ребенка, воспитает по-барски, ошастливит и мальчишка, и его «отца» — Аракчеева навеки. Минкина взяла Лукьянову в кормилицы и няньки к «родившемуся» мальчику, и истинная мать поклялась, что будет хранить тайну до самой смерти. Бедная женщи-

на распустила в своей деревне слух, что родила мертвого мальчика, а сельский священник за небольшие деньги взял на свою душу грех и похоронил пустой гроб.

Настасья Минкина, пролежав несколько дней для приличия в своей спальне, радостно известила Алексея Андреевича, что подарила ему сына. В метрическую книгу ребенок был записан под вымышленным именем крестьянского сына Михаила Ивановича Лукина. Когда же граф Аракчеев вернулся в Грузино, он возмутился: его сын будет крестьянином? Аракчеев послал приближенного к нему генерала Бухмейстера в город Слуцк Минской губернии, и тот привез мальчонке новые документы — на имя дворянина Михаила Андреевича Шумского. Теперь тщеславие графа могло быть удовлетворено: «его» сын стал дворянином.

Аракчеев хотел воспитать «сына» аристократом, поэтому отдал его в 1809 году в шестилетнем возрасте учиться в Петровскую школу в Петербурге. Однако через год Алексей Андреевич взял мальчика из школы и отдал его в частный пансион пастора Каллина. Вскоре Шумский был переведен в Пажеский корпус, в котором воспитывался под присмотром «отца».

Прежде чем дальше описывать судьбу Михаила Андреевича Шумского, укажем все-таки на одно обстоятельство: нельзя с достоверностью исключить того, что отцом его и на самом деле был граф А.А. Аракчеев, а матерью — Н.Ф. Минкина.

Что касается Настасьи, то она своей ближайшей цели достигла. Алексей Андреевич после «рождения сына» стал еще внимательнее относиться к любовнице. Он стремился одевать ее по последней моде, возил с собой в служебные разъезды. Настасья делала толковые замечания при осмотре работ в военных поселениях далеко за пределами имения. Теперь она была каким-то образом записана в купчихи, а в банк довольно прижимистый граф положил на ее имя 24 000 рублей — по тому времени для крепостной «экономки» деньги немалые.

Однако Минкина все-таки оставалась невежественным человеком и очень плохим воспитателем: она заставляла Мишеньку Шумского беспрерывно лстыть Аракчееву, как делала это сама, всяческими путями вытягивать из графа деньги, презирать людей, которые стояли ниже на общественной лестнице. Минкина жестоко секла «сына» с раннего детства и тем вызывала непонятный ребенку ропот «няни», угрожавшей Настасье рассказать «всю правду» графу. В результате положение Михаила Шумского и в родном доме, и в Пажеском корпусе, и в гвардии было двусмысленным. Вопросы и сомнения, копившиеся в его душе, оставались неразрешенными. Юноша вырос дерзким, поведение его было вызывающим, хотя учился он недурно. Что бы он ни сделал, начальство всегда покрывало его, боясь мести всеильного временщика. Михаил Шумский стал много пить, а в зрелые годы превратился в откровенного алкоголика.

Он все чаще предавался кутежам, позволял себе все более дикие выходки, затевал шумные

скандалы, на учения приезжал в пьяном виде. Однажды, отдавая рапорт на строевом смотре государю императору, Шумский по пьянке упал у того на глазах и сильно разбился. Теперь уже и Аракчеев, до которого и прежде доходили слухи о безобразиях «сына», увидел, что дело плохо. Алексей Андреевич пригрозил решительными мерами, но за «сына» вступилась умная и хитрая Настасья. Шумский клялся и божился, что бросит пить, вымаливал прощение у «отца», а на другой же день пил и кутил снова. Он так возненавидел Аракчеева, что скрывать этого больше не мог, и уведомил письмом Алексея Андреевича, что готов бросить его, что жить с ним он более не может. Конечно, чувства М.А. Шумского можно было понять, но по отношению к искренне любившему его человеку это была черная неблагодарность.

В 1825 году на Алексея Андреевича обрушились несчастья. 10 сентября из Грузино прибыл гонец с печальной новостью: тяжело заболела Настасья Федоровна, надежды на выздоровление будто бы нет никакой. Граф Аракчеев немедленно потребовал коляску и помчался в новгородское имение. В дороге он узнал правду: Настасья вовсе не была больна, ее зарезали дворовые, доведенные до отчаяния издевательствами над ними. В Грузино Аракчеев нашел труп своей любовницы уже на столе, приготовленный к погребению. Граф впал в истерику и кричал дворовым, чтобы они зарезали и его. Могила Настасьи Минкиной Алексей Андреевич приказал выкопать рядом с местом, приготовленным для него самого. Он прыгнул в могилу вслед за гробом. Его еле вытащили всего в ушибах и царапинах.

Затем граф стал чинить следствие, суд и расправу. Те, кого не засекли плетью до смерти, сосланы были на каторгу и в Сибирь. Алексей Андреевич Аракчеев сообщил о своем несчастье императору письмом в Таганрог, написав, что заниматься государственными делами больше не способен.

Вскоре, 28 сентября 1825 года, Александр I послал в Грузино прощальное письмо: «...прощай, любезный Алексей Андреевич, не покидай друга, верного тебе друга», а в ноябре в столицы и крупные города России пришло известие о том, что в Таганроге скончался император Александр I. Для графа Аракчеева это был еще один тяжелый удар. Михаил Андреевич Шумский по-прежнему пьянствовал и дебоширил. Однажды в театре в Петербурге он устроил публичный пьяный скандал. Его лишили флигель-адъютантского звания и перевели во владикавказский гарнизонный полк в чине подпоручика. Узнав о поведении «сына», Алексей Андреевич в коротком и сухом письме сообщил ему, что отрекается от него и запрещает обращаться к нему с какими бы то ни было просьбами.

Подпоручик Шумский провоевал на Кавказе четыре года. Сперва с чеченцами, а потом с персами и турками. В бесчисленных боевых стычках выказал отчаянную, беззаветную храбрость, был ранен, получил высочайшие награды, но вернувшись с войны, снова стал пить. И не только с офи-

церами, но и с солдатами, дни и ночи проводил в питейных заведениях, пренебрегал службой, валялся мертвецки пьяным в офицерском мундире при орденах на улицах. В 1830 году его уволили из армии «по болезни». И это, действительно, была уже болезнь.

Шумский явился в Грузино, так как больше ему деться было некуда, но Алексей Андреевич не пожелал видеть Михаила. Ему дали одежду дворового человека, немного денег и письмо к новгородскому вице-губернатору с просьбой куда-нибудь пристроить. Его определили мелким канцеляристом. Михаил Андреевич продержался только до выплаты жалованья, снова запил, а в ответ на благочестивые проповеди вице-губернатора запустил в него чернильницей. С позором Шумский был возвращен в Грузино. Граф Аракчеев пришел в бешенство и приказал выгнать «сына» из своей усадьбы.

Михаил Шумский в отчаянии отправился в дальнюю деревню к своей кормилице-матери, которая приняла его с нежной лаской и любовью. Здесь Михаил Андреевич Шумский узнал правду (наконец-то!) о своем рождении. Старуха самозабвенно ухаживала за молодым человеком, кормила его, но денег у нее не было. Однако сын нашел способ зарабатывать: стал учить детей военных поселенцев грамоте. Хотя и ничтожно было вознаграждение, но на выпивку хватало. Шумский ходил от деревни к деревне, не брезговал ничем, а встретив случайно старых друзей и сослуживцев, просил выпить или денег на водку. Через несколько месяцев Лукьянова умерла, и Шумский вновь лишился крова над головой и куска хлеба. Ему ничего не оставалось делать, как просить помощи у ненавистного приемного отца. Михаил Андреевич прибегнул к посредничеству генерала Бухмейстера, который когда-то достал дворянские документы. Тот помог отправить «сына» под надзор Новгородского архимандрита Фотия в Юрьевский монастырь. Граф назначил Шумскому годовое содержание в тысячу двести рублей и ласково простился с ним, а Фотий осенил крестом и отправил в знаменитый монастырь.

Крепился Михаил Андреевич, насильно приобщенный к монашескому образу жизни, десять месяцев, беспрекословно нес он возложенные на него строгие послушания. Однако затем сначала робко, а потом все смелее стал пить. Фотий пытался воздействовать на него убеждением, но вскоре все понял и принял строгие меры. Большую часть времени любитель выпить проводил теперь не в своей келье, а в «карцере», на хлебе и воде, и почти ежедневно отбывал налагавшиеся на него тягостные епитимьи.

Тем временем Алексей Андреевич Аракчеев медленно угасал и 21 апреля 1834 года скончался.

Михаил Андреевич Шумский, чаще всего пьяный, оказался вообще никому не нужным. Архимандрит Фотий уговорил его переселиться в Соловецкий монастырь. Последовал высочайший указ, и Шумский перебрался на новое место жительства. Настоятель Соловецкого монастыря сначала отмечал, что Шумский ведет себя «смирно и

несет добровольно монастырские послушания, хотя против других и легкие».

Однако смирения хватило только на два года. Затем Михаил Андреевич стал обращаться к Николаю I через духовное начальство с противоречивыми просьбами. Прошения были велеречивыми, их автор намекал на наследство, не полученное от А.А. Аракчеева, просил определить его куда-нибудь по усмотрению самого государя. Из кабинетских сумм государь назначил Шумскому прежнее годовое содержание в 1200 рублей. Михаил Андреевич пожелал остаться в Соловецком монастыре, где он неплохо ладил с добрейшим настоятелем, даже пожертвовал обители сначала 600, а потом 300 годовых рублей от царских щедрот. Однако, пропившись и поиздержавшись, сократил свой добровольный дар втрое. Вокруг опять стали кружить скандалы и денежные распри.

В 1841 году изобретательный ум Михаила Андреевича Шумского нашел необычный выход из запутанного положения. Он решил из своего 1200-рублевого годового пособия на следующий год 600 рублей употребить на постройку в лесу Анзерского острова часовни и кельи для себя. Когда все было готово, иннок Михаил переселился туда с изрядным запасом «пьянственного питья» и стал спаивать окрестных иноков, «пустынных старцев» и иных монахов. Три месяца духовное начальство из-за отдаленности Анзерского острова ничего не ведало о делах Михаила Шумского, когда же узнало, возмутилось. Отношения с иноком Михаилом испортились. Постоянное пьянство Михаила Шумского распатало его здоровье. Врачей вокруг не было, и Михаил Андреевич после 15 лет соловецкого бытия запросился у царя в родную Новгородскую губернию, в Филиппо-Ирбитскую пустынь. Государь опять разрешил, но Михаил Андреевич Шумский, незаконный (или приемный?) сын временщика графа Алексея Андреевича Аракчеева, сумел добраться только до Архангельска, где и умер в больнице приказа общественного призрения 10 июля 1851 года 48 лет от роду.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Томсинов В.А. Временщик (А.А. Аракчеев). М., 1996.

² Струков Д.П. Аракчеев, граф Алексей Андреевич. СПб., 1894.

³ Лашков Н.А. Завещательные распоряжения графа А.А. Аракчеева // Русская старина. Т. 143. № 9. С. 491—498.

⁴ Ратч В.Ф. Сведения о графе А.А. Аракчееве. СПб., 1864.

⁵ Богословский Н.Г. Аракчеевщина. [СПб.], 1882.

⁶ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). Ф. 233 (С.Д. Полторацкий). Кн. 8. Д. 43.

⁷ Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. 6-е изд. СПб., 1911. С. 546.

ГЕНЕРАЛ, ПУБЛИЦИСТ, ПОЛИТИК

Ростислав Андреевич Фадеев
(1824—1883)

О РОСТИСЛАВЕ Андреевиче Фадееве можно сказать, что он был не просто военным, а военно-политическим деятелем, да к тому же довольно талантливым публицистом. Последнее для военной элиты того времени совершенно нетипично.

Родился Р.А. Фадеев в Екатеринославе (Днепропетровске) в старинной дворянской семье. Отец его занимал ряд ответственных административных постов. В 1840-х гг. был саратовским губернатором, затем — управляющим государственными имуществами на Кавказе. Поскольку большая часть кавказских земель и ресурсов являлась казенной собственностью, должность управляющего требовала большой ответственности. Мать Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, принадлежала к одной из самых аристократических семей империи. Будучи женщиной широко образованной, она изучала кавказскую флору. Именно под ее влиянием муж начал заниматься устройством кавказских курортов.

В семье было решено, что Ростислав станет военным. Однако отправленный в артиллерийское училище, он, несмотря на явные способности к военному делу, не столько учился, сколько вел жизнь типичного представителя золотой молодежи, в результате чего училище ему окончить не удалось. К счастью, такой удар по самолюбию помог Фадееву взяться за ум.

В 1844 году юноша отправился на Кавказ волонтером и уже вскоре отличился во многих боях, но, будучи несдержанным на язык, часто говорил, что думал, не заботясь о последствиях, попал в немилость и провел целых два года под домашним арестом. Лишь в 1850 году Фадеев снова попал на Кавказ, где и воевал до конца войны. Во время Крымской кампании он сражался на Кавказском фронте против турок, отличился в сражениях при Башкадыкларе и Курукдаре. С 1859 года он служил в штабе наместника на Кавказе князя А.И. Барятинского и сыграл значительную роль в операциях, завершивших войну с Шамилем. Вместе с наместником Ростислав Андреевич 25 августа 1859 года принимал капитуляцию Шамиля в ауле Гуниб. Об этом событии он от имени А.И. Барятинского объявил в лаконичном приказе: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю Кавказскую армию».

За эту победу Фадеев получил генеральский чин и ряд орденов, но высшей для себя наградой считал подаренное ему князем личное зна-

мя Шамиля. Однако Ростислав Андреевич не только воевал. Там, на Кавказе, открылся его талант ученого и литератора. В «Московских ведомостях» генерал регулярно помещал свои «Письма с Кавказа». В дальнейшем он написал книгу «60 лет Кавказской войны», содержащую не только военно-исторический, но и ценнейший этнографический материал.

После окончания войны Р.А. Фадеев продолжал публицистическую деятельность, даже вступил в конфликт с военным министром Д.А. Милютиним, выступая вместе с А.И. Барятинским против его проекта военных реформ. В 1866 году Ростислав Андреевич подал в отставку и целиком посвятил себя политике. В следующем году в «Русском вестнике» он поместил ряд статей, которые год спустя вышли отдельной книгой под названием «Вооруженные силы России». В 1873 году в развитие этой темы вышла еще одна книга отставного генерала — «Наш военный вопрос», впоследствии составившая второй том в посмертном собрании его сочинений. Однако мировую известность принесли Р.А. Фадееву его статьи по славянскому вопросу, которые он с 1869 года помещал в «Биржевых ведомостях». Фадеев с тревогой наблюдал подъем объединенной Германии. Поэтому основная идея его статей заключалась в неизбежности борьбы славянства с германизмом. Поскольку Александр II был германофилом, это звучало очень оппозиционно.

Одновременно Фадеев считал необходимым разрешить восточный вопрос путем разгрома Османской империи и ликвидации Австро-Венгрии, результатом чего стало бы объединение славянских народов в одно государство под скипетром русского царя. Столицей объединенного государства он видел Константинополь.

Основные идеи Р.А. Фадеева совпадали с мыслями Н.Я. Данилевского (1822—1885) и других неославянофилов. Действительно, такие идеи тогда носились в воздухе.

В то же время Фадеев активно участвовал и в обсуждении внутренних проблем России. В 1874 году он поместил цикл статей в консервативной прессе под общим названием «Чем нам быть», в которых критиковал реформы Александра II за их бессловесный характер. Подчеркивая, что «культурный слой» дворянства основывает весь государственный быт, Фадеев предлагал расширить его роль в земских органах власти.

В 1875 году, когда начался вызванный восстанием боснийских сербов Восточный кризис, Фадеев отправился в Египет, чтобы помочь хедиву* Исмаилу реорганизовать армию, так как надеялся, что египтяне вступят в войну с турками. Однако генерал в своих расчетах ошибся: египетский хедив оказался верным султану, и потому в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

* Титул правителя Египта.

немалую часть турецкой армии составляли египтяне.

В 1876 году Фадеев прибыл в Сербию, вступившую в войну с турками, но Александр II потребовал от него возвращения в Россию. Войну 1877—1878 гг. Фадеев провел в Черногории официальным представителем России.

После возвращения в Санкт-Петербург Фадеев принял активное участие во внутрироссийской политической борьбе. В условиях революционной ситуации и либеральных шатаний Александра II он выступил в защиту «традиционной» России, прибегая к нетрадиционным методам, заимствованным из практики революционеров. Так, в 1881 году в Германии выходят без упоминания автора «Письма о современном состоянии России. 11 апреля 1879 г. — 6 апреля 1880 г.», содержащие разгромную критику либеральных реформ Александра II. По мнению автора, политические преобразования царя не совпадали с естественным течением русской истории. При этом Р.А. Фадеев (а автором был именно он) предлагал усилить роль земского самоуправления при расширении полномочий дворянства, пересмотреть порядок выкупа земли с учетом ее реальной стоимости, ликвидировать временнообязанное состояние крестьян, отменить переделы земли внутри общины, что со временем могло бы содействовать закреплению земли в частной собственности. Для ослабления земельного голода внутри России Фадеев предлагал организовать масштабное переселение крестьян на окраины, для чего считал необходимым создать специальное государственное ведомство, которое гарантировало бы переселенцам льготные кредиты для обустройства. Как видим, программа Фадеева предвосхищала действия Столыпина на четверть века.

После убийства царя 1 марта 1881 года Р.А. Фадеев стоял у истоков создания монархической организации «Священная дружина». Члены этой организации, именовавшие друг друга «братьями», были в основном гвардейскими офицерами. Всего в «Священной дружине» насчитывалось 729 человек. Главной задачей «дружинников» была борьба с революционным движением путем террора. В целом, однако, деятельность «Священной дружины» оказалась малоэффективной, и в конце 1882 года организация была распущена.

Сам Фадеев недолго прожил после этих событий. 29 декабря 1883 года он скончался в Одессе. В истории русской общественной мысли Ростислав Андреевич остался лихим кавказским офицером, ученым, педантичным военным теоретиком, язвительным полемистом, жестким политиком. Это была одна из самых ярких и своеобразных фигур XIX века.

С. В. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат философских наук,
профессор
(Санкт-Петербург)

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Журналу «Ориентир» — 10 лет

ЦЕНТРАЛЬНОМУ теоретическому и научно-практическому журналу Министерства обороны Российской Федерации «Ориентир» исполнилось 10 лет. Он создан в соответствии с приказом министра обороны РФ «О совершенствовании системы средств массовой информации Министерства обороны Российской Федерации» от 11 февраля 1994 года. Тогда было прекращено издание журналов «Аргумент», «Армия», «Собеседник война», еженедельника «Сын Отечества», тематику которых и взял на себя «Ориентир». Главным редактором журнала был назначен полковник Н.Н. Ефимов, ныне главный редактор газеты «Красная звезда».

Обложка журнала

Первый номер «Ориентира» вышел в свет в июле 1994 года. С тех пор журнал изменил свой формат, перешел на многокрасочную печать. Востребованный читателями, «Ориентир» стал одним из самых высокотиражных изданий силовых структур. Приведем основные вехи пути, пройденного «Ориентиром» за 10 лет.

Январь 1995 года — журналисты редакции принимают активное участие в освещении хода первой чеченской кампании.

Февраль 1997 года — главным редактором журнала «Ориентир» назначен полковник М.Е. Болтунов.

Март 1997 года — передача журнала «Ориентир» от журнала «Воин» отдела корреспондентской сети.

Лето 1999 года — журналисты редакции принимают активное участие в освещении контртеррористической операции на Северном Кавказе. Почти все офицеры «Ориентира» побывали в командировках в Дагестане и Чечне.

Февраль 2000 года — четверо офицеров редакции — полковник С.А. Балаклеев, С.П. Сидоров, подполковник Ю.А. Селезнев и капитан 2 ранга М.А. Севастьянов — за мужество, отвагу и самоотверженность, проявленные при ликвидации незаконных вооруженных формирований в Северо-Кавказском регионе, награждены орденами «За военные заслуги».

Основными разделами журнала являются «Время и мы», «Служба», «Социальная защита», «Конспект», «Связь времен», «Кругозор». Немало материалов публикуется на историческую тематику. Так, с января 1995 года на страницах журнала появился историко-патриотический клуб, за «круглым столом» которого не раз собирались известные военные ученые-историки. Великой Победе был посвящен майский номер «Ориентира». Увидел свет специальный выпуск, посвященный 850-летию Москвы. На страницах журнала активно публиковались материалы и к другим памятным датам — 100-летию со дня рождения Маршала Советского Союза, четырехжды Героя Советского Союза Г.К. Жукова, 65-летию Северного флота, 80-летию Дальневосточного военного округа, 60-летию «Военно-исторического журнала». Внимание читателей привлекли публикации о выдающихся русских военачальниках, причисленных к лику святых, рубрики «Россия сквозь столетия» и «Георгиевские кавалеры». Был опубликован также цикл материалов под рубрикой «Офицеры России: подготовка, культура, традиции». «Ориентир» представил портретную галерею первых советских маршалов, выдающихся военачальников и полководцев, публиковал рассказы и о них, и о видных военачальниках Белого движения. За год до 200-летия Военного министерства журнал начал публикацию редких портретов военных министров. И в этом году он продолжает рассказ о руководителях военного ведомства России и публикацию их портретов.

Позади 10 лет напряженной журналистской работы. Если сравнить эту цифру с изданиями ветеранами, возраст пока юношеский. Но ведь в эпоху перемен течение времени ускоряется: все меняется на глазах. Десятилетие «Ориентира» свидетельствует, что журнал делает свое главное дело — пишет историю современности, помогает своим военным читателям достойно служить и надежно защищать Родину.

Полковник Л.М. ГОРОВОЙ,
ответственный секретарь
редакции журнала «Ориентир»
(Москва)

«...БЛИЗОК ЧАС, КОГДА ДЕРЗКИЙ ВРАГ ЗАПРОСИТ У НАС ПОЩАДЫ»

Русский солдат и его служба в народных воззрениях

Ранее на страницах нашего журнала были опубликованы фрагменты работы отечественного военного публициста Л.В. Евдокимова, посвященной исследованию русского военного фольклора. В них речь шла о народных представлениях конца XIX — начала XX вв. (включая период Первой мировой войны) о русском солдате-воине и его службе в мирное и военное время. В завершение публикации вниманию читателей представляются материалы, раскрывающие связь солдата с родным домом через переписку, являющуюся важнейшим фактором поддержания высокого морального духа русского солдата.

**Служба; связь с домом, семьей
и «родной сторонешкой»; солдатское письмо**

*«Пусть хоть сгибла б голова —
Только б за морем узнали
Русь святая какова!...»*

Старинная солдатская песнь.

ОСНОВНОЙ взгляд народа на военную службу, как службу государеву, сохраняется неизменно, и мы уже отчасти видели отношение семьи солдата и всей его «родной сторонешки» к выпадающему воину подвигу служения родине. Характернейшая черта этого подвига та, что солдат идет на службу, так сказать, не за себя, а за весь свой род-племя, что и придает служению солдата значение долга послужить за мир, во славу царя, в сбережение родной земли и в честь себе, иначе — как раз на основах былой богатырской службы. Стоит припомнить причеты и заговоры, благословения и моления, с которыми снаряжают и провожают «некрута» на службу.

В дальнейшем у всех близких к солдату лишь одно желание, чтобы он «вестки» о себе подавал, «грамотки» домой писал.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2003. № 7, 8, 11. Публикуется с незначительными сокращениями по: Евдокимов Л.В. Русский солдат и его служба в народных воззрениях: Народное творчество и в текущие дни великой войны (С портретами, рисунками, нотами) // Военный сборник. 1916. № 10—12; 1917. № 1—2.

Обстоятельства текущей войны обуславливают припевки, в которых интерес к службе солдата отождествляется с интересом к судьбе его: «Жив ли, раненый — не слышно», тем более, что воины молодые стремятся «смело воевать».

Связь с домом, семьей и деревней всецело поддерживается письмами — «скорописны[ми] грамотками». В этом отношении будут уместны и интересны некоторые пояснения собственно о солдатском письме, как особом виде — образце народной словесности и даже народном искусстве. Потому что солдатские письма, подписываемые на особых листках почтовой бумаги или открытках, большею частью иллюстрированы и, разумеется, в народном вкусе или же в направлении народной мысли.

Листки и картинки подобных народных и солдатских «письменных принадлежностей» зачастую имеют на себе готовые тексты письма-послания, в прозе или стихах, иногда связанных с картинкой, напечатанной на листке-карточке, а иногда вполне независимых. Бывает так, что текст разъясняет картинку, т.е., иначе, картинка иллюстрирует текст, но бывает, что картинка не имеет никакого отношения к тексту и очень часто, преимущественно на нашей народной почтовой бумаге, представляет собою просто рельефную красочную картинку, подобную тем, которые покупаются детьми для украшения «клякс-папиров». И на образцах с одним и тем же текстом встречаются все разные картинки от маленьких до крупных.

Одним из видов данной особ[енной] отрасли печати — печатания и литографирования народных образцов почтовой бумаги, почтовых карточек и конвертов (тоже — с рисунками и текстами), как самостоятельный ее вид, является солдатское письмо в значении приветствия воина со службы.

Вопрос о простонародном письме в трактуемом нами смысле не имеет литературы ни на иностранных, ни на русском языках.

Значительные подборки образцов таких писем открывают вполне круг народных идей, взглядов, чувств и наконец художественных требований, которые предъявляются потребителями многомиллионного тиража всех видов и образцов.

Главным образом, в ходу листки с царскими портретами (царь и царица вместе и отдельно), печатными или наклеенными, а всего более — «поздравительные» с приветствиями на Рождество Христово, Новый год и день Святой Пасхи.

В исключительные моменты народной жизни повсюду в народные массы идут [специально] вырабатываемые образцы открыток, трактующих известные события под углом современных, народных на них взглядов. Со злободневными вопросами своей и выдающихся событий чужеземной жизни народные массы знакомятся опять же путем подобных открыток.

В военные годы, как в 1911—1912 гг. в Италии¹, затем в государствах Балканского союза² и даже в Турции³, а ранее в Китайский поход⁴ у нас, у немцев и англичан; в русско-японскую войну у нас и у японцев выпущены [были] сотни сюжетов («сортов»). И многим солдату приходилось частенько от «юмора» безвестных художни-

ков, весьма удачно ловивших моменты «европейского настроения».

Народные открытки, по крайней мере заграничные, — это орудие политической, социальной, партийной, выборной и даже религиозной пропаганды. А распространение открыток — это пути проведения патриотической, образовательной (культурной) и экономической тенденций и, что для нас, военных, чрезвычайно важно, милитаризации народов.

В последние три—пять лет «открытки» стали наводнять собою базары, а через них и деревни... Плохо, что в народные [крестьянские] и рабочие массы идет так называемая международка, т.е. карточки неопределимой национальности (по месту печати) и всегда отрицательного качества по тенденции [содержанию].

Международность производства сказывается, например, в таких случаях. Русская патриотическая открытка: поле карточки — русский национальный трехцветный флаг; по белому полю — линейка нот «Боже, Царя храни», в синем поле посередине картинка — Шильонский замок на Женевском озере!.. Другая поздравительная картинка к Рождеству: Христову: русская надпись: «С Рождеством Христовым», а картинка — Миланский собор в снежную метель (отпечатано в Вене).

В большинстве солдатские открытки составляют или подражание немецким образцам, или же они непосредственно немецкие, [но] с русскими надписями-подписями, причем русские или латышские, эстонские и др[угие] инородческие строки, так сказать, ассимилирующие иностранные образцы с русскими, сочетаются с германской каской или литерами «К. и К.» (кайзеровско-королевский) на матросских фуражках.

С началом текущей войны печатаются, можно сказать, не только солдатские, сколько вообще открытки военного характера, но все же преимущественно на сюжеты солдатской походной обстановки, боевой жизни и т.п.

Образцы почтовой солдатской бумаги бывают: 1) бумага для писем всякого содержания: цветки на некоторых листках — это рельефные накладные картинки; 2) бумага для писем поздравительных с праздниками: мы имеем несколько образцов разных издательств, образцы различаются картинками сцен военной жизни, а также украшениями («травмами») и арматурами и 3) листки для писем к родным с отзывами-впечатлениями о военной службе.

Кстати будет заметить, что русская деревня относительно недавно стала писать письма; о письме всего две—три поговорки-пословицы, и только теперешняя частушка стала петь-говорить о письме.

Девушки много поют о письмах от солдат: «Пришло от милого письмо / От маменьки скрывается; / В черной юбке, в кармашке, / Каждый день читается». «Милый пишет, что невесело, / А я не веселюсь, / Каждый день хожу печальная, / Слезами горькими льюсь».

Но вот печальное свидетельство безграмотности деревни: «Не пиши, приятка, писем, / Некому писать ответ; / Я сама не грамотейка, / Писарей знакомых нет».

Неграмотность лучше всего подчеркивает полезность писем с готовым текстом. Однако нам не встречались письма-бланки из деревень в армию. Война вызвала стремление ныне женщин к грамоте, главным образом, из-за желания самим писать письма мужьям, сыновьям и т.д., а также читать их письма с фронта: «Слава Богу, научилась / Письма милому писать, / Напишу милому записочку — / Никто не будет знать».

По заграничным образцам в нынешнюю войну стали прививаться у нас бланки-паспарту для солдатских портретов-групп с рисунками военных арматур и надписями «В память военной службы» и т.п.

Для ознакомления с текстом солдатских писем со службы и о самой службе предлагается несколько наиболее ходких и содержательных писем, так сказать, мирного времени и времени войны.

I. Письма-бланки мирного периода:

«Дорогие мои родные!

Уведомляю вас, что я жив и здоров. Наука военной службы благодаря Всемогущему Богу дается мне легко, а почему я и пользуюсь расположением начальства и дружбою товарищей.

Приношу вам сердечную благодарность за ваше попечение обо мне. С какою особою радостью я получаю ваши письма с наставлениями и советами, ведущими всегда меня к добру и пользе по службе моей. С[о] своей стороны желаю вам от Бога доброго здоровья и всякого благополучия.

Любящий вас...».

(Подпись сына распространенная: «Поручаясь вашим молитвам, прошу родительского благословения и много раз целую ваши руки, остаюсь ваш покорный и любящий сын...»).

«Дорогие родные!

Хотя Провидение и разделило меня с вами, но что же делать; будем молить Милосердного Бога, чтобы он не оставил нас своею милостью, и будьте уверены, дорогие родные, что почтительный сын ваш всегда помнит о вас и о ваших родительских наставлениях, всегда ведущих к добру и пользе моей службы.

Моя служба, слава Богу, идет хорошо, и чрез свое старанье я удостоился любви от начальства и своих товарищей. Поручаю себя вашим молитвам; прошу дорогого для меня родительского благословения, многократно целую вас. Остаюсь ваш любящий сын».

«Здравствуйте мои милые и дорогие родные!

Находясь в разлуке с вами, я очень часто вспоминаю обо всех вас и очень жалею о том, что не могу всех вас обнять и прижать к моему искренно вас любящему сердцу.

Ах, как мне хотелось бы увидеть и расцеловать вас, мои дорогие! Будь у меня крылья, то я сейчас бы, в минуту, прилетел на свою милую родину. Но и теперь я не унываю, остаюсь верою и правдою служить царю и Отечеству, и благодарение Богу, начальство, кажется, замечает мои старания и отличает меня от других.

Не забывайте и вы меня и почаще пишите мне; я очень дорожу вашими советами и помощью. Остаюсь любящий вас сын».

II. Письма-бланки времени войны:

«Милая супруга и дорогие детки!

Спешу обрадовать вас, что я жив и здоров. Мы далеко друга от друга, но мысли мои всегда с тобою и ребятишками.

Я чувствую, что благодаря вашим горячим молитвам Господь оберегает меня до сей минуты от вражеских пуль и штыков.

Не плачьте и не тужите обо мне. Знайте, что я совершаю святое дело, так как защищаю родину-матушку и батюшку-царя от дерзкого врага. Лучше ходите чаще в храм Божий и молитесь, чтобы он вернул меня к вам здоровым и невредимым. За все же лишения нас наградит Господь, а царь-батюшка не оставит своею милостью. Помни пословицу, что «за Богом молитва, за царем служба не пропадают».

Я счастлива, что на мою долю выпала великая честь защищать своею грудью святую Русь. Господь не оставляет нас своею помощью и уж близок час, когда дерзкий враг запросит у нас пощады.

Когда вернусь я на родину, и заживем мы с тобою по старому. А пока что прошу тебя чаще писать мне. Твои письма доставляют мне большую радость. Береги детей, да и сама не плошай.

Передай поклон и почтение всем нашим знакомым, друзьям, соседям и родственникам. Остаюсь любящий тебя твой супруг...».

Приведенные образцы солдатских писем, как трафареты, не заключают в себе, однако, главного — души живой, хотя и верны по мыслям и настроению наших воинов.

Но душа русского солдата прекрасно [и] всецело открывается в тех его письмах, которые он сможет по времени и степени грамотности составить и написать самолично, под непосредственным напльвом одушевляющих его помышлений-чувств, под влиянием переживаний и именно под углом его самосознания — понятий, воспитанных родом-племенем и родной сторонущкой, незыблемых от старины стародавней, основ религиозности и народной морали, как последняя сказывалась и сказывается по народной вековой самобытной мудрости.

Верно складывающееся ныне везде мнение, что солдатские письма нашего времени — историческое проявление умозрений и психологии современной народной массы» в нашу великую эпоху. По удачному меткому выражению К. Чуковского⁵, «заговорили молчавшие» — солдаты.

Книга К. Чуковского «Заговорили молчавшие» (Англичане и война. Письма английских солдат) с 90 иллюстрациями объявлена для чтения в войсках, лазаретах и военно-учебных заведениях (цена 1 рубль), П[етроград].

Ряд мыслей К. Чуковского заслуживает особого внимания по своей новизне и образности: «Солдатские письма — создание нашей эпохи. Прежние века их не знали. Не то, чтобы их не было раньше, но раньше они были курьез[ом], раритет[ом], а теперь — бытовое явление».

История сохранила для нас лишь голоса полководцев, их крылатые слова и приказы, а к «пушечному мясу» не прислушивалась, ибо «пушеч-

ное мясо» молчало; теперь же, напротив, молчат полководцы, окутанные непроницаемой тайной: молчит Китч[е]нер⁶, и Жоффр⁷, и Френч⁸, но говорят те многомиллионные сонмища, которых они ведут за собой.

Их голоса в этих письмах, в замусоленных лоскутках бумаги, в каракулях из действующей армии — голоса уральцев, сибиряков, сингалезцев, шотландцев, ирландцев, зуавов, казаков, бедуинов, новозеландцев, канадцев, чешских и хорватских соколов, прусских улан и т.д., и т.д.

По народностям, в этих письмах воплощен не солдатский, а народный идеал, который воплощался доселе в коллективных народных созданиях, в народных песнях, легендах и сказках.

За время нынешней войны впервые сборники солдатских писем стали выходить в Англии (издания Дж. Эдкока и Кильпатрика), и подобные сборники должны бы «по праву заменить собою корреспонденции с театра войны: в них достовернейшее изложение событий» или же, по крайней мере, выражения массового настроения.

В последнее время подобные же сборники стали выходить и во Франции, и Германии (под строгой цензурой).

К. Чуковский, получивший английские и русские письма, делает оговорку, что письма английских солдат по фактичности изложения — настоящая «корреспонденция», в письмах же русских солдат «факты в них зыбки и смутны; главное в них «психея» — душа», в них интересен не столько фактический, сколько психологический, бытовой материал.

Характернейший, очень показательный случай: когда одному собирателю британских солдатских писем, мистеру Джону Эдкоку, понадобилось привести в своем сборнике описание душевных переживаний солдата, впервые попавшего в бой, он был принужден обратиться именно к русским источникам.

Он прямо говорит в своей книжке: «Самый яркий, живой и подробный отчет о первых впечатлениях под адским огнем современных баталей дан русским артиллеристом, раненым, в письме из петроградского госпиталя», — и приводит длинный рассказ, напечатанный первоначально в [русской газете] «Речь».

В то время как в Англии вышли уже десятки томов солдатских писем под различными заглавиями, «русские солдатские письма приходится, — по замечанию К. Чуковского, — искать в английских книгах». «Приходской листок» с самого начала войны рекомендовал вниманию нашего сельского духовенства составление подобных сборников, но...

Отмечается еще одна любопытная и тоже, так сказать, этнографическая русская черта в письмах наших воинов — это ритм, иначе — песенный склад и лад писем. Солдатская эстетика требует, чтобы письмо было написано в рифму, стилем старорусского раешника, и если в начале письма истовая, трезвая проза, то к концу оно, так и жди, распояшется, станет бойчее, размашистее...

В подтверждение этого совершенно правильного заключения [можно] привести следующие выписки.

Послание уральского (или донского?) казака: «Стоим на речке Висле, прудим ее германцами. Крови — в голенища заливает. Вода в Висле из белой стала красной, рудой подплыла. И стала от этого Висла называться Неманом, или Германом (!). А еще извещаю вам, дорогие родители, батенька и маменька, что коня подо мною убили, природного нашего Бурчика, и достал я себе германского коня. Конь не плохой, а все... прет в Германию, никак не удержишь».

«Все здесь, — говорит г[осподин] Чуковский, — фантастично, раззолочено древне-песенным эпическим орнаментом: этот конь, который рвется в Германию; эта Висла, которая сделалась Неманом, в которой вода была «белая», а ныне «рудой подплыла». Но разве сквозь эту поэтичную ложь не чувствуешь прелестно-певческую душу щепетливого Алеши Поповича!».

И как[ая] шемящая прелесть в этом священном обряде крестьянских, деревенских поклонов, занимающих почти половину письма: «Пущено письмо от любезного братца нашего, рядового Юхима Хванасовича. Любезная сестра, Настасья Хванасовна, посылаем вам низкий поклон от белого лица до сырой земли. И еще кланяемся законному супругу вашему Мыките Ларивоновичу от белого лица до сырой земли. И еще кланяемся дочке вашей Кульине Микитышне. И еще кланяемся своему крестнику Охриму Микитовичу, и с любовью низкий поклон от белого лица до сырой земли».

В следующем письме, в его начале, чуть заметен торжественный былинный каданс: «Письмо из окопов с передней позиции. / Сижу я в окопах на передовой позиции, / Воткнувшись нос к носу с противником». Такой размер незаметно для автора проходит сквозь все письмо. Но к концу он все удалее, забористее:

«Вот наш кайзер наконец / Свернул на крепость Осовец⁹, / И там свернули ему нос, / И заметался он, как пес, / Забрал винтовки и лопаты, / Пошел скорее на Карпаты. / И там дадут дубину в спину, / Тогда уйдет прямо к Берлину. / Тогда и будет там сидеть, / На нас, молодчиков, глядеть» (Подлинник написан сплошными строками).

Необходимо еще указать, что солдатские письма зачастую проникнуты мистическим направлением и нередко — фатализмом.

Еще несколько любопытных замечаний-наблюдений по поводу солдатских писем в настоящую войну, именно в отношении их стихосложности... и высокого духовного подъема.

«Заговорили молчавшие», но этого мало, «серые герои» — солдаты стали засыпать редакции своими письмами: работники войны среди ужасов боя, в сырых темных окопах находят, оказывается, время и силы заниматься еще «литературой».

«Господин редактор, если возможно, то напишите в газете наше послание, — просят авторы. — Посылаем стих. Привет и мир всему народу от русских солдат с передовых позиций».

Вот это-то и знаменательно — почти все посылают из армии «стих».

Какую-то подлинную тайну... заключают эти нескладные и неуклюжие, каракулями написанные стихотворения.

«Стих, сочиненный под свист пули» — так называется, например, один из них: «Вильгельм¹⁰, нарушитель ты мира земного, — начинается «стих», — Убийца народный / Детей неповинных, отцов наших, жен».

Какая-то подлинная, вовсе не «литературная», иная значительность слышится в этом написанном где-то в подземных траншеях «стихе», восклицаемом: «Мучитель всемирный. / Напрасно мечтал властелином ты быть» и подписанном: «Ефрейтор... пехотного полка М. Мареев».

Технически неумелы стихи, топорны строфы, но все же важно вдуматься в слова их — настоящие слова, от сердца идущие и, несомненно, волнующие читателя... Как, несомненно же, таящие в себе внутреннюю силу, властно захватывающую внимание, мысль и чувство.

Душа русской армии это — душа народа русского.

И эти трогательные стихи, какие приходят из сырых окопов, при всей внешней неумелости своей — яркое доказательство того, как подлинно поэтична душа солдата, душа армии, душа народа.

Не тот поэт, кто умеет писать гладкие и звучные строки. Поэт тот, кто всегда и везде, даже среди ужасов войны, даже в липкой грязи окопов, умеет сохранить просветленное и возвышенное, подлинно поэтическое отношение к жизни!

I. Письма к приходским священникам:

«1914 года декабря 22. Первым долгом нашего письма спешим уведомить Вас, Отец наш дорогой, что мы, Ваши прихожане Яков и Иван, находимся по милости Божией, молитвами вашими живы и здоровы и посылаем Вам, дорогой наш Отец, свое всенижайшее почтение и с любовью низкий поклон. И желаем Вам от Господа Бога многие лета в добром здравии прожить и с нами увидеться.

Уведомляю я Вас, милый и дорогой Отец, что я ваше письмо и благословение получил 27 ноября, которое очень нас [по]радовало. Я когда получил от ротного командира, распечатал и увидел икону Божией Матери Заступницы Усердной, то со слезами принял ее и потом показал ротному командиру, и он сказал: «Великое спасибо вашему батюшке, что прислал в нашу роту благословение».

27-го я получил благословение, а 28-го нам было назначено отбить от неприятеля деревню Л. Тогда ротный [командир] сказал нам: «Вот, братцы, нам приказано сегодня выбить неприятеля из деревни... вчера в нашу роту получена икона Божией Матери, и будем надеяться и уповать на Заступницу Усердную, Царицу Небесную, и она нас заступит от нашего врага». Тогда мы пошли в наступление, и благодаря Богу и Заступнице Усердной мы отбили деревню и взяли в плен 71 человека. А наших никого не убило и не ранило, благополучно мы забрали деревню Л. ... А 6 и 7 декабря было жаркое дело, но из нашей роты один убит и 2 ранены...» (Дальше идут пожелания).

II. Письма к товарищам:

В этих письмах, интересных по содержанию, чувствуется удивительная нежность и искренность в товарищеских отношениях.

«Братцы, будьте добры, помните меня. Я защищаю царя и вас, чтобы я один победил врага, а вы были бы дома; для вас было бы хорошо и для меня. Помните, был я ранен и не стал долго мешкать, потом опять [пошел] в бой. Пишет моя жена письма, и я доволен, но и от вас, братцы, прошу... Нахожусь в странах далеких, смотрю, когда ясный день, в свою сторонушку и вспоминаю вас...».

III. Письма в стихах:

Письмо к матери: «Расстались мы с тобой... Тяжелый час разлуки / В мятущейся душе прошел не без следа: / Любящие глаза, исполненные муки, / Мне чудятся теперь повсюду и всегда».

«Когда же загремят поля в кровавом споре / И в шуме боевом витает смерть кругом, / Забывши о себе, но помня твою горе, / Предвечного Творца молю я об одном: / Пусть Праведный Судья, молю тебя внимая, / Даст счастье тебе увидаться со мной; / Скопленная войною туча грозовая / Да минет над твоей седею головой... / А если он судил, и жизнь на бранном поле / Мне в жертву принести отчизне дорогой, / Пусть милости его в твоей суровой доле / Незлобивой душе твоей дадут покой... Сиб[ирский] стрел[ок] Я. Чупахин».

Письмо домой в форме частушки: «Жив, здоров я, слава Богу, / И того же вам желаю, / Бью здесь немцев понемногу, / Дом родимый вспоминаю».

IV. Ряд писем домой «известительных» о положении на войне (от солдат-хохлов).

Вот выборки из писем. Один пишет своей жене: «Теперь у нас прямо праздник, снаряду того целые горы... стреляем за удовольствие».

Другой: «Ну, жинко, пысав я тоби раньше, що ничего на зиму не запасай, бо прыйдеться тоби тикаты... Та ошибся я... Ноне до нас як везут того снаряда щей надпись: «Снарядив не жалеть». Теперь сыды дома... Не сегодня, завтра пожыным ковбасныка».

Третий: «Теперь у нас радисть, усякаго снаряжения багато, скоро возьмем назад Львов».

[При]мечательно, [что] за год—полтора свыклись ли с военной обстановкой, или же война для нашего малоросса — стихия, но в каждом письме два—три слова о семье, а все об одном: снарядах, коих много везут, о диких схватках, о том, как бы скорее вернуть Галицию...

Неудивительно, что местные старики замечают: «Та нашего солдата тилко накорми, та дай ему люльку в зубы, то вин и в пекло полезет».

V. Письмо казакам-кубанцам приготовительного разряда (стан[ица] Бейсугская):

«Здоровы, дорогие товарищи!

Посылаем вам всем привет. Мы, казаки 2-й сотни №2-го полка станицы Бейсугской, все, по который час живы и здоровы, и готовы всякий час и всякую минуту сразиться с врагом за свою дорогую родину. Да здравствует станица Бейсугская! Мы надеемся не посрамить своей станицы до конца. Мы думаем, что вы весь взор, весь слух свой устремили на нас.

Да, мы должны быть героями. Мы живем здесь, как родные братья, все шутим, балуемся, ни о чем не тужим. Подчас вспоминаем свою дорогую станицу, прошлые годы: как хорошо жилось нам, а

теперь связала нас обязанность защитить родину, и мы защитим.

Живется у нас и здесь хорошо, всегда у нас весело, кормят хорошо, да о чем будет казак унывать, раз он знает, что защищает свою дорогую родину? Она дороже всего! Молите Бога, братцы, чтобы он помог нам прославить нашу дорогую Кубань.

Братцы, сердечно благодарим вас за подарки, табак от вас мы получили.

Привет атаману ст[аницы] Бейсугской, привет инструктору, привет вам, братцы, привет всей станице.

Писал ур[ядник]¹¹ Петр Полянский (10 января 1915 года, близ города Тарнова)».

Письма из дома-деревени почти не попадают в печать. Несомненно, однако, по имеющимся образцам, письма «с родной сторонушки» полны бодрости духа крестьянства, веры в победу нашего воинства и одушевления своими заветами воинов, борющихся за родину.

В [качестве] пример[а] приводим письмо в армию отца-казака сыну-добровольцу:

«Дорогой сын! Да благословит тебя Господь Бог, и я посылаю свое родительское благословение. Я радуюсь и горжусь, что ты осуществил такое святое дело, как поход на врага в защиту своего царя-батюшки и дорогой России. Раз ты решил такое дело, то смотри, не посрами свою родину. Будь храбр и тверд; если тебя посылают куда-либо, то не дорожи собой; помни одно, что за Богом молитва, а за царем служба не пропадет.

При сем прилагаю крест, на котором распят Спаситель мира, пострадавший[ий] за наши грехи. Так и нам с тобой надлежит пострадать и освободить царя-батюшку и дорогую родину от врагов.

Будь здоров... Еще раз благословляю тебя и желаю победы над врагами. Твой отец Л.».

На наш взгляд, приведенные письма — подлинные излияния живой души солдата — как нельзя лучше подтверждают высказанное мнение о высокой религиозности, морали и патриотизме, коими наше воинство не только живет само, но, в свою очередь, если можно выразиться, питает на родимой сторонушке свою «родню — породу сердешную»... Оповещая деревню о царящем в армии настроении, наши воины, конечно, тем самым поднимают дух народных масс, устраняют всегда возможное пессимистическое отношение последних к войне¹². И, что, пожалуй, самое главное, дают крестьянству с народной точки зрения верный непосредственный критерий к пониманию создающегося на театрах войны положения дел.

«Всенародная лирика» — самая лучшая философия войны, в ней острее всего сказывается наше самосознание. В ее широкий круг равно входят и книжная поэзия, и вдохновение самоучек, и подлинная «окопная» песня, и прилюдная частушка. И все это, разноцветное, разнозвучное, сливается в одну героическую песню народа.

К области «всенародной лирики» — области творчества народного слова — следует отнести и солдатское письмо; оно ведь, несомненно, произведение свободного излияния духа — души воина, и при том нередко в песенно-былинном складе по форме и в героическом ладе по одушевлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Триполитанская война (1911—1912) Италии против Турции с целью захвата турецких владений в Северной Африке — Триполитании и Киренаики (Ливия). Закончилась поражением Турции, которая по Лозаннскому миру 1912 г. уступила эти территории Италии.

² События, связанные с Балканскими войнами. 1-я Балканская война (9.10.1912—30.5.1913) государств Балканского союза (Болгарии, Сербии, Греции и Черногории) против Османской империи. Освободительные цели борьбы (за освобождение Балкан от турецкого ига) и согласованные действия союзников обусловили поражение Османской империи. По Лондонскому договору 1913 г. она лишилась европейских владений (кроме Стамбула и части Фракии). 2-я Балканская война (29.6—10.8.1913) Болгарии против Греции, Сербии и Черногории, к которым присоединились Румыния и Османская империя, была вызвана обострением противоречий между прежними союзниками и стремлением Германии и Австро-Венгрии подорвать растущее влияние Антанты на Балканах. Завершилась поражением Болгарии, которая по Бухарестскому мирному договору 1913 г. потеряла почти все приобретенные ранее территории.

³ В июле 1908 г. в Османской империи произошла Младотурецкая революция, подготовленная буржуазно-националистической организацией «Единение и прогресс», в результате была провозглашена конституционная монархия. После попытки феодальной реакции восстановили старый режим (апрель 1909 г.) султан Абдул Хамид II (1876—1909) был низложен. В июле 1912 г. младотурки были свергнуты реакционерами, однако в результате поражения Турции в 1-й Балканской войне (1912—1913) младотурки вновь пришли к власти в лице триумvirата (Энвер, Талаат и Джемаль). 11 ноября 1914 г. младотурецкое руководство провозгласило джихад («священную войну») против стран Антанты. В результате поражения в Первой мировой войне в октябре 1918 г. Османская империя прекратила свое существование.

⁴ Имеются в виду события, связанные с Ихэтуанским («боксерским») восстанием в Китае в 1898—1901 гг. Целью восставших ихэтуаней («отрядов справедливости и мира»), насчитывавших в своих рядах около 100 тыс. человек (1900 г.), было уничтожение иностранного господства, борьба с христианской церковью и ее миссионерами, поддержка цинской императорской династии. Повстанцы были разгромлены объединенными силами 8 держав (Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, России, Японии и США) численностью до 40 тыс. человек. 7 сентября 1901 г. между союзниками и цинским правительством был подписан Заключительный протокол, окончательно закрепивший полукOLONиальное положение Китая.

⁵ **Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фамилия Николай Васильевич Корнейчуков)** (1882—1969) — русский и советский писатель, литературовед, доктор филологических наук. Автор научных работ о Н.А. Некрасове, А.П. Чехове, У. Уитмене, искусстве перевода, русском языке, детской психологии и речи («От двух до пяти», 1928), классических произведений для детей в стихах и прозе («Мойдодыр», «Тараканище», «Айболит» и др.).

⁶ **Китченер Гораций Герберт** (1850—1916) — британский фельдмаршал (1909). В 1899—1900 гг. — начальник генерального штаба, в 1900—1902 гг. — командующий британскими войсками во время англо-бурской войны

(1899—1902), в 1902—1909 гг. — командующий британскими войсками в Индии. В 1914—1916 гг. — военный министр Великобритании.

⁷ **Жофр Жозеф Жак Сезер** (1852—1931) — маршал Франции (1916). Участник франко-прусской войны 1870—1871 гг. В 1911—1914 гг. — начальник генерального штаба. В Первой мировой войне — главнокомандующий французской армией (1914—1916). Член высшего военного совета Франции.

⁸ **Френч Джон Дентон Пинкстон** (1852—1925) — британский фельдмаршал (1913), участник англо-бурской войны 1899—1902 гг., командир дивизии и корпуса. С 1912 г. начальник имперского генштаба. В Первую мировую войну с августа 1914 г. командовал британскими экспедиционными силами во Франции, затем войсками в метрополии. В 1918—1921 гг. — лорд-лейтенант (наместник) в Ирландии.

⁹ Осовец — город на северо-востоке Польши (Белостокское воеводство), бывшая русская крепость на реке Бобр (Бобж). Сооружена в 1882—1887 гг. для прикрытия Белостокского железнодорожного узла и брест-литовского операционного направления. К началу Первой мировой войны оборона Осовца включала систему долговременных и полевых укреплений. Опираясь на них, гарнизон крепости и 57-я стрелковая дивизия 30.1.(12.2) — 9(22).8.1915 г. успешно отражали многократные атаки германских войск.

¹⁰ **Вильгельм II Гогенцоллерн** (1859—1941) — германский император и прусский король (1888—1918). Способствовал развязыванию Первой мировой войны. Свергнут Ноябрьской революцией 1918 г. в Германии.

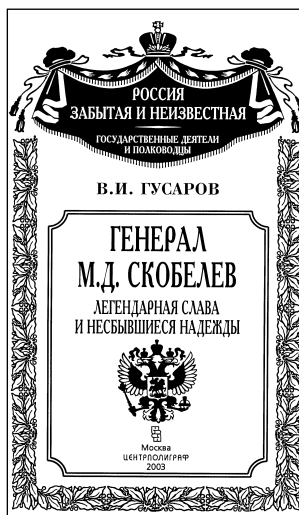
¹¹ Урядник (от старорусск. «уряд» — порядок, устройство) — воинское звание (чин) младших командиров (унтер-офицеров) в казачьих войсках русской армии. Звание старшего урядника имели помощники командиров взводов, младшего урядника — командиры отделений.

¹² Проводившиеся в России в ходе Первой мировой войны исследования позволяют судить о реальных настроениях на фронте и в тылу. Например, в феврале 1916 г. (после военных поражений кампании 1915 г.), по данным военной цензуры, «корреспонденция, посланная из армий Западного фронта, была распределена так: 2,15 проц. — писем в угнетенном состоянии; 30,25 проц. — писем бодрых; 67,6 проц. — писем уравновешенных, но содержащих в себе спокойную веру в конечный успех русской армии» (Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. В 2 т. Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939. Т. 1. С. 158). Проведенное в ноябре 1914 г. анкетирование сельских жителей Костромской губернии показало, что по отношению к войне ответы распределились следующим образом: 1) война — бедствие, «настроение угнетенное, желание одно — скорейшее окончание войны» — 44 проц. (преобладают голоса крестьян); 2) «настроение бодрое, замечается воодушевление, уверенность в победе» — 39 проц. (преобладают голоса духовенства — 35 проц., крестьян — 33 проц., прочих сословий — 24 проц. и 8 проц. неподписанных бланков); 3) нейтральные ответы «настроение неопределенное», «мало изменилось», «ждут конца войны» — 17 проц. (Война и костромская деревня. По данным анкеты статистического отделения. Кострома: Типография Х.А. Гелиш, 1915. С. 67, 68).

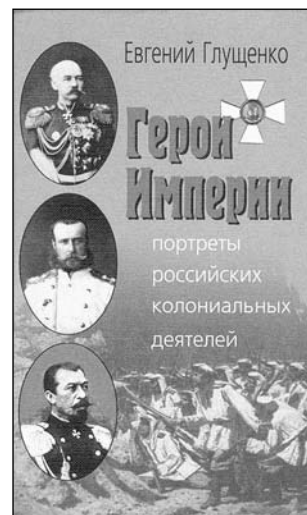
*Публикацию подготовил полковник
И.В. ОБРАЗЦОВ,
доктор социологических наук, доцент
(Москва)*

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

В последнее время российская военно-историческая библиотека пополнилась весьма заметными изданиями — книгами об известных отечественных военачальниках и политических деятелях генералах М.Д. Скобелев*, К.П. фон Кауфмане, М.Г. Черняеве. Люди эти, впрочем как и многие сотни других героев русской истории, по указанию тех, кто пришел к власти в стране после октября 1917 года, долгое время находились в забвении. Памятники им были уничтожены, с географических карт исчезли названия, связанные с их именами.**

Титульный лист

Обложка книги

В 1923 году нарком просвещения А.В. Луначарский (1875—1933) так сформулировал партийное (большевистское) отношение к отечественной истории: «Преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено». Историю отбрасывали вместе с «образцами» и очень энергично: переписывали учебники, переименовывали улицы, громили памятники и церкви.

М.Д. Скобелев (1843—1882) также попал в число злодеев «старого режима», и все памятники ему были уничтожены. Но вот грянула Великая Отечественная война, и государственной пропаганде понадобились «образцы для подражания». Такими стали Александр Невский, Дмитрий Донской, генералиссимус А.В. Суворов и фельдмаршал М.И. Кутузов, еще несколько военачальников прошлых времен, а вот Михаил Дмитриевич в число реабилитированных героев не попал.

В 1944 году, когда исход войны стал очевиден, в атмосфере патриотического подъема русские историки до-революционной плеяды, чудом избежавшие репрессий 30-х годов, стали открыто говорить о необходимости признать заслуги исторической науки дооктябрьского периода — школы В.О. Ключевского (1841—1911) — и «покончить с национальным нигилизмом», т.е. с уничижительным отношением к тысячелетней истории России — школа М.Н. Покровского (1868—1932). Инициаторами столь смелого патриотического почина стали академик Е.В. Тарле (1875—1955), члены-корреспонденты АН СССР А.В. Ефимов (1896—1971) и А.И. Яковлев (1878—1951). Они являлись не только весьма уважаемыми историками, но и лауреатами Сталинской премии, что, конечно, не могло не укреплять их по-

зиций. Однако в ЦК ВКП(б) на них тут же пришло письмо от члена-корреспондента АН СССР А.М. Панкратовой. Вот что она писала: «Тарле и другие опровергали ленинское выражение: «Россия — тюрьма народов...»; «...Профессор Яковлев объявил прогрессивной всю колониальную политику царизма в XVIII—XX веках, а все национально-освободительные восстания считает реакционными, называя их даже не восстаниями, а «нападениями». На том же основании он называет «героями русской истории» царских колонизаторов — Черняева, Скобелева, Кауфмана».

Поразительно не то, что А.М. Панкратова высказала подобное мнение, а то, что после всего этого, хотя Скобелева и других героев Российской империи тогда не реабилитировали, однако не репрессировали и тех, кто радел за восстановление их доброго имени. Реабилитация же оказалась отложенной почти на полвека.

За последние 15 лет в свет вышли десятки книг и статей, посвященных М.Д. Скобелеву, и, конечно, В.И. Гусаров и Е.А. Глуценко не могли не учитывать этого обстоятельства, а потому попытались, и довольно успешно, найти собственные подходы к теме. Книга В.И. Гусарова имеет рубрику «Научно-просветительное издание», что допускает сообщение фактов, достаточно изученных в свое время (порою полвека назад) отечественными историками, но, быть может, не известными любознательному читателю-неспециалисту. В описании жизнедеятельности своего героя Гусаров считает «целесообразным, не пренебрегая деталями в необходимых случаях, особенно в тех, которые были обойдены вниманием других исследователей... сконцентрироваться на наиболее масштабных деяниях Михаила Дмитриевича» (с. 114). Надо признать, что военная, административная и политическая деятельность Скобелева написана широкими мазками, отмечены только ее главные вершины. Достоинствами рецензируемой книги следует считать две, как теперь принято говорить, составляющие: фон, т.е. общественно-политиче-

скую и экономическую обстановку в России в 60—70-е годы XIX века, знакомство с которой необходимо, чтобы понять мотивацию многих действий героя, а также тщательный анализ событий, непосредственно связанных с посмертной славой Скобелева и попытками заглушить память о нем.

Немалый интерес в книге В.И. Гусарова представляет очерк о реформе армии и флота, в которой Скобелев принимал участие и которая в отличие от крестьянской проводилась успешно и весьма последовательно. Интересно, что цели той военной реформы мало отличались от теперешних. «По сравнению с системой организации и составом войск, существовавших в 1862 году, — пишет В.И. Гусаров, — новая организация регулярной армии имела следующие преимущества: число собственно боевых частей, которые могли бы в короткий срок перейти в состояние боевой готовности и выступить, увеличилось в пехоте и артиллерии» (с. 56). В течение 20 лет в российской армии и на флоте проводилось полномасштабное перевооружение. Пехота получила надежную и дальнобойную винтовку, а артиллерия — стальные нарезные орудия. Скорострельная пушка В.С. Барановского (1846—1879) с оптическим прицелом способна была производить до 10 выстрелов в минуту. Преобразился и русский флот. Фактически он был отстроен заново, причем на отечественных верфях. Это уже был современный броненосный винтовой флот.

В.И. Гусаров выполнил тщательный анализ источников и литературы, опубликованной после кончины Скобелева, и в ходе этой исследовательской работы ввел в оборот новые малотиражные издания и соответственно новые факты из биографии замечательного русского военачальника.

Отдельную главу книги автор посвятил вопросу об уничтожении памяти о национальном герое на его родине. Все началось 12 апреля 1918 года, когда В.И. Ленин подписал декрет Совнаркома «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг». Наряду с другими были уничтожены все

* Гусаров В.И. Генерал М.Д. Скобелев. Легендарная слава и несбывшиеся надежды. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 335 с.

** Глуценко Е.А. Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М.: XXI век — Согласие, 2001. 464 с.

памятники М.Д. Скобелеву, а также переименовывались города и улицы, когда-то названные в его честь. Немало постарались и крестьяне Рязского уезда, где была расположена усадьба Скобелевых Заборowo-Спаское. «В сентябре 1917 года фамильная усадьба Скобелевых была разграблена местными жителями... Тогда еще здесь жила Надежда Дмитриевна — основательница Скобелевского комитета. Она пыталась остановить грабителей увещеваниями, мольбами и просьбами вспомнить о том, сколько доброго сделал для них Михаил Дмитриевич. Но ничего не помогло и не смутило мародеров... В 1929 году была разрушена церковь, а в 30-е годы — остальные здания и постройки усадьбы Скобелевых» (с. 251).

Недостойное дело физического искоренения памяти о герое освободительной войны 1877—1878 гг. имело символическое завершение. В 1938 году коломенская газета «Известия» сообщила, что официальная группа людей, искавших ценности царского режима, вскрыла могилу М.Д. Скобелева. «Но ни орденов, ни оружия, ни других ценностей в могиле не оказалось. Одному из мародеров приглянулись сапоги на покойном, уж очень были хороши... Снять хотел, да только каблук в руке остался» (с. 237).

Книга В.И. Гусарова завершается рассказом о том, как буквально по крупицам собирались редкие сохранившиеся личные вещи полководца, создавались музеи, как разворачивала свою деятельность (только на энтузиазме) воссозданный в 1995 году Скобелевский комитет.

Что касается книги Е.А. Глуценко, то в ней кроме очерка о М.Д. Скобелеве помещены также очерки о К.П. фон Кауфмане (1818—1882) и М.Г. Черняеве (1828—1898). Этим генералам повезло меньше, чем Скобелеву: о них в нашей исторической литературе сказано очень мало. Книга Е.А. Глуценко восполняет этот пробел, фактически это ответ на пожелание А.И. Яковлева, высказанное более полувека тому назад. При жизни Кауфман и Черняев были популярны не менее Скобелева, и памятники им тоже ставили, и памятники эти также были уничтожены.

Книга Е.А. Глуценко — это подтвержденное документами повествование о процессе завоевания в течение 20 лет среднеазиатских оазисов, во главе которого и находились эти три ключевые фигуры.

Наверное, каждому русскому с детства знакомы знаменитые и страшные картины В.В. Верещагина «Смертельно раненный», «Апофеоз войны», иллюстрирующие войну где-то в Средней Азии. Однако о самих туркестанских войнах, которые вела Россия, широкому читателю не известно почти ничего: в советских школьных учебниках о них почти не упоминалось, кинофильмы о них не снимались, популярных книг о них не писали. Серьезная научная работа на эту тему — книга Н.А. Халфина «Присоединение Средней Азии к России» — вышла в 1965 году. И все.

Нынешней России, очнувшейся от вынужденной 70-летней духовной и интеллектуальной спячки, крайне нужны добросовестные и серьезные

труды о прошлом, восстанавливающие историческую связь между поколениями и тем самым помогающие россиянам самоидентифицироваться. В национально-историческом возрождении России бесценную службу могут и должны сослужить не только глобальные исторические исследования, но и работы, посвященные, если перефразировать слова А.Т. Твардовского, «малой истории», т.е. истории рода, семьи и отдельных людей, в первую очередь тех, кто сыграл определенную роль в становлении нашего Отечества. Вот Глуценко и создал книгу как раз такого плана. Написанная профессиональным историком, предки которого принимали участие в исследуемых событиях, книга Глуценко особенно ценна и потому, что сам автор лично заинтересован в возможно большей глубине исследования, и потому, что наряду с биологической генетической памятью, как известно, существуют и духовные связи поколений.

Любителю отечественной старины будет небезынтересно познакомиться с организацией военных действий российских войск в Туркестане, с приемами и методами русской военной и государственной администрации, узнать о тогдашней борьбе с бюрократическим невежеством, об отношении русских генералов к своим подчиненным и к службе. Новому русскому предпринимателю, наверное, нелишне будет знать о деятельности русских купцов на среднеазиатском рынке. Читателю, особенно молодому, интересно послушать рассказ о благородстве и подвигах русских солдат в условиях, схожих с условиями нынешней антитеррористической операции в Чечне, о подлинном героизме русских воинов и, увы, о незаслуженно забытых героях, таких, как Агафон Никитин, о том, что К.П. фон Кауфман и М.Д. Скобелев отменили в Туркестане рабство и работорговлю, что Кауфман провел земельную реформу в пользу тех, кто непосредственно обрабатывал землю; развивал торговлю и ремесла; организовал широкое изучение края. В книге приводится много новых исторических свидетельств, вдвойне любопытных потому, что работа Е.А. Глуценко — объективное исследование, свободное от столь модной ныне идеализации императорской России и царской армии. Нет в ней и идеализации героев повествования, в частности М.Г. Черняева.

Книга, а она у автора далеко не первая, вновь показывает его умение вложить в малый объем обширную информацию. Автору присуща способность якобы вскользь сообщать интересные для любопытного читателя сведения, как, например, о существовавшем обычае в среде Георгиевских кавалеров обмениваться наградными крестами. Но что, пожалуй, еще важнее — в книге содержатся материалы, заставляющие переосмыслить, казалось бы, бесспорные исторические аксиомы вроде пресловутого «вопроса о проливах», который рассматривался советскими историками как пример ничем не

обоснованной захватнической политики царизма. Автор же показывает жизненно важное значение этих проливов для России, в частности для экспорта хлеба, о чем наша официальная пропаганда раньше старательно умалчивала.

В трудах Е.А. Глуценко мне импонирует и его манера изложения материала, и его уважение к читателю. Как настоящий исследователь, он прекрасно понимает, что читатель весьма часто бывает не глубже автора, а потому последний не должен навязывать первому свои выводы, но обязан дать ему максимально полную и объективную информацию и предоставить возможность самому сделать необходимое заключение.

Последнюю похвалу посвящаю языку книги, который не мешает понять мысль автора, с чем мы, к сожалению, так часто сталкиваемся ныне. Четкость и лаконичность изложения материала, точность и емкость слов и предложений характерны для рассматриваемого исследования.

Как водится, рецензент должен хоть в чем-то возразить автору. Чтобы не нарушить этой традиции, должен выразить свое несогласие с высказанной в книге оценкой распространенного в русской публицистике 60—80-х годов XIX века мнения о том, что стоит российским войскам войти в Индию, как тут же массы индийцев поднимутся на восстание против англичан, т.е. повторится мятеж сипаев 1857 года. Е.А. Глуценко считает, что это «было большим заблуждением, поскольку Россию в Индии знали мало, да и чем, с точки зрения индусов, русские колонизаторы могли быть лучше английских?» (с. 253). Думаю, во-первых, что сам автор отвечает в книге на вопрос, чем русский «колонизатор» был лучше английского, а во-вторых, хочу отметить, что русская публицистика не была одинока в таком «заблуждении», так как его разделял знаменитый в конце XIX — начале XX века француз, индолог и автор приключенческих романов Луи Жаколио, который в своей книге «Покоритель джунглей» писал, что «прах сотен тысяч павших за свободу индусов может мирно покоиться в родной земле. От далеких границ приближаются быстрые кони казаков Дона и Урала. Киргизские всадники и бывшие туркестанские кочевники прохватают выучку под знаменами белого царя, и не пройдет и четверти века, как правосудие Божие придет на землю Индии вместе с русскими полками, и будут отомщены мертвые и наказаны убийцы». Автору удалось создать не только научный труд, но интересную и своевременную книгу, которая, без сомнения, будет востребована читателем.

В целом же новые работы В.И. Гусарова и Е.А. Глуценко весьма нужны. Они как бы помогают ныне несколько растерявшемуся от натиска новых реалий российскому обывателю снова обрести почву под ногами, способствуют воссозданию русского духа.

С.С. НОВИКОВ,
кандидат исторических наук
(Москва)

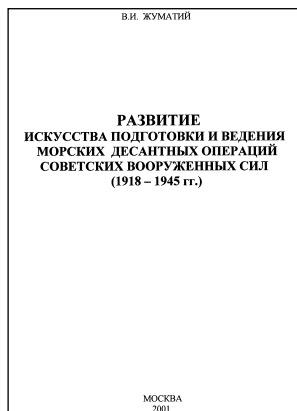
ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МОРСКИХ ДЕСАНТНЫХ ОПЕРАЦИЙ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ научная литература пополнилась новым фундаментальным трудом: увидела свет монография кандидата исторических наук, профессора капитана 1 ранга в отставке В.И. Жуматия*. В ней, опираясь на научные исследования предшественников и новые документальные источники, автор обстоятельно, со знанием дела проанализировал эволюцию теории и практики применения морских десантных операций, основные направления их подготовки и проведения.

В.И. Жуматию, на наш взгляд, удалось достоверно воспроизвести обстановку, в которой формировались советские военно-теоретические взгляды по данной проблеме, достаточно глубоко раскрыть характер десантных действий враждующих сторон в годы Гражданской войны в России (1918—1920 гг.), суть противоречивых толкований и положений об одном из самых сложных и недостаточно изученных направлений военно-морского искусства, процесс реализации теоретических разработок в ходе оперативной (боевой) подготовки войск и сил флота в межвоенный период (1921—1941 гг.), а также во время боевых действий на КВЖД (1929 г.) и советско-финляндской войны (1939—1940 гг.), уточнить некоторые неоднозначно трактованные ранее факты из истории создания сил и средств, использовавшихся при высадке различных десантов.

Существует устоявшееся мнение, что в межвоенный период Вооруженные Силы СССР не имели морской пехоты, а первой родственной ей воинской частью считается 1-я бригада Балтийского флота с соответствующим названием, сформированная в 1940 году после советско-фин-

* Жуматий В.И. Развитие искусства подготовки и ведения морских десантных операций Советских Вооруженных Сил (1918—1945 гг.). М.: Изд. Института военной истории МО РФ, 2001. 436 с.

Титульный лист книги

ляндской войны¹. С учетом архивных данных В.И. Жуматий делает существенную поправку: морская пехота в нашей стране была создана на 15 лет раньше, чем до сих пор считалось. На основании приказа председателя РВС СССР М.В. Фрунзе (№ 724/146 от 1925 г.) начальнику Штаба РККА С.С. Каменеву 17 июля 1925 года было предложено «взамен караульного полка в Кронштадте создать в крепости Кронштадт полк морской пехоты, на который возложить оперативно-караульные функции и подчинить его во всех отношениях морскому командованию». Осенью того же года полк морской пехоты был сформирован. В него вошли 1040 человек². С тех пор морские пехотинцы регулярно участвовали в учениях и маневрах Морских сил Балтийского моря, особенно в ходе десантных действий.

В монографии анализируется деятельность военных ученых, внесших значительный вклад в развитие теории и практики морских десантных операций, рассказывается, как воплощались в жизнь их идеи. Особое внимание в ней уделено подготовке и ведению десантных действий в годы Великой Отечественной войны и в войне с Японией (1941—1945 гг.). Рассматривая основные направления исследуемой проблемы, получившей развитие в боевой обстановке, автор труда глубоко проанализи-

ровал деятельность командующих (командиров) и штабов, состояние оперативной и боевой подготовки разнородных соединений и частей, организацию управления и взаимодействия десантных войск, авиации и сил флота при планировании морских десантных операций и при подготовке к ним, их техническое, специальное, тыловое и политическое обеспечение во время боевых действий.

Значительное место в книге отведено исследованию искусства ведения морских десантных операций: вопросам совершенствования посадки десантных войск и погрузки техники, достижения успеха на переходе десантных отрядов и осуществления их защиты в море, развития тактики ведения боя за высадку десанта и расширение плацдарма, выполнения главных задач, поставленных десантными силам. Примечательно и то, что наряду с рассмотрением успешно проведенных операций В.И. Жуматий подробно проанализировал и другие — неудачные.

В конце книги помещены 117 приложений, 25 схем, а также приведены 20 ранее изданных наиболее важных работ автора труда на рассматриваемую тему, способствующих более предметному восприятию публикуемого материала.

Оценивая содержание монографии и признавая её актуальность, следует, однако, отметить, что в ней не уделено должного внимания источниковой базе. В частности, за рамками работы осталась характеристика историографии и источников по проблеме. Но этот недостаток не умаляет очевидных достоинств книги, которая, несомненно, вызовет интерес у кадровых военных, историков, преподавателей военно-учебных заведений и широкого круга читателей, интересующихся проблемами военной истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Камалов Х.Х. Морская пехота в боях за Родину. М.: Воениздат, 1983. С. 22.

² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37977. Оп. 3. Д. 132. Л. 130, 133, 134.

**Полковник
В.В. ИЗОПОВ,
доктор исторических наук,
профессор
(Москва)**

ПЕРВЫЙ РАКЕТНЫЙ МАРШАЛ РОССИИ

Обложка книги

ДО НЕДАВНЕГО времени многие примечательные подробности жизни и деятельности выдающегося военачальника главного маршала артиллерии М.И. Неделина были строго засекречены. Но вот с выходом в свет уникального сборника*, включившего в себя 80 редких документов шести государственных и ведомственных архивов Российской Федерации, подкрепленных материалами периодической печати, они стали доступны для широкого круга читателей, интересующихся историей военно-космической техники, Ракетных войск стратегического назначения (РВСН).

М.И. Неделин и РВСН, М.И. Неделин и ракетно-ядерное оружие неотделимо встречались на страницах других изданий и раньше, но до сих пор подобные упоминания выглядели довольно схематично, и не всем было понятно, почему военачальник, стоявший менее года во главе нового вида Вооруженных Сил СССР, занимал (занимает и поныне) такое почетное место в истории ракетных войск. Теперь же появилась реальная возможность узнать, как и почему это произошло, что конкретно сделано главным маршалом артиллерии в создании ядерного оружия, освоении космоса, формировании ракетных частей и соединений, выработке основ их бо-

* Первый ракетный маршал: М.И. Неделин в документах и воспоминаниях современников / Сост.: В.И. Ивкин, Г.А. Сухина. М.: ЦИПК РВСН, 2003. 240 с.

евого применения, обучении ракетчиков, выборе наиболее оптимальных вариантов организационных структур РВСН.

Составители, на мой взгляд, очень удачно открыли сборник собственноручно написанной М.И. Неделиным в июле 1947 года автобиографией. Четко сформулированные, внешне сухие слова этого документа, сопровождаемые обширными комментариями, убедительно раскрывают образ военачальника как выдающейся личности, требовательного в первую очередь к самому себе, к оценке своей деятельности.

Митрофан Иванович Неделин — непосредственный участник Великой Отечественной войны на всем ее протяжении, опытный артиллерийский командир, организатор эффективного использования большой массы артиллерии в крупнейших операциях, навсегда вошедших в историю как доказательство полководческого таланта советских генералов и маршалов. Звания Героя Советского Союза М.И. Неделин был удостоен именно за умелое руководство артиллерией фронта в Будапештской и Венской операциях, при отражении контрнаступления фашистских войск в районе озера Балатон в феврале—апреле 1945 года. А ведь до этого были еще Ясско-Кишиневская и Белградская операции, тяжелейшие оборонительные бои 1941—1942 гг.

Боевую же биографию Митрофан Иванович начал красноармейцем. Очень много информации о М.И. Неделине содержит напечатанные в книге его боевые характеристики, аттестации за подписью известных советских полководцев и военачальников — Маршала Советского Союза Ф.И. Толбухина, главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова. После ознакомления с этими убедительными свидетельствами становится ясно, почему генерал-полковник артиллерии М.И. Неделин после войны был назначен на такие высокие должности, как начальник штаба артиллерии Советской Армии, заместитель министра Вооруженных Сил СССР по вооружению.

Правомерно, что основное внимание составители сборника уделили документам и материалам, связанным с деятельностью М.И. Неделина по созданию отечественных ракет — от оперативно-тактических до стратегических, по разработке космической техники, формированию ракетных

частей и соединений, Ракетных войск стратегического назначения. Читая их, чувствуешь дыхание того времени, напряженный творческий коллективный, поистине героический труд при решении сложнейших научных, конструкторских, производственных, строительных и организационных проблем. Участники этого грандиозного процесса, как рядовые труженики, так и его организаторы, являлись первопроходцами, и времени на долгое продумывание и практическое апробирование у них не было, ведь требовалось в кратчайшие сроки выдавать положительный результат. В таких условиях неизбежен риск и ошибки, порой трагические. Как известно, М.И. Неделин погиб при испытании первой советской межконтинентальной ракеты на высококипящих компонентах топлива Р-16. Он был назначен председателем государственной комиссии по испытаниям этой ракеты, принимал личное участие в подготовке ее первого пуска.

Из документов видно, как шел поиск оптимальных организационных структур, строительство объектов Ракетных войск, причем везде ощущается роль и место Митрофана Ивановича Неделина.

Считаю удачным то, что в сборнике нашлись страницы для очень интересного приложения, озаглавленного «Род Неделиных», которое оживляет содержание книги, углубляет понимание того, кем был М.И. Неделин, каковы его корни, традиции семьи, где он родился и рос, откуда пошел в большую жизнь, где приобрел известность, стал исторической личностью.

Прочитав книгу, уже не задаешься вопросами, почему в честь М.И. Неделина названы улицы, учебные заведения, почему экспозиции музея РВСН, войсковых музеев и комнат славы открываются его именем. Словом, новое пособие дает возможность значительно расширить знания о первом главкоме РВСН.

Хочется надеяться, что составители сборника продолжат свою кропотливую работу по поиску и опубликованию новых документов как о М.И. Неделине, так и о других военачальниках, с именами которых неразрывно связана история Ракетных войск стратегического назначения.

*Полковник в отставке
А.В. БУЧИН
(Москва)*

КНИЖНАЯ ПОЛКА
ВОЕННОГО ИСТОРИКА

НОВЫЕ КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»

Обложка книги

Белая борьба на Северо-Западе России / Под ред. С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 687 с.

Книга посвящена истории белой борьбы на Северо-Западном фронте с осени 1918 по начало 1920 года. В воспоминаниях участников событий тех лет подробно освещается боевая деятельность таких известных в свое время военачальников, как Н.Н. Юденич, светлейший князь А.П. Ливен, А.П. Родзянко, А.Е. Вандам, граф А.П. Пален, П.В. Глазенап, К.И. Дыдоров, Б.С. Пермикин, С.Н. Булак-Булахович, П.Р. Бермондт-Авалов и др. Большое внимание уделено сложным военно-политическим аспектам взаимоотношений белых армий с бывшими союзниками (англичанами и французами) и противниками (немцами), а также со стремившимися к самостоятельности странами Балтии. Показан трагизм положения русских армий в Эстонии, вынужденных после неудачного похода на Петроград расформироваться, превратиться в массу беженцев и угодить в эстонские лагеря принудительных лесных работ для «лиц без определенных занятий».

Книга снабжена обширными, впервые публикуемыми комментариями, содержащими неизвестные биографические справки об авторах и героях очерков.

* * *

Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии / Под ред. С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 943 с.

Книга посвящена первым месяцам истории русской армии после эвакуации из Новороссийска и Одессы в Крым части Вооруженных сил Юга России (март—август 1920 г.).

В книге детально представлен сложный процесс передачи командования ВСЮР от генерала А.И. Деникина к генералу П.Н. Врангелю. Подробно описаны действия нового командования по воссозданию боеспособной армии и ее духа, переходу в контрнаступление и проведению военных операций в Северной Таврии и на Кубани. Эти и последующие акции завершили Гражданскую войну. «Слава побежденным!» — такими словами заканчивается один из фрагментов книги.

Издание снабжено обширными комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков.

Обложка книги

Обложка книги

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

● В апреле 1945 года полной победой советских войск закончилась Восточно-Прусская наступательная операция, которой посвящена статья «Падение Прусской цитадели». Автор статьи генерал-майор в отставке А.И. Круглов рассказывает не только о ходе операции, но также приводит состав сухопутных войск с обеих сторон — от армий до бригад включительно, фамилии советских командующих и командиров, места формирования, называет потери советских войск, указывает номера дивизий и их командиров, отличившихся при взятии городов и населенных пунктов Калининградской области.

● Тема Великой Отечественной войны раскрывается и в статье кандидата исторических наук Д.Е. Комарова «Здесь нам противостояла наиболее сильная из группировок противника...». Автор этого материала, уроженец г. Вязьмы, многие годы занимается исследованием боевых действий на территории своего края и в данной статье анализирует особенности Ржевско-Вяземской наступательной операции в марте 1943 года.

● Действию Войск ПВО в годы Великой Отечественной войны, их реорганизации вплоть до создания фронтов и вкладе в достижение успеха в ходе крупнейших сражений посвящена статья генерал-майора запаса, кандидата военных наук, профессора В.М. Канаева «Стратегическая обстановка требовала создать фронты ПВО...».

● Значительный интерес для читателей представляет статья М.В. Рябконой «Против партизан Брянщины», где рассказывается о создании на территории Брянской области так называемой Русской освободительной народной армии и ее действиях против партизан и регулярных войск Красной Армии.

● В статье, напечатанной под рубрикой «Неизвестное из жизни спецслужб», авторы майор О.В. Владимиров и подполковник В.А. Могильников рассказывают о первых шагах отечественной морской разведки на примере деятельности за рубежом российского морского атташе, выпускника Николаевской военно-морской академии В.А. Сташевского.

● Событиям советско-финляндской войны 1939—1940 гг. посвящена статья «Разведывательное обеспечение боевых действий Балтийского флота» капитан-лейтенанта В.Г. Кикнадзе, а кандидат исторических наук, доцент Т.М. Апостолова затрагивает события почти двухвековой давности: под рубрикой «Эпоха в биографиях» публикуется ее исследование об известном прусском генерал-фельдмаршале Блюхере, которого солдаты прозвали Старик-Вперед.

● Продолжается также публикация фронтовых дневников генерала А.Е. Снесарева, воспоминаний камер-пажа Б.А. Энгельгардта, а также материалов «Молодежного военно-исторического журнала», хронографа, книжной полки военного историка и отзывов на ряд новых книг, выпущенных различными издательствами страны.

ЗАСЕДАНИЕ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

НА ЗАСЕДАНИИ редакционной коллегии "Военно-исторического журнала" нового состава, которое по приглашению заместителя начальника Генерального штаба генерал-полковника А.С. Скворцова прошло в Генеральном штабе ВС РФ, рассмотрены основные направления работы журнала в 2004 году. В докладе главного редактора журнала капитана 1 ранга И.А. Анфертьева отмечалось, что они определены уставом редакции, приказом министра обороны РФ 2001 года № 265 "О военно-исторической работе в Вооруженных силах Российской Федерации", планом военно-исторической работы Вооруженных сил РФ на 2004 год, утвержденным начальником Генерального штаба ВС РФ, перспективным планом публикаций "Военно-исторического журнала" на 2004 год, утвержденным заместителем начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковником А.С. Скворцовым. В наступившем году члены редакционной коллегии намерены оказать журналу помощь в повышении научно-теоретического и литературного уровня публикаций, в улучшении его оформления. Предполагается, что будет усилена военная составляющая публикаций журнала, повышен научный уровень военных статей, использованы ранее не опубликованные источники. Намечены меры по оперативному разоблачению фальсификаций отечественной военной истории, освещению научных дискуссий по проблемным вопросам военной истории России. По-прежнему особое внимание будет уделено освещению наиболее важных юбилейных военно-исторических дат: 60-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., 100-летию русско-японской войны 1904—1905 гг., 90-летию Первой мировой войны 1914—1918 гг.

На заседании отмечалось, что требуется более оперативное освещение локальных войн и военных конфликтов новейшей истории. Особая роль в этом должна принадлежать военным историкам видов Вооруженных сил РФ, в первую очередь представителям Сухопутных войск.

На заседании рассмотрен план проведения мероприятий к 65-летию "Военно-исторического журнала". Решение о создании "Военно-исторического журнала" было принято ЦК ВКП(б) 29 апреля 1939 года. Редакция сформирована в соответствии с приказом народного комиссара обороны СССР № 85 от 5 мая 1939 года. 29 августа 1939 года вышел первый номер "Военно-исторического журнала", эта дата и считается юбилейной.

В связи с этим планируется подготовить и опубликовать подборку материалов, посвященных юбилею, в июльском (№ 7) номере журнала, изготовить сувенирную продукцию (вымпел, календарь, памятный знак с символикой журнала), осветить это событие в средствах массовой информации, а также провести юбилейное заседание редакционной коллегии и редакционного совета и торжественное заседание коллектива редакции с приглашением ветеранов и постоянных авторов.

На заседании также рассмотрен порядок рецензирования материалов, публикуемых в "Военно-историческом журнале".

В обсуждении рассматриваемых вопросов приняли участие члены редакционной коллегии журнала: первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник Ю.Н. Балуевский, заместитель начальника Генерального штаба генерал-полковник А.С. Скворцов, руководитель Федеральной службы России В.П. Козлов, начальник Организационного управления Главного оргмобуправления Генерального штаба генерал-лейтенант В.А. Жилин, начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба генерал-майор В.И. Останков, начальник Военно-мемориального центра ВС РФ генерал-майор А.В. Кирилин, начальник Института военной истории полковник А.А. Кольтюков, начальник Архивной службы ВС РФ полковник С.А. Ильенков, начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба полковник И.П. Макар, ответственный секретарь редакции И.В. Кузина.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Уважаемая редакция!

Я отвечаю за работу учебно-методического кабинета исторического факультета Томского государственного университета, участвую в проведении ежегодной городской межвузовской студенческой олимпиады «Ратная слава России». Выписываю ваш журнал регулярно, с 1994 года.

Считаю, что еще встречающиеся сегодня негативное отношение ряда СМИ к нашему прошлому, недавнему и более отдаленному, стремление принизить значение победы в Великой Отечественной войне, осмеяние армии и флота отрицательно сказываются на формировании взглядов молодежи, притупляют чувство личной сопричастности к судьбе Отечества. Напротив, ваш журнал своими действительно интересными публикациями помогает юным читателям узнать немало нового о славной военной истории Российского государства, задуматься над величием его народа, благородными понятиями служения Родине, верности ее традициям и святыням. Спасибо вам за это.

С уважением,

Э.А. КУЛИКОВ
(г. Томск)

СЛОВО О ВЕЛИКОМ ПОЛКОВОДЦЕ

В течение 20 лет из своей более чем полувековой жизни я собираю и храню различные публикации о Маршале Советского Союза Г.К. Жукове. К настоящему времени их у меня накопилось 218.

Да, написано о Маршале Победы много. И все же тенденция сегодняшних дней, если судить по направленности многих средств массовой информации, такова, что деятельность этого человека освещается без должной объективности. Есть немало оснований предполагать, что и в дальнейшем будут снижаться оценки его полководческого дарования, будет преобладать негатив в анализе его действий и поступков как военачальника и человека.

В этой ситуации очень важно, на мой взгляд, обращаться к тем книгам и статьям, где личность Г.К. Жукова и его дела отображены полно, всесторонне, без прикрас, но и без клеветы. Думается, что именно «Военно-историческому журналу», сумевшему соединить на своих страницах в умеренных пропорциях разумный консерватизм с современным русским патриотизмом, удастся это делать более последовательно и объективно, чем многим другим изданиям.

В собранных мною материалах далеко не все оценки деятельности полководца равноценны и однозначны. Вместе с тем они позволяют провести сравнительный анализ различных точек зрения, разного отношения в нашем обществе к военной истории вообще и к личности Георгия Константиновича, в частности. Могу судить о том по отзывам, которые поступили в мой адрес по поводу собранных мною материалов о Г.К. Жукове. Начиная с 1996 года мне удалось дважды публично их выставлять в моем родном городе.

Объективное слово о великом полководце в связи с подготовкой к празднованию 60-летия Великой Победы должно прозвучать громко, во весь голос, на всю Россию.

Р.А. НИГМАТУЛИН
(г. Ханты-Мансийск)

Пишет вам подполковник в отставке Фаткуллов Габдулла Рахматулович. «Военно-исторический журнал» я читаю с лейтенантских времен. Правда, служба и бытовые заботы не всегда позволяли мне читать его без перерывов. Вот и сейчас перечитываю только сохранившиеся подшивки и нахожу их интересными.

Скажу откровенно, меня взволновала статья в июльском (№ 7) за 1986 год «Ведение стрелковой дивизией оборонительного боя при отражении наступления превосходящих сил противника в начальный период войны» Н.М. Романичева. Интересно, что командир 87-й дивизии генерал-майор Ф.Ф. Алябушев заблаговременно, ввиду угрожающего положения, дал указание частям дивизии 20 июня 1941 года занять боевые позиции. И даже когда получил приказ вернуть дивизию в казармы, оставил все же на позиции 2 батальона и артбатарею. Также решили занять отведенные заблаговременно позиции командиры 41-й и 124-й дивизий.

Не знаю, как поступили командиры других приграничных районов, но этот факт уникален. Решиться в тех условиях занять позиции без указания вышестоящего начальства и оставить на них дежурные силы — для этого надо обладать незаурядной силой воли.

Хотелось бы узнать о судьбе этих командиров, как сложились для них обстоятельства в дальнейшем. Где они, как командиры, обучались до войны? Согласитесь, что эти офицеры заслуживают нашего внимания, памяти, благодарности.

И еще. Хочется дожить до вашего ответа.

Г.Р. ФАТКУЛЛОВ
(г. Харьков, Украина)

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук полковник И.И. Басик (Институт военной истории); И.О. Гаркуша (Российский государственный военно-исторический архив); полковник В.Л. Герасимов (Институт военной истории); доктор философских наук, профессор генерал-майор в отставке И.С. Даниленко (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); генерал-майор А.А. Зацаринный (Генеральный штаб ВС РФ); кандидат исторических наук И.В. Карпеев (Российский государственный военно-исторический архив); В.Н. Кузеленков (Российский государственный военный архив); доктор социологических наук, доцент полковник И.В. Образцов (Военная академия Генерального штаба ВС РФ); кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ); кандидат исторических наук, доцент капитан 1 ранга С.Л. Ташлыков (Военная академия Генерального штаба ВС РФ).

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов «Военно-исторический журнал» может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19, 195-61-18. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите в Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных Сил РФ по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а.

При перепечатке материалов ссылка на «Военно-исторический журнал» обязательна.

В работе над номером принимали участие:

научные редакторы —
С.В. АВЕРЧЕНКО, Е.В. ДОБЫЧИНА,
В.Т. ИМИНОВ, О.В. КАРПОВА,
Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, В.Г. ОППОКОВ,
А.В. ОСТРОВСКИЙ;

секретариат — Ю.В. СНЕГОВА
(заместитель ответственного секретаря), К.Н. АГАФОНОВА,
М.В. ЗАБРОДИНА, Е.В. КРИГЕР;

литературная редакция —
О.К. ГРАЧЕВА, А.М. ПЕТРОВ,
Г.В. САТИК;

художественные редакторы —
Л.П. ДЕМАХИНА, Т.Г. ПИМЕНОВА;

компьютерная верстка —
Д.А. КУЛИКОВ, Е.Л. ПАКИН.

Адрес редакции для переписки: 119160,
Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а,
редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19.

Сдано в набор 26.01.2004.
Подписано к печати 20.02.2004.
Формат 80x84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд. л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 12000 экз. Зак. 644.

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена
в Редакционно-издательском центре
Генерального штаба ВС РФ

Отпечатано в ЗАО
«Красногорская типография».

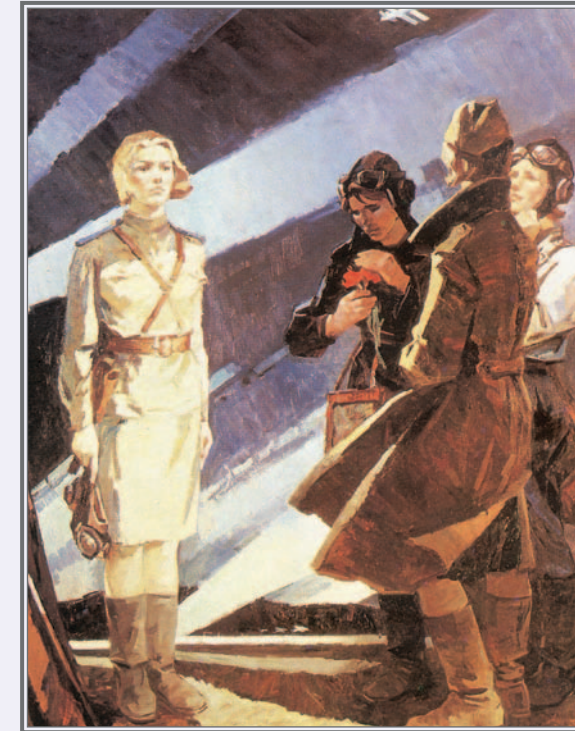
© «Военно-исторический журнал», 2004.

"В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НЕ СЕДЕЮТ ВИСКИ БЕЗ ПРИЧИН..."

Ушедший XX век останется в истории Отечества не только временем тяжелейших испытаний, эпохой великих свершений и потрясений. Яркой чертой этого столетия стала и значительно возросшая роль женщин во всех без исключения сферах жизни общества.

Женщины 40-х годов
Художник Р.А. БАТАРШИН, 1975 г.

ГОРЯ и невзгод нашим соотечественницам хватило с лихвой, особенно старшему поколению — женщинам, чья юность пришлось на огненные 40-е. Судьба России стала их судьбой... Память многое сглаживает и лучше хранит счастливые воспоминания. И если побегит иногда по морщинистой щеке слеза, так чаще от радости. Опаленные войной женщины научились преодолевать боль душевных и телесных ран еще тогда — 60 лет назад. О том, какой ценой они заплатили за это, читайте в материале доктора медицинских наук, профессора полковника медицинской службы А.А. Будко и кандидата медицинских наук Г.А. Грибовской "Женщина — воин, женщина — жертва".

Дочерям Отчизны посвящается
Художник Р.В. КУДРЕВИЧ, 1975 г.

8 марта —
Международный женский день

Читайте
в номере

Генерал Куропаткин раздает награды раненым под Вафангоу

Плакат времен русско-японской войны 1904—1905 гг.

Публикацию подготовил капитан 3 ранга А.В. МАЛИНОВ (Москва)

А КНЯЗЮ — СЛАВЫ"

Русское вооружение с XIV до половины XVII столетия

Шеломы

Шапки железные

С НАЧАЛА XII века частыми для русских ратников становятся оборонительные битвы с кочевниками. По этой причине на Руси доспехи не стали такими тяжелыми, как в армиях Западной Европы, — во время боя с очень подвижными степными кочевниками требовалось быстрое маневрирование.

По древнерусским понятиям, собственно боевое одеяние без шлема и называлось доспехами; позднее этим словом стало называться все защитное снаряжение воина. Среди элементов боевого облачения кольчуге долгое время принадлежало бесспорное первенство. Она использовалась на протяжении X—XVII вв.

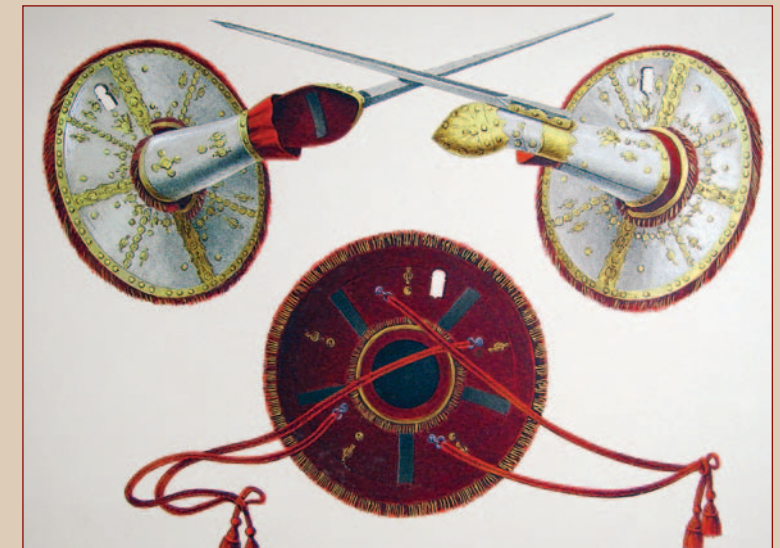
Кроме кольчуг на Руси была принята, но до XIII века не являлась преобладающей защитная одежда из пластин. Пластинчатые брони существовали на Руси с IX по XV век, чешуйчатые — с XI по XVII век. Последний вид доспехов отличался особой эластичностью. В XIII веке распространяется ряд таких усиливающих защиту тела деталей, как поножи, наколенники, нагрудные зеркальные бляхи, наручии.

Во время монгольского нашествия (с 1237 по 1340 г.) русские переняли у противника и кое-что из его оружия. Вместо прямого обоюдоострого меча появилась сабля, продолговатый щит был заменен круглым, в центре которого помещалась большая железная шишка. На кольчуге появились железные бляхи — пластинки. Это стало началом перехода к латам. Но дальше дело не пошло. Таких лат, какие носили в XIV—XV вв. французские, немецкие и другие рыцари, у русских никогда не было.

Для усиления кольчуги или панциря в XVI—XVII вв. в России применялись дополнительные доспехи, которые надевались поверх брони. Эти доспехи именовались зеркалами. Они состояли в большинстве случаев из четырех крупных пластин: передней, задней и двух боковых. Пластинки, вес которых редко превышал 2 кг, соединялись между собой и скреплялись на плечах и боках ремнями с пряжками (наплечниками и нарамниками). Зерцало, отшлифованное и начищенное до зеркального блеска (отсюда и название доспехов), часто покрытое позолотой, украшенное гравировкой и чеканкой, в XVII веке чаще всего имело уже чисто декоративный характер.

В XVI веке на Руси получают широкое распространение кольчатый панцирь и нагрудные доспехи из соединенных вместе колец и пластин, расположенных наподобие рыбьей чешуи. Такие доспехи называли бахтерец. Собирался бахтерец из расположенных вертикальными рядами продолговатых пластин, соединенных кольцами с коротких боковых сторон. Боковые и плечевые разрезы соединялись с помощью ремней и пряжек. К бахтерцу наращивали кольчужный подол, а иногда — ворот и рукава. Средний вес таких доспехов достигал 10—12 кг.

В это же время щит, утратив свое боевое значение, становится парадно-церемониальным предметом. Это относилось и к тарчу — щиту, навершие которого представляло собой металлическую руку с клинком. Такой щит применялся при обороне крепостей, но встречался крайне редко.

Тарч

Ратники в тегиляях и шапках железных

Публикация полковника В.М. КРЫЛОВА, кандидата исторических наук;

С.В. УСПЕНСКОЙ, кандидата исторических наук (Санкт-Петербурге)

Плакаты времен русско-японской войны из собраний Российского государственного военно-исторического архива

«...ЗА ПОДВИГ ВАШ, СТРАДАНИЯ И КРОВЬ СКОРБЬЮ ПЛАТИМ ВАМ И ВОСХИЩЕНИЕМ»

24 ЯНВАРЯ 1904 года* Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, используя в качестве предлога ее неуступчивость на переговорах, а 26 января начала войну, которая официально была объявлена 28 января.

Япония располагала сравнительно небольшой, но хорошо подготовленной и оснащенной новейшим вооружением кадровой армией численностью свыше 150 тыс. человек. После мобилизации в составе армии насчитывалось до 375 тыс. человек, 1140 орудий и 147 пулеметов, во флоте — 80 боевых кораблей (6 эскадренных броненосцев, 8 броненосных и 12 легких крейсеров, 27 эсминцев, 19 миноносцев, 8 канонерских лодок, сведенных в 3 эскадры). Россия, располагавшая крупнейшей в мире кадровой армией (1 135 тыс. человек), имела на Дальнем Востоке всего 2 армейских корпуса общей численностью около 98 тыс. человек, 148 орудий и 8 пулеметов, а также 24 тыс. человек пограничной стражи. Эти силы были разбросаны на огромном пространстве, включавшем территорию Маньчжурии, Забайкалья и Приморья. В состав русского флота на Дальнем Востоке входили 63 боевых корабля (7 эскадренных броненосцев, 4 броненосных и 7 легких крейсера, 27 эсминцев, 10 миноносцев, 2 миноносных крейсера, 6 канонерских лодок), многие из которых были устаревшими. Таким образом, к началу войны вооруженные силы Японии превосходили русскую армию на Дальнем Востоке в людях более чем в 3 раза, артиллерии — почти в 8, пулеметах — в 18 и в кораблях — в 1,3 раза. Серьезно снижали военные возможности России отдаленность и слабое оборудование Дальневосточного ТВД, а также недостаточная пропускная способность единственной, еще не достроенной Транссибирской железнодорожной магистрали. В целом Россия была не готова к войне с Японией, которая планировала внезапным ударом уничтожить русский флот, установить господство на море и, обеспечив свои морские коммуникации, быстро перебросить на материк сухопутные силы, захватить Порт-Артур и разгромить русскую армию в районе Ляояна. Планировался также захват Кореи и о. Сахалин, а в дальнейшем всей Маньчжурии, Приморья и Уссурийского края. В ночь на 27 января 1904 года японский флот внезапно атаковал русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, а днем 27 января в порту Чемульпо (Корея) — крейсер "Варяг" и канлодку "Кореец". Несмотря на потери, русский флот отбил нападение врага и сохранил боеспособность. Поначалу противнику не удалось полностью заблокировать его в Порт-Артуре. Вступивший 24 февраля в командование русским флотом вице-адмирал С.О. Макаров развернул активную подготовку к борьбе за господство на море. Но 31 марта он погиб при подрыве на mine флагманского броненосца "Петропавловск". Назначенный командующим флотом вице-адмирал Н.И. Скрыдлов не смог попасть в блокированный врагом Порт-Артур. После гибели Макарова командование эскадрой сначала взял на себя наместник российского императора и главнокомандующий Вооруженными Силами на Дальнем Востоке адмирал (1903), генерал-адъютант (1901) Е.И. Алексеев, находившийся в Мукдене. Но 22 апреля в связи с осложнением обстановки на Ляодунском полуострове он возложил исполнение обязанностей командующего эскадрой на ее начальника штаба контр-адмирала В.К. Витгефта. Будучи человеком нерешительным, Витгефт уступил инициативу противнику. Русская Тихоокеанская эскадра была заперта на внутреннем рейде Порт-Артура. Господство на море перешло к японскому флоту. Блокада Порт-Артура позволила японцам беспрепятственно перебрасывать свои войска морем на материк.

* Все даты приводятся по старому стилю.

Государь Императоръ благословляетъ войска къ походу на Дальний Востокъ.

▲ Государь император благословляет войска к походу на Дальний Восток

Генерал-адъютант Е.И. Алексеев — наместник российского императора на Дальнем Востоке, главнокомандующий сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке (февраль—октябрь 1904 г.)

▲ Бомбардировка крепости Порт-Артур

Бомбардировка крепости Порт-Артур.

ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ СТЕПАНЪ ОСИПОВИЧЪ МАКАРОВЪ 1 23 МАРТА 1858 1904

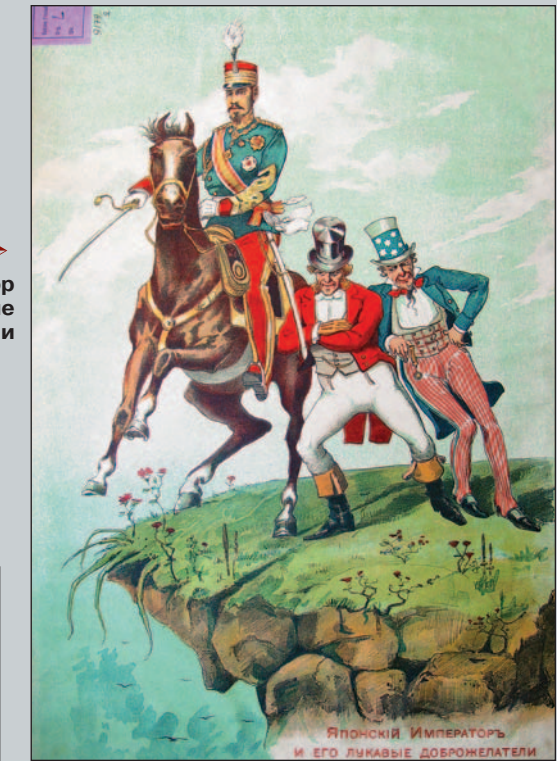
Вице-адмирал Степан Осипович Макаров

▲ Японский император и его лукавые доброжелатели

▲ Георгиевские кавалеры — офицеры крейсера "Варяг"

▲ Картина боя крейсера "Варяг" с японской эскадрой

ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОРЪ И ЕГО СПОДВИЖНИКИ

▲ Японский император и его сподвижники

▲ Отражение японской атаки "Ретвизаном"

Публикацию подготовил И.В. КАРПЕЕВ, кандидат исторических наук (Москва)